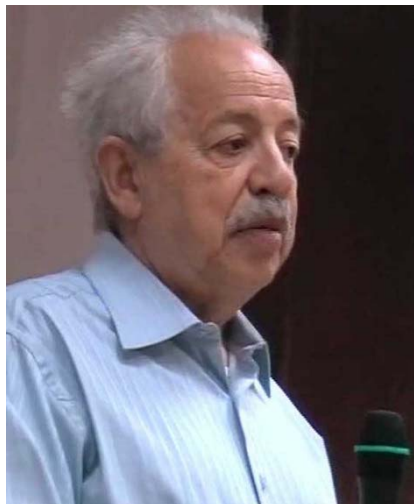

НАУМ БАСОВСКИЙ

**СМЕШАННЫЙ
ЛЕС**

hosted at epride.com

Наум БАСОВСКИЙ родился в Киеве в 1937 году. Окончил Киевский педагогический институт и Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Автор более 30 научных публикаций и изобретений. С 1962 г. жил в Москве, работал в области технической акустики. Репатриировался в Израиль в 1992 году. С 1993 по 2007 гг. продолжал работать по специальности.

Автор двенадцати сборников стихов: «Письмо заказное» (Москва, СП, 1989), «Свободный стих» (Иерусалим, 1997), «Полнозвучие» (Иерусалим, 2000), «Об осени духа и слова» (Иерусалим, 2004), «Не смолк ни один мотив» (Иерусалим, 2007), «Анфилада» (Москва, Водолей, 2008), «ИЗ ТАНАХА. Стихотворные переложения» (Москва-Иерусалим, Даат/Знание, 2008), «Возвращается эхо» (Иерусалим, 2009), «Контрапункт. Двадцать три поэмы» (Иерусалим, 2010), «Пустынник» (Иерусалим, 2012), «Камни и миражи» (Иерусалим, 2014), «Избранное» (2017, в 2 томах).

Многократно печатался в журналах и альманахах Израиля, России, Украины, США, Германии, Франции, Англии. Дважды лауреат поэтического конкурса памяти Ури-Цви Гринберга (2004, 2006). Сборник «Свободный стих» удостоен премии Союза писателей Израиля за лучшую книгу года на русском языке (1999).

НАУМ БАСОВСКИЙ

СМЕШАННЫЙ ЛЕС

2017 - 2020

СТИХОТВОРЕНИЯ
БАЛЛАДЫ
ПОЭМЫ

ИЕРУСАЛИМ
2022

Наум Басовский
СМЕШАННЫЙ ЛЕС

Посвящаю В.

Nachum Basovsky
MIXED FOREST

נחום בסובסקי
יער מעורב

© Все права принадлежат автору

В оформлении книги использованы фотографии
из открытого доступа в Интернете

Контактный телефон: 972-3-950-06-62

Электронная почта: vnb1@bezeqint.net

ISBN 978-965-91363-4-6

Типография «НОЙ», Иерусалим

СОДЕРЖАНИЕ

2017 ДОМ И СУДЬБА

Никаких границ для сравнений нет.	19
В рутинном ежедневном шуме	20
Иду вдоль невысокого забора	21
ФОТОГРАФИЯ.	23
СТАРЬЁВЩИК.	24
Несколько книг.	25
ГЕРМАН ГЕССЕ.	26
Всякий раз, когда смотреть в колодец	27
Стою на большом вокзале.	29
На съёмочной площадке вырос дом	30
МОЯ ДОРОГА.	32
Жизнь идёт, и ползёт, и влачится	32
ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО.	33
ИСТОРИЯ.	34
ПЛОТ.	36
Черно-белые кадры кино.	37
Доносятся звуки рояля.	38
ГОРОДОК.	39
СОН.	41
БАЛЛАДА О ПОЕЗДЕ	42
Скрипит при вращении ворот колодца.	43
Тут и не нужно совсем никакого.	44
ЖИЗНЬ И СУДЬБЫ (поэма).	45
Сад был весь из белого налива.	60
Есть усталость, хандра, апатия.	61
В девятнадцать часов зажжены.	62

В пятом классе в то время я был.	63
ПЕРЕХОД.	65
В какой-то там шалман приковылял.	66
Вычищен, вымыт.	67
В городе старом.	68
Когда свободен дух.	69
Как стряхивают пыль с лежалого ковра.	70
Слова эти все знакомы.	70
Пахнет свежей побелкой.	71
ПЕРВАЯ КОММУНАЛКА.	72
Часы с кукушкой были у соседки.	75
В Пярну в конце октября.	77
КЛОУН.	77
Льют проливные.	79
МОНОЛОГ ПИРОСМАНИ.	79
Рай нелегко представить.	81
БАЛЛАДА О МОЛЧАНИИ.	82
СТАРАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ.	84
ПЛАВАНИЕ.	85
ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ.	86
ПОЕЗД.	87
В доме человек живёт не ленится.	88
Слова недолговечны, как бумага.	89

2018 ТИШИНА ТРОПЫ

УТРО.	93
И вновь моя дорога по пустыне.	94
Есть в жизни неразгаданное что-то.	94
Воспоминанья детства – как трава.	96
Ну, что же, пора подвести итог.	97

Одинаково в землю уходят цари и рабы.	98
Проснувшись рано, выглянул в окно.	99
Всё, что я накопил.	100
Забыть бы про это про всё – и молчок.	101
Что тут скажешь? Хороший финал.	102
Помотало меня по страстям.	103
Третий день отдыхает телега.	104
Стоянка тут всего лишь три минуты.	105
ШАГИ.	106
Когда не спишь, всё прошлое теснится.	108
Бывают, что ни говорите.	109
Смотритель маяка, доживший до седин.	110
Прочитал, вознёсся – и далее.	111
В час, когда полоса грозовая.	112
ПИСЬМА.	113
Не ленись – подойди и опять посмотри.	115
Приснился сон по имени «вокзал».	116
Рыться в книгах на книжных развалах.	116
Тихо-тихо вокруг на заходе субботы.	118
Сначала веером шли дороги.	118
ВЕНЕЦИАНСКАЯ БАЛЛАДА.	120
Фотофиниша тут не надобно.	122
ВИНОГРАДАРЬ.	123
Перечитываю Кронгауза.	124
И плёнки были слабые, и техника убогая. ...	125
Я пройду по канату.	126
С ИНТЕРВАЛОМ В ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ.	127
Вино и хлеб сегодня не проблема.	136
Опять приснился город незнакомый.	137
Балкон, нависший над водой.	138

После войн, революций.	139
Память без напряжения.	141
С дороги мы сбились – пропала тропа.	141
Тёмноплиточный, но не мрачный.	143
Крыльцо с резным узором и с подковой.	144
Заброшенное кладбище еврейское.	146
Время за полночь. Сонно в округе.	146
Пчелиные соты в макитре.	147
Совпадение слов.	148
ТРИПТИХ О МОЁМ АРХИВЕ.	149

2019 ТЕНИ ВРЕМЕНИ

Мир сузился до личного жилья.	161
Запах мокрой земли.	162
БАЛЛАДА О ВОДЕ.	163
Ты можешь в любой момент.	165
ЕЩЁ О РОДОСЛОВНОЙ.	166
Рельсы, шпалы, стрелки, семафоры.	167
Белые домики, красные крыши.	168
Антоныч, одноногий инвалид.	169
Приходится поезду час или два ожидать.	171
Достань-ка мне, попугай.	172
Старинный город над большой рекой.	173
ЛАБИРИНТ.	175
КОРОНАЦИЯ.	176
Куда-то машины мчат.	178
Холст натянут, уже загрунтован.	179
БАЛЛАДА О СТАРОМ КОМОДЕ.	180
От рассвета и до вечера.	181
На телеэкране – город.	183

ДОМ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ (поэма).	185
Дорога от грога до гроба.	189
В морскую толщу звёзды утекли.	190
Тиха и раздумчива музыка Гии Канчели.	191
ПЬЕСА ДЛЯ СТРУННЫХ (поэма).	192
Я к этой усадьбе пришёл ненароком.	199
На небе хлопочет ангел.	200
Я ювелир, я резчик и огранщик.	201
Рабочий день без перерыва длится.	202
ТРАМВАЙ.	204
Вдоль моря по песку неровные следы.	205
По насыпи мертвенно-лунной.	206
ДНЕВНИК.	207
Проснулся ночью в испуге.	211
У горных стремительных рек.	212
Мой отец был портной.	213
ФАНТАЗИЯ ПАМЯТИ НАХУМА ГУТМАНА.	214
Встал я ночью, чтоб записать.	215
БАЛЛАДА ВОСХОЖДЕНИЯ.	217
Мироздания нашего главный секрет.	218
О ком твой плач, Иеремия.	219
САД.	221
Пока не нашёл дорогу.	222
ВОСПОМИНАНИЕ О ШТАРКМАНЕ.	223
Успех на вкус традиционно сладок.	224
ФЕЛЬДШЕР.	224
Это не ностальгия.	226
ПИВОВАР.	228
ПОЭТ (2019).	229
Вращается щербатый диск.	230

На глине закаменевшей.	231
Это стихи без возраста.	232
СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ.	232
МОЙ ДОМ.	234
ПАМЯТИ ГЕРМАНА ГЕССЕ.	236
Разница вещественных и мнимых.	237
Я б написал о тихой реке.	239
Мой давний предок, ребе Мордехай.	240
Море недалеко, а снится зачем-то река.	241
Кто на одной земле.	243
Нигде я в Грузии не жил.	244
Не Литейный и Невский.	244
Когда внезапный летний дождь.	246

2020 ЗВУК И ЗНАК

От нелепых фантазий.	249
Тяжёлый грохот стоит.	250
Только четверть часа, как вокзала не стало.	251
СМЕРТЬ ПОЭТА.	252
До сих пор там печка гудит в непогоду.	254
Он был знаток, умелец, чародей.	255
Я совсем не хочу примерять.	256
Полжизни положил на то.	257
На орла или решку – вот и вся недолга.	258
НАТЮРМОРТ.	259
ДОМ У ДОРОГИ.	260
Я уродился слабым от природы.	262
Кино, футбол и молодые страсти.	262
Припомнишь музыку любимую.	264
Когда-то ты была бороздкой на пластинке.	265

Поезда, электрички, автобусы, реже такси. .	266
Каждый год получаю я странный пакет.	267
О ЛЮБВИ.	268
Опять накопилось нелепое это старьё.	269
Чёрные строчки черновика.	270
ВОСПОМИНАНИЕ О НАТЮРМОРТЕ.	271
ДУЭТ.	273
Слава Богу, что нет войны.	273
Зажёг свечу в память о добром друге.	274
Жёлт песок, а роща зелена.	275
Нет, не нужно придумывать.	276
Музыка Шнитке, Канчели.	277
Поэта заключили в одиночку.	278
ВОСЬМАЯ СИМФОНИЯ (поэма)	279
НОЧНОЙ ГОСТЬ.	292
Он терпелив, колеблемый треножник.	294
Избушка или, может быть, сторожка.	295
ПРЕДРАССВЕТНОЕ.	297
Уж так ведётся – все стремятся к морю.	298
Бабушка Сара была для меня.	299
Дорога заросла – видна едва.	300
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ СИЗИФА.	301
РАДУЖНАЯ БАЛЛАДА.	302
Встал поутру.	304
Эту книжку записную.	305
Полуночный вокзал.	306
Узкий мост над медленной рекой.	307
Проснулась укоризненная память.	308
Печаль еврея – не английский сплин.	309

Что накопил, должно перемолотья.	310
Мечтал приехать в незнакомый город.	311
КОНЦЕРТ ОКОНЧЕН.	313
Когда я только приступил к прологу.	314
Библиофил в течение многих лет.	315
Никогда бы не смог.	317
ОЛИВА.	318
Человек живёт себе.	319
Что остаётся?	320
МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА.	321
Мы были рождены.	322
Этот возраст – как награда.	322
Нужно быть в хорошей форме.	324
ШАХМАТНАЯ БАЛЛАДА – 3.	324
ПЕГАС.	326
На раннем рассвете поёт одинокая птица. . .	327
СЛОВА.	328
ГРУСТНЫЙ СОНЕТ.	330
ТРИПТИХ-СОНАТА.	331
Большие мастера в трудах извечных.	336
Поколение начала двадцатого века.	337
Исайя жаловался Богу.	339

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

СМЕШАННЫЙ ЛЕС

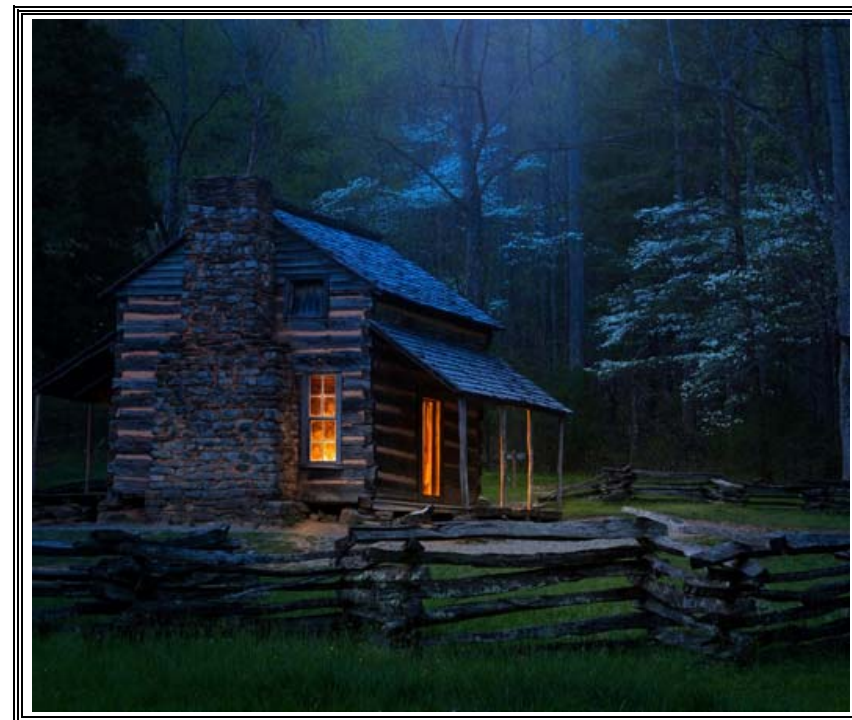
В.

Смешанный лес – не дубовая роща,
не корабельный возвышенный бор.
Он победнее, и выглядит проще,
и для фантазии меньше простор.
Но углубишься в его светотени,
в мягкие тропки, в глухой сухостой –
скромные лики знакомых растений
тронут неброской своей красотой.

Взгорок окрасится россыпью ягод,
мох оттопырится стайкой маслят...
Может быть, на день, а может быть, на год
лес прикуёт созерцательный взгляд.
Двигаться будешь неспешно и чутко,
как бы бесцельно, но чутко, пока
не набредёшь на звучащее чудо –
тихо-прозрачный напев родника.

Смешанный лес – не таёжная чаща,
где потеряется и следопыт.
Можно встречаться то реже, то чаще –
смешанный лес не запомнит обид.
Души людские всегда беспокоя
тайной доступности, скрытой от глаз,
это и время, и место такое,
что соразмерно любому из нас.

Август 2014

ДОМ И СУДЬБА 2017

* * *

В.

Никаких границ для сравнений нет,
если в них готовы поверить вы.
Вот сказал один хороший поэт,
что стихи похожи на шум листвы.
А листва и шепчет, и говорит,
в ней услышать можно любой язык –
для любых просодий тут путь открыт,
для любых фантазий простор велик!

Но листва, которая надо мной,
почему-то просто шумит себе,
а стихи диктует язык родной,
и они всегда о моей судьбе.
В них тревоги долгих и трудных лет,
моего дыхания след прямой,
и на шум листвы не похожи, нет,
а скорей на голос негромкий мой.

И ещё немного на звук струны,
что была натянута для игры,
да прельстилась ясностью тишины
и надолго замерла до поры.

А когда окончилось забытьё
и когда вернулась к игре она,
то казалось всем, кто слышал её,
что рождает музыку тишина...

Март 2017

* * *

В рутинном ежедневном шуме
из громких и невнятных фраз
теряю нить своих раздумий
не раз, не два, а много раз.

Твердят избитое, пустое
с угрюмой важностью лица...
Каких усилий это стоит –
додумать что-то до конца!

И я молю, чтобы продлилась
людским стараньям вопреки
магическая молчаливость
пустыни, леса и реки.

Март 2017

* * *

Иду вдоль невысокого забора
в каком-то незнакомом городке.
Картонка-адрес у меня в руке,
и нужный номер, очевидно, скоро.

Да вот и он – тесовый старый дом,
резные ставни и крыльцо резное.
Да, это он, возникший предо мною,
но вот кого я обнаружу в нём?

Стучусь. И чуть не сразу на пороге,
как будто он за дверью ждал меня,
ненужные сомнения гоня,
стоит хозяин в тапках и шлафроке.

«Входите, – без приветствий говорит, –
нет никого, увы, в домах соседних,
а мне и вправду нужен собеседник:
уж вы простите мой домашний вид.

Вот яблоки – они сейчас из сада,
вот кресла – вам удобно будет в них,
а вот и текст, о коем напрямик:
во мне возникла некая досада...»

«Так ведь и я сюда явился к вам,
чтобы свою обговорить досаду:

в том, что пишу, сегодня мало ладу
и много недоверия к словам.

Надеялся, что вы, высокий мастер,
дадите мне какой-нибудь совет...»

А мне хозяин говорит в ответ:
«Мы лошади одной и той же масти.

Мы оба пашем, не жалея сил,
порой себя сверх меры загружаем,
и оба недовольны урожаем –
я потому приехать вас просил.

Я полагал, что вы, знаток созвучий,
научите их слушать в тишине,
а вы, приехав, жалуетесь мне,
что ваш напев не очень-то живучий!

Вы прилетели из другой страны,
сюда, на север, с огненного юга.
Мы знаем, что не можем друг без друга,
но и помочь друг другу не вольны».

Мы оба две минуты помолчали,
а может быть, молчали целый час,
и я был тот, каков я и сейчас,
а он был тот, каким я был вначале.

И мы молчали, думая о том,
что хорошо бы нам соединиться –

но перед каждым чистая страница,
и что на ней появится потом?!

Март 2017

ФОТОГРАФИЯ

Лакированный ящик потёртый
на высокой и шаткой треноге –
старой техникой этого сорта
управляли, наверное, боги:
вот прицел из-под чёрной накидки,
в пальцах крышечка от объектива,
и рождались не просто открытки,
а воистину дивные дива.

Это было для многих впервые,
потому не дыша застывали,
но и нынче они как живые –
так подробны и вняты детали,
так отчётливо выпуклы позы,
так достоинством полнятся лица,
что на снимках, явившихся после,
это всё уже не повторится.

Ремешок аппарата на шее,
щёлк затвора, прокручена плёнка...

С каждым днём отпечатки дешевле,
с каждым днём интенсивнее гонка.
На ходу, на бегу и в просветах
щёлк – и целиться даже не надо!
Сотни снимков хранятся в пакетах,
удостоенных беглого взгляда.

А в руке уже умный мобильник,
круглосуточно к съёмке готовый,
и в его урожаях обильных
чьи-то лица мелькают и тонут.
В нём твоих отражений рулоны,
в нём домашних музеев полотна,
и мгновений твоих миллионы
в гигабайты спрессованы плотно...

Март 2017

СТАРЬЁВЩИК

– Старые вещи берём! – зачем-то во мне возник
этот почти забытый, из давнего детства крик.
Обычно кричал старик с большим заплочным мешком,
стянутым у горловины кожаным ремешком.
Он никогда во двор не приходил налегке –
много соблазнов для нас было в его мешке:
булавки, флаконы, пёрышки, гирьки, карандаши
и другие забавы незрелой детской души.

И местная детвора во всю разбегалась прыть,
чтобы старьём домашним старика покорить,
и начиналась торговля в дальнем углу двора,
споры и уговоры – серьёзной была игра! –
на кирпичах, на брёвнах, а то и просто в пыли,
зато какие улыбки потом на лицах цвели!
Понятно, старик был нищий, мы жили все в нищете,
но помнятся и поныне смешные богатства те,
и эта серьёзная очень, хоть и смешная игра
учила нас различенью понятий зла и добра,
ибо старик убогий с кучей своих затей
мог обмануть легонько, но не грабил детей.
Он заскорузлыми пальцами детских касался душ,
за приношения наши давая всякую чушь,
исподволь в нас внедряя главный, мудрый обман:
это не купля-продажа, а добровольный обмен.
И глубинных сравнений тут уж не избежать:
старые вещи – как люди, их надобно уважать,
продлить их тихую старость мы стараться должны,
но продавать их глупо, ибо им нет цены.

Март 2017

* * *

Несколько книг, перечитанных множество раз;
несколько фильмов, что помнишь буквально по кадру;

несколько дисков – любимых мелодий запас, –
выбор такой, чтобы он не во вред миокарду.

Можно бы больше, но вряд ли ты станешь смотреть,
слушать, читать и потом аплодировать в раже;
можно и меньше – тот список урезать на треть, –
выбор всей жизни, он сделан значительно раньше.

В прошлом твой юный и среднего возраста раж –
нынче пространство для вдумчивых воспоминаний.
В прошлом остался почти неподъёмный багаж –
выбор нетруден из массы накопленных знаний.

Можно на флэшке оставить три файла всего,
мысленно рядом поставив обширные свитки, –
это и будет всего багажа существо:
«Зеркало», «Дар» и «Квнтет» или «Фаустус» Шнитке.

Март 2017

ГЕРМАН ГЕССЕ

Он с детства знал, что станет поэтом, –
ему Господь нашептал об этом,
но с детства видел, что все вокруг
эту стезю подвергают смеху;
если б не покровительство сверху,
не избежать бы душевных мук.

Вокруг все ищут реальных выгод,
и для него это был бы выход,
чтоб зов души помирить с толпой.
Но он себя над толпой возвысил –
занял душу игрою в бисер,
по части выгод совсем слепой.

В мире, где правят война и нажива,
лишь одно стремление не лживо –
к вершине башни стеклянных бус,
и случается в этой башне
день грядущий и день вчерашний
соединить при помощи муз.

Там композиторы и поэты
почти случайно находят приметы
слияния этих двух стихий,
и на основе тонкой науки
стеклянных бус оживают звуки –
рождаются музыка и стихи.

Март 2017

* * *

Всякий раз, когда смотреть в колодец случалось,
я вспоминал, что в нём увидеть можно звезду.

Только почти всегда воспоминанье кончалось
каким-то неясным страхом: вот сейчас упаду!

Наклоняюсь над срубом, в длинную темень глядя,
звезда там или иллюзия – хочу для себя понять,
и спиной ощущаю, что кто-то подходит сзади,
и уже невозможно что-нибудь предпринять.

Я слышу его дыхание, ровное, без перебоев,
я чувствую его руки на шее и на ногах,
и то, что вот-вот случится – а может случиться любое, –
придумано не сегодня, обдумано не впопыхах.

Я потерял осторожность, но это уж как придётся –
не всё же смотреть на мир из-под прикрытых век!
Кто ищет свою звезду, пусть даже на дне колодца,
рискует сорваться в бездну – неважно, вниз или вверх.

Падение длится долго – целую вечность длится,
и не удаётся добраться до неба или до дна,
и снова передо мной лежит пустая страница:
заглядываю в колодец, в котором звезда видна.

Март 2017

* * *

Стою на большом вокзале в странном оцепененье.
Под сводами гулко-невнятно слышатся объявления.
Я ещё тощий, безусый – давние это года;
куда-то я должен ехать, да вот не помню, куда.

У ног чемодан потёртый, разные виды выдавший,
в нём документы, тетрадки, смена бельишка даже,
немного домашней снеди, которую после съем...
Зачем-то я должен ехать, но не помню, зачем.

Стою посреди вокзала, себя ощущаю неловко.
Видимо, эта поездка – всё же командировка:
тут середина осени, а я уже в зимнем пальто;
кто-то меня направил, а только не помню, кто.

Я обращаюсь в кассу вполне осознанно вроде:
– Дайте плацкартный на поезд, который сейчас отходит.
Да, до конечной. Спасибо. Я понял – четвёртый путь...
Куда-то я должен ехать – поеду куда-нибудь.

Наверх чемодан уложен, домашняя снесь – на столик.
Ритмично стучат колёса, рельсы гудят и стонут.
Мелькают в окне полустанки, встречные поезда.
Куда-то я должен ехать. Куда же я еду, куда?

Вот вопрос, на который нет у меня ответа.
Уже зима на исходе, уже и новое лето,

уже и годы промчались в мелькании лет и зим...
Тот, кто меня направил – как объяснюсь я с ним?

Целью командировки тогда меня повязали,
но что-то я потерялся на том шумливом вокзале.
И всё же еду, пытаюсь эту привязку снять,
и никому не должен ничего объяснять!

Март 2017

* * *

На съёмочной площадке вырос дом,
где я прожил четыре первых года
в далёком детстве – и была свобода,
какой нигде не чувствовал потом.

Он был не декорация-макет,
а настоящий, прочный, двухэтажный.
В нём был аутентичным камень каждый,
кирпич, обои, кафель и паркет.

Тот дом возник в сценарии моём,
и режиссёр, прочтя страницы эти,
сказал: – Есть оператор на примете,
и есть актёры. Нужно строить дом.

И вот в наш дом доставлен реквизит,
пришли артисты, стали обживать,

готовить пищу, даже обшиваться, –
а камера лишь смотрит и молчит.

Лишь иногда подходит режиссёр
и что-то тихо говорит актёру.
Вся подготовка движется нескоро,
зато какой для поиска простор!

И в некий день я ощущаю дрожь:
актриса, наставления итожа,
становится на маму так похожа,
её партнёр – так на отца похож!

Но и со мною что-то этим днём
происходило – никуда не деться:
я мал и глуп, но не впадаю в детство –
я от рожденья по сегодня в нём.

Когда бы только я, отец да мать –
но все актёры изменились тонко,
и оператор заряжает плёнку,
и режиссёр велит ему снимать.

Вернули дом, а дом людей вернул,
а люди в доме время возвратили,
поскольку не играли там, а *были* –
дом поднял мир, который затонул.

Апрель 2017

МОЯ ДОРОГА

Слава Богу, мои воды баргузин не шевелил,
смерч огромные деревья предо мною не валил.
Вышел я в свою дорогу одиноким ходоком
и сегодня в час вечерний продолжаю путь пешком.

Не стремился к светлой цели и не жадно ел и пил,
и хоров не построил, и казны не накопил.
Никому в своей дороге я пути не заступал,
и болел довольно много, и довольно мало спал.

Обошла меня известность, слава Богу, стороной,
но душевный камертончик – он по-прежнему со мной.
И сегодня в час вечерний прохожу я в тишине
и ловлю такие звуки, что доступны только мне.

Апрель 2017

* * *

Жизнь идёт, и ползёт, и влачится,
досажда рутинной забот,
только враз остановка случится,
будто кончен пружинный завод.

И окажется вдруг потрясеньем:
жизнь – уж этого точно не ждёшь! –

коротка, как внезапный весенний
проливной ослепляющий дождь...

Апрель 2017

ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО

Я жил тогда на юге Украины,
в степи недалеко от Измаила,
где воины двенадцатого года
когда-то основали поселенье.
Там были старой крепости руины,
они на солнце выглядели мило:
по ним учила жаркая природа,
что не одно и то же тлен и тленье.

Я жил там без особенных условий –
скорее, у хозяев на подхвате:
снеси да принеси, достань да сбегай,
пожалуйста, – и как бы с неохотой.
Стол и лежанка, лампа в изголовье,
всё это в чистой выбеленной хате,
и вся работа только до обеда,
да вряд ли и назвать её работой.

Тянулись дни без всяких развлечений,
без радио, без книг – одна газета;

ещё кино бывало по субботам,
но возвращаться – ни огня в селенье.
И не знавал я времени священной,
чем это несгораемое лето,
в котором и работал я с охотой,
и не склонял ни перед кем колени.

Оно не ощущалось некой вехой
и не сулило мне дороги торной –
должны были пройти большие годы,
чтоб со своей дорогой разобраться.
Но с расстоянья больше полувека
я вспоминаю мир почти фантомный
как островок нечаянной свободы
в стране, едва очнувшейся от рабства.

Апрель 2017

ИСТОРИЯ

По одной стороне реки – цепь невысоких гор,
по другой её стороне – дремлет дремучий лес.
А сама река утекает в южный степной простор,
где когда-то был город, который потом исчез.

У города было пёстрое, но собственное лицо –
крикливые базары, бесчисленные шатры,

а ночью его окружало огненное кольцо:
посты, табуны, стоянки – везде пылали костры.

Там на троне сидел хан кочевых племён,
владыка несметных войск и немереных сил.
Одним движением пальца перечёркивал он
сотни и тысячи судеб – или же возносил.

Не было никого, кто мог перечить ему
или хотя бы сомненья обнаружить сполна.
Те, кто пред ним не падал, уходили во тьму,
и как-то уж очень быстро забывались их имена.

И проползли века – не так уж много веков, –
серьёзные археологи взяли надёжный след.
Находят останки сбруи, даже пепел костров,
и только признаков города как не было, так и нет.

Что за владыка был? Что за держава была?
Среди имён и названий историки ищут фантом.
Намёки старинных грамот перекрывает мгла,
а что касается города, пусто на месте том.

Апрель 2017

ПЛОТ

Идёшь в незнакомой местности, и вот впереди река –
не быстрая, не широкая, а всё равно преграда.
Нет никакого моста поблизости наверняка,
с поклажей не поплывёшь, а переправиться надо.
Есть в рюкзаке топорик, и можно бы сделать плот,
благо, на берегу достаточно сухостоя.
Но это тоже сулит много новых забот:
плот связать без верёвок – занятие непростое.

Надобно осмотреться, чтобы найти лозу;
даже если найдёшь, к ней привыкнешь не сразу,
особенно если она не очень близко в лесу,
особенно если с ней дел не имел ни разу,
особенно если к тому же тебя поджигает срок
и, хочешь не хочешь, без проб требует результата.
Можно считать, что природа тебе припасла урок,
а за любой урок в жизни положена плата.

Но деньги тут не при чём, ибо ты платишь собой –
своими руками, ногами, нервами, поясницей...
И вот под плотом река, сверху свод голубой,
и ты не веришь себе – явь это или снится?
И в незнакомой местности свой продолжаешь путь,
река давно позади, другие преграды скрытны.
О том, что построил плот, расскажешь когда-нибудь,
а может, и не расскажешь – люди нелюбопытны.

Апрель 2017

* * *

Черно-белые кадры кино
сняты чётко, а смотрятся странно:
колея устремляется вдаль,
но в конце не хватает тумана.
Из-за этого взгляд просквозит
по деревьям, по рельсам и шпалам,
по окрестным столбам-проводам –
и упрётся в серёдку экрана.

А в серёдке-то нет ничего,
потому и довольствуйся малым
и не жди продолженья пути
к чудесам и местам небывалым,
а рутинно продолжится он
по равнине пустой и унылой,
что встречалась нередко с мечом
и встречалась нечасто с оралом.

Кто-то, может, её назовёт
по-домашнему родиной милой,
кто-то, может, захочет её
пробудить не стараньем, так силой,
кто-то, может, душевно стыдясь,
упадёт перед ней на колени,
но опомнится, видя себя
на коленях и перед могилой.

...Так домыслишь Бог знает чего
и себя доведёшь до каленья,
но совсем отмахнуться нельзя –
это взгляд моего поколенья:
если в кадре сейчас колея,
быть должны и туманные дали, –
а в кино появляется дом,
в доме печка и в печке поленья!

Возвращается в этом кино
то, что нам по судьбе недодали;
за обычный, обыденный дом
нет ни ордена там, ни медали,
но зато продолжается жизнь
без иллюзии в нём, без обмана,
ибо души свои сберегли,
ибо души свои не продали.

Апрель 2017

* * *

Доносятся звуки рояля из окон соседнего дома;
прозрачна мелодия эта и даже как будто знакома,
но только никак не припомнить
ни время, ни место, ни имя –
кто, где и когда в мою душу вошёл позывными своими.

И правда, ни с чем сопоставить не выйдет созвучия эти,
напеть никому не удастся, и поиска нет в Интернете.
Я мог записать на мобильник,
но долго раздумывал – промах!
И нет знатока-музыканта в кругу повседневных знакомых.

И всё-таки есть эта запись и в памяти где-то хранится:
ведь знаю – она мне знакома, а дальше как будто граница.
Пытаться пройти без пароля?

Но там пограничников группа,
которым о чаемой встрече словами рассказывать глупо.

А ночью мне снится эстрада, и словно упали вериги:
усталый артист у рояля из фильма по гриновской книге.
На фоне пустынного пляжа над серой осенней волною
аккорды прозрачные эти полвека во мне и со мною.

О музыка, ты, как наука, вся в жёстких оковах порядка,
расчислена до миллиметра – и всё-таки вечно загадка.
Звучания льются ручьями, ручьи собираются в реки,
но где же и как остаются в отдельном одном человеке?

Май 2017

ГОРОДОК

График железной дороги диктует
весь распорядок дневной городку.

Прежде чем выбрать планиду такую,
 многое он претерпел на веку.
 Были когда-то большие пожары,
 голод, холера и даже разбой,
 многие жители просто бежали
 или с тоски уходили в запой.
 Так бы, наверно, и далее жили,
 как прозябали в былые века,
 но умудрённые люди решили
 выстроить насыпь вблизи городка.
 И понеслось – осушение болота,
 стройка вокзала и складов при нём...
 Поняли люди: добьёшься чего-то,
 только работая ночью и днём.
 Нечего жить, обивая пороги,
 и неудачи срывать на других.
 Весь городок при железной дороге
 место нашёл и как будто затих.
 Каждый при деле и все при зарплате,
 что постепенно в привычку вошло,
 и городок тот живёт в результате
 пусть небогато, но как-то светло.
 Да ведь и нужно-то в общем немного –
 чтоб обходили стихии его,
 ибо зависит он только от Бога
 и не желает менять ничего.

Май 2017

СОН

Который раз всё тот же сон –
 меня во сне сминает он,
 а поутру нет избавленья от стыда:
 зла, беспощадна и слепа,
 за мною гонится толпа,
 и я бегу и сам не ведаю, куда.

Толпа слепа, но видит цель,
 а тут в заборе будто щель –
 туда протиснись, и дыхание замрёт.
 Толпа промчалась. Я спасён!
 Который раз всё тот же сон,
 который раз один и тот же разворот...

Я просыпаюсь, весь дрожа.
 А почему – ведь ни ножа
 не видел я, ни даже просто кулака?
 Но если б догнала толпа,
 в своей агрессии тупа,
 она меня бы вобрала наверняка.

А вот тогда бы я пропал!
 Я не споткнулся, не упал
 и не затоптан – только втянут, все дела.
 В толпу войти – один пустяк,
 да из толпы потом никак:
 попробуй вырвись, если сразу удила!

Пройдёт совсем недолгий срок,
я позабуду свой шесток –
воспоминанья станут блёклы и скупы,
и, подготовленный вполне,
в толпе давно подобных мне
я буду гнаться за бегущим от толпы!..

Май 2017

БАЛЛАДА О ПОЕЗДЕ

В.

Заходим в вагон, размещаем поклажу и смотрим в окно.
Короткий свисток, и поехало в сторону зданье вокзала.
Про пункт назначения знаем сейчас до обидного мало –
мы не были там, а бывавших когда-то найти мудрено.

Но это неважно – дорога длинна, разберёмся потом.
Пронесутся реки, леса и овраги, мосты, полустанки...
В вагоне знакомства, приносят чаи, намечаются пьянки,
пошли анекдоты, дорожные байки о сём и о том.

Висит в коридоре под мутным стеклом расписание пути.
Согласно ему, доберёмся до цели на пятые сутки.
Стоянки, разъезды, другие вокзалы и сны в промежутке –
и ночью, и днём, – наберётся суммарно и больше пяти.

А что ещё делать? Рутинная дорога – то спим, то едим,
читаем газеты, решаем кроссворды, зеваем и вяжем...

Уже возникает апатия даже к летящим пейзажам.
Затихли рассказы, сидим и скучаем, в окно не глядим.

Внезапно заметим, что поезд идёт по пустынным местам.
Не то чтобы вовсе там нет ничего,
но пейзаж странноватый –
там нет ничего, что на разных путях
нам встречалось когда-то:
нас поезд привёз в неизвестную землю и посадил там.

А как же замысленный пункт назначения
и связанный с ним
продуманный план применения сил, и талантов, и знаний?
К чему накопление опыта жизни, исканий, скитаний?
Что в новом пространстве мы сможем
поделаться с богатством таким?

То были мечтанья, а эта реальность проста и груба –
и стекла вокзала, и город в ложбине, молчащий бездонно...
И вдруг возникает, как будто в тумане,
предчувствие дома,
и вдруг понимаем, что в этом доме и решится судьба.

Май 2017

* * *

Скрипит при вращении ворот колодца,
и цепь, опускаясь, негромко звенит.

Вода из ведра поначалу прольётся,
но после уверенно смотрит в зенит.

Глубокий колодец ведру обещает
достаточно долгий и ровный подъём,
где можно покоиться – цепь не смущает –
и думать о предназначенье своём.

А предназначение – чистую воду
поднять из источника множество раз,
и если ведру предлагают свободу,
смущаясь, оно говорит: – Не сейчас.

С колодезным воротом цепью сковаться –
работа рутинна, но жребий высок.
А срок подойдёт – так уж лучше сорваться
и лечь обречённо на донный песок.

Июнь 2017

* * *

В.

Тут и не нужно совсем никакого решения,
разве что на привыкание несколько дней:
эта дорога пришла к своему завершенью;
дальше другая – идти нам придётся по ней.

Впрочем, условность, что эта дорога – другая,
та же она, только больше ухабов и ям.
Те же деревья и те же в листве попугаи;
путь предыдущий был тоже не очень-то прям.

Те же оазисы, только встречаются реже,
те же барханы с одной и с другой стороны.
Так же доносятся запах и шум побережья:
море большое, но плаванья не суждены.

Это и есть настоящая наша дорога,
и ни к чему нам хвалить её или ругать.
Много осталось шагать или вовсе немного –
это не наша забота. А наша – шагать.

Июль 2017

ЖИЗНЬ И СУДЬБЫ

Поэма

Памяти Василия Гроссмана

ВМЕСТО ПРОЛОГА. БАЛЛАДА О ПЕКАРЕ И ЮВЕЛИРЕ

Вот передо мною городок:
где, когда – оно не так уж важно;
важно, что упорно и отважно
он живёт, не низок, не высок.

Городок спускается к реке,
вдоль реки – кустарник низкорослый...
Разные натуры и ремёсла
проживают в этом городке.

Два соседа в жизни непростой –
не по ремеслу, по обитанию:
пекарь посылает пропитанье,
ювелир снабжает красотой.
У обоих прочное жильё,
об обоих городку известно:
трудятся раздумчиво и честно,
берегут достоинство своё.

Пекарь просыпается чуть свет:
печь разжечь, не напустив угару,
и при том не упустить опару –
это главный пекарев секрет.
Ювелиру можно и поспать –
много света нужно ювелиру:
камушек, в тени слепой и сирий,
расцветает на свету опять.

Пекарь волен тесто замесить
чуть похуже или чуть получше –
всё равно съедобный хлеб получим,
а на случай есть с кого спросить.
Ювелиру, если в пальцах дрожь,
лучше и не браться за работу:

если невзначай испортить что-то,
камень изначальный не вернёшь.

На продажу, пекарь, поспеши!
Хлеб черствеет – первая забота...
Часто после полного расчёта
остаются жалкие гроши.
Ювелиру ждать не привыкать,
не черствеют эти экспонаты:
продадутся – и живём как надо,
только бы удачу отыскать!

Их обоих ценит городок,
верит им и сердцем привечает,
но различье всё же замечает,
свой негласный подводя итог.
Не враждуют изумруд и рожь,
а итог и справедлив, и резок:
можно жить без перстней и подвесок,
вот без хлеба вряд ли проживёшь.

ГЛАВА 1. РАЗГОВОР ЗА КРУЖКОЙ ПИВА

– Вчера студент, а погляди – толковые
все были предложения его.

– Еврей в забое – это что-то новое,
советской власти это торжество.

– Хорош собой, но это, друг, не главное –
серьёзен и умён не по летам:
его глаза в глубины шахты глянули
и что-то, видно, углядели там.

– Да, углядели, только не различия
в методиках добычи угля:
ведь наша шахта не совсем обычная –
уж очень горяча и глубока.
Он, в ней «погоду» изучая истово
в глубинных штреках, где всего лютей,
расспрашивал дотошно и записывал
живые ощущения людей.

– Он сам спускался, и без принуждения,
чтобы детально изучить вопрос,
и нынче продолжал бы те хождения,
да надломил его туберкулёз.
Пришлось менять и место обитания,
и место приложения забот,
но человек такого воспитания
сам от себя, понятно, не уйдёт.

– Тут слух прошёл, но у меня сомнение,
что он в Москве писателем сейчас.

– А кто-то в нашем шахтоуправлении
читал газету, где его рассказ.

– На бедах и на трудностях заквашены,
мы каждый день без жалоб входим в клеть.
Но кем ещё мы будем так уважены,
и кто за нас решится порадовать?..

ГЛАВА 2. ВРЕМЕНА. КИЕВ, ЖИЛЯНСКАЯ УЛИЦА

Наш дом сгорел в огне большой войны,
но мы, вернувшись, где-то жить должны?
Неделя шла с бумажной свистопляской
и кончилась жилищем на Жилианской.

Мы жили там по пятьдесят второй.
Она была холодной и сырой,
та комната с окном во двор-колодец,
где стёкла от бомбёжек раскололись.

Оклеили бумагой стёкла те,
полгода жили в полутемноте,
в конце войны и стёкла обновили,
и кое-как уклад восстановили.

Но и сейчас зачем-то помню я:
недалеко от нашего жилья
был дом одноэтажный деревянный –
но не обычный, а какой-то странный.

Мне доводилось видеть не впервой:
из дома выходил мастеровой

в косоворотке, в сапогах кирзовых,
почищенных, но явно что не новых.

Хотя и молодой, а седоват,
он шёл и всё поглядывал назад,
как будто постоянно опасался,
что как бы кто-то вслед не увязался.

Однажды, сам не знаю почему,
– Степан Артемьич! – я сказал ему, –
я вам хочу помочь и предлагаю:
давайте, я за вас понаблюдаю!

Он удивился, слыша о таком:
– Пацан, откуда я тебе знаком?
Делами увлекаешься моими,
узнал меня – но как узнал ты имя?

– Я видел, как жандармы вас вели,
но вы от них тогда сбежать смогли,
и сыщики потом в домах сновали
и ваше имя часто называли.

– Но с этого всего тебе-то что?
– В хорошей книге я читал про то,
как вы росли, работали и жили,
кого любили вы и с кем дружили.

Степан Артемьич, вы там как живой,
но только лишь до Первой Мировой

довёл писатель то повествование,
а мне бы знать – что дальше было с вами?

– В семнадцатом я с фронта поспешил,
в Донбассе революцию вершил,
в Гражданскую командовал отрядом
и был на Перекопе с Фрунзе рядом.

Потом вернулся на родной завод –
директором, и множество забот
преодолею, работал и учился,
и, говорят, директор получился.

Возглавил в Запорожье комбинат,
где было всё – и плавка, и прокат.
Считался подходящим кандидатом
на руководство целым наркоматом.

В тот год, когда родился ты на свет,
я был приговорён на десять лет
без права переписки, а на деле
я был расстрелян через две недели...

ГЛАВА 3. ФАМИЛИИ

Розенталь, Вайнтрауб и Вейцман –
врач, учитель и музыкант...
Каждый тем в городке известен,
что у каждого свой талант.

Айзенштадт, Меерович, Райзман –
 адвокат, часовщик, портной...
 Все они, кто позже, кто раньше,
 под звездой родились одной –
 под звездой шестиконечной,
 под нашитой жёлтой звездой,
 хоть не все они с Книгой вечной
 и не все они с бородой.

Жили рядом, подробно знали,
 но загвоздка, хоть в стену лбом:
 те фамилии выделялись
 в списке, можно сказать, лбом.
 До поры им это прощали
 все подобные городки,
 но и в радости, и в печали
 были всё ж они чужаки.
 Их жизнь не выглядит раем,
 но они не боялись тьмы –
 знали то, чего мы не знаем,
 то могли, что не можем мы.

Есть попытки с ними родниться,
 только даже внутри семьи
 всё равно проходит граница:
 то – чужие, а то – свои.
 А уж если война нагрянет,
 принесет вместо хлеба жмых,
 то для многих соблазном станет
 отделить своих от чужих

и принять простое решение,
 тень стыда легко оборов:
 своего – врагу в услуженье,
 а чужого – в расстрельный ров.

ГЛАВА 4. ШИНЕЛЬ

Летом сорок четвёртого, точнее не помню даты,
 акт об армейской шинели составили интенданты.
 Шинель подполковника N, согласно их предписанию,
 не подлежала ремонту, а подлежала списанию.

Пропитана многослойно грязью траншей и окопов;
 рукав распорот осколком и кое-как заштопан;
 покрыта сажой пожарищ, кирпичной пылью развалин,
 и весь подол соляжкой при переправе засален.

Спал человек на ней, спал человек под нею;
 прострелена в Сталинграде и два раза позднее –
 под Киевом и в Одессе; но хозяин шинели
 вновь и вновь отправлялся туда, где пули свистели.

И не был ни разу ранен – видно, судьба хранила
 того, чьим оружием были карандаши и чернила;
 видно, знала она: нужно ему сохраниться,
 чтобы *Годы войны* легли потом на страницы.

Хранила его судьба – видимо, знала что-то
 о том, какая его ждала впереди работа,

в каких сраженьях ему ещё воевать предстояло – чтобы в них победить, и жизни окажется мало!..

ГЛАВА 5. РАССКАЗ ОБ ОТДЕЛЬНОЙ СУДЬБЕ

Виктор Павлович Штрум –
псевдоним сверхсекретного физика,
чьи в базальте черты несомненно история высекла.
Он, когда в Сталинграде всю грохотало сражение,
жил в Казани, верша ежедневно науке служение.

Было туго с дровами, был холод, а он, тем не менее,
упоённо рассчитывал волны в процессах горения,
и такую энергию формулы те обнаружили,
что оделись металлом и стали на фронте оружием.

Было туго с едой – ну, не голод, но что-то похожее;
он не думал о том, детонацию чувствуя кожей,
и клубки уравнений до их сердцевины разматывал,
по пути обнаружив проходы к энергии атома.

Даже больше того: уравнения те откровенные
раскрывали и атом, и – страшно подумать – Вселенную!
Оказалось, что он, соблюдая секреты задания,
замахнулся всерьёз на секреты всего мироздания.

Виктор Павлович Штрум приглашён в кабинеты высокие,
где ему говорят: – Времена наступили жестокие.
Нужно выступить вам в представительной аудитории
и коллег познакомить с основами вашей теории.

В сообщении том быть должно обязательно сказано,
что теория ваша марксизму рождением обязана,
а чтоб эти слова не звучали пустыми руладами,
осудите Эйнштейна с его немарксистскими взглядами.

Виктор Павлович Штрум отвечает без тени сомнения:
– По основам работ у меня есть особое мнение:
Бор, де Бройль и Ферми помогали мне в поисках истины,
а они, несомненно, не могут считаться марксистами.

В кабинетах высоких возникло подобие паники –
там привыкли, что люди
перед ними склонялись, как паиньки.
И великого Штрума размазали б за двоедушие,
но никак невозможно – ведь надобно делать оружие!

Для строптивного Штрума сварили отдельное варево:
позвонил сам Верховный и с ним хорошо разговаривал,
и титановый стержень прогнулся под этим давлением,
и пришлось отречение негромко сменить отступлением.

Стал он трижды Герой, академик и всякое прочее;
после бомбы сейчас же в анкете поставил отточие,
и ушёл в астрофизику, занял и там положение,
но себе самому никогда не простил поражение.

ГЛАВА 6. ПРОЗРЕНИЕ

«Не сравнивай – живущий несравним», –
сказал поэт былого поколения.

Но мне как быть? Я не согласен с ним –
я, выставший на заветах Ленина.

У них прошло всего двенадцать лет
от воцаренья и до поражения,
и стартом был апофеоз побед,
а финиш – лагеря уничтоженья.
У нас кто не работает – не ест,
и есть система перевоспитания:
для всех работа по тайге окрест,
у каждого жильё и пропитание.

У них «циклон», газовни при печах
и миллионы, вырванных из вечности:
кричит международная печать
о преступлениях против человечности.
У нас судьба народа – чистый лист,
где счастье будет вписано всеобщее,
и что же, что досужий журналист
пока не может это зреть воочию?

У них единоличник на земле,
зависит от жары он и от холода.
Да, что собрал, то на его столе,
но чем же застрахован он от голода?
У нас колхозы, и любой удар
не приведёт к повиновенью голоду,
и общий государственный амбар
хранит спасенье и селу, и городу.

...Я в Сталинграде пересёкся с ним.
Я снайпер был и всё менял укрытия,
а он, какой-то силою храним,
был рядом и записывал события.
А по ночам беседовали мы,
и он сказал: – Отлично ваше зренье,
и ваши мысли искренно прямы,
но дальше ожидает вас прозренье.

Я вспомнил эти вещие слова
через пятнадцать лет, никак не менее,
когда переполнялась голова
приметами весны и потепления.

Двадцатый съезд, и после той зимы
привычные воззрения смещались:
из Казахстана или с Колымы
мои однополчане возвращались.
И если справедливы хоть на треть
рассказы их, подробности, сомненья,
то надобно всю жизнь пересмотреть
и по-другому выстроить сравненья.

И вот мы с ним пересеклись опять
на подмосковной ветке, в ожидании,
и на его лице была печать
отчаянья, а может быть, страдания.
Таким он не был никогда в бою,
и я спросил: – Стряслась беда какая?

– Арестовали рукопись мою –
 стряслась беда, грызёт, не отпуская.

– Так что же, снова правда не нужна?
 Дорога снова выгодна кривая?

– Они того боятся, что страна
 очнётся, постепенно прозревая.

Они сказали: через двести лет,
 а нынче всё усиливают бдение.
 А у меня и трёх в запасе нет;
 надежда лишь одна – на Провидение...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. БАЛЛАДА О ЖЁЛУДЯХ

Странная это местность – столько лет суховеи!
 Леса и сады пожухли, выгорели поля,
 тучи по небу шли, пыль, а не ливни сея,
 обмелели все реки, окаменела земля.

Славился этот край когда-то дубовой рощей,
 большой заповедной рощей гордился без похвальбы.
 Стала выглядеть местность как-то скучней и проще –
 многолетнюю засуху не вынесли и дубы.

Но перед тем, как роща стала навек молчащей,
 сюда приехал учёный – немолодой лесовод,
 осмотрелся вокруг и стал углубляться в чащу,
 целый год ежедневно стал совершать обход.

Он надеялся только на Божью помощь и милость,
 он шагал неторопко, опираясь на посошок,
 и ежели чуть проросшие жёлуди находились,
 вместе с чуть влажной почвой
 укладывал в свой мешок.

Он знал: родники лесные полностью пересохли,
 но корни старых деревьев находят воду пока,
 и желудям достаются те последние соки,
 и долгая эта работа нужна, хотя и горька.

В давней своей сторожке храня запасы съестного,
 в давней своей сторожке храня запасы воды,
 хранил и мешки с желудями,
 увлажнял их снова и снова,
 надеясь на Божью помощь, спасал он лес от беды.

Уехал, когда почувствовал – силы уже на исходе,
 поселился в деревне, в старом отцовском доме,
 а мешки с желудями закопал в своём огороде,
 пометив места те знаками, понятными лишь ему.

Увы, ему не пришлось следить за судьбою сбора:
 старик-лесовод заболел и умер в конце февраля.
 А в марте сошли снега, ручьи побежали споро,
 и в огороде внезапно зашевелилась земля.

И к небу пошли ростки не по-обычному кучно,
 и буйно рванули в рост всем естеством своим,

и стало понятно тогда, что надо их брать поштучно
и пересаживать так, чтоб стало просторно им.

И ведь не скажешь тут, что замысел был высоким,
но оказалось ростков не десять, не пятьдесят,
а ни много ни мало было их несколько сотен –
на многие километры, если высадить в ряд.

Можно не в ряд, а квадратом, но это уже детали;
и собрались в его доме друзья и ученики,
взвесили все возможности, обдумали, подсчитали
и высадили саженцы по ходу большой реки.

Течёт река, а над нею стоит полоса лесная,
кудрявятся, зеленеют вошедшие в силу дубки.
Стоит стеною для ветра, а для света сквозная,
стоит вопреки суховеям, равнодушию вопреки.

Июль 2017

* * *

Сад был весь из белого налива,
лишь в углу полусухая слива
да какой-то чахлый абрикос.
Сад как сад, с хорошим урожаем,
но всё чаще мы соображаем,
что в сортах изрядный перекосяк.

К осени немалая забота:
как бы нам продать хотя бы что-то
из обильных солнечных даров.
Где хранить, да и хранится плохо,
и в округе не отыщешь лоха,
чтоб купил хотя бы для коров.

Боже мой, к чему хитросплетенья?
Есть пора апрельского цветенья –
сад стоит весь в розовом дыму,
и разносят работяги-пчёлы
свой напев, хоть ровный, а весёлый,
и вольготно сердцу и уму.

Есть пора июльского налива,
где деревья все в плодах на диво, –
это благодать, а не беда.
Что же вы всё время о продаже,
благодати не касаясь даже?
Скучно вы живёте, господа!..

Август 2017

* * *

Есть усталость, хандра, апатия –
но ведь долгий путь за плечами!

Повторяй себе как заклиние

то, что понял в самом начале:

не отказываться заведомо от привычек и от традиций,
ибо завещано дедами ежедневно много трудиться.

Те привычки и те традиции образуют в душе порядок,
чтоб не прыгать пуганой птицею

от чужих поклёванных грядок,

а растить свою в одиночестве на краю обширного сада
не затем, что не хочется-хочется,

а затем, что лишь так и надо.

Есть она – и незримо строятся те незыблемые границы,
без потери лица и достоинства за которые не пробиться.
Ну, а ежели соглашаешься на такие свои утраты,
так и сгинут жалкими шансами ожидавшиеся караты.

А когда лицо сохраняется, не краснея под светом чести,
вектор выбранный не меняется и не очень волнуют вести
о чужих высоких регалиях и полученных кем-то лычках...
Ежедневно двигайся далее и трудись, как велит привычка.

Август 2017

* * *

В девятнадцать часов зажжены наши свечи к субботе;
это значит, что лето по сути уже на исходе,

и в природном оркестре возникла прощальная кода...
Дальше осень идёт с ожиданием Нового года.

А как только подумал про года конец и начало,
эхо Судного Дня непременно вдали зазвучало,
и припомнишь свои прегрешения против Закона,
чтобы собственный суд над собою вершить непреклонно.

С неба видится всё, только всё же на месте виднее,
и, себя осудив, ни богаче ты стал, ни беднее –
просто вежи поставил, неявны, печальны и строги,
чтобы дальше шагать не сбиваясь по той же дороге.

Помолись же о том, чтобы сил и здоровья хватило
той дорогой шагать и чтоб в ручке не сохли чернила.
Год хотя бы ещё для любви, для труда и служенья,
год хотя бы ещё!.. Через год попроси продолженья.

Август 2017

* * *

В пятом классе в то время я был,
и, проснувшись весной поутру,
сам себя я спросил-зазнобил:
– Неужели я тоже умру?

Что-то было в особенном дне –
до него я не смог бы понять,
что звенело бессмертье во мне
песней, смехом, учёбой на пять.

Я события не выбирал,
что потом приключились со мной,
и два раза всерьёз умирал;
смерть, однако, прошла стороной.

Видно, что-то задумал Господь,
когда жизнь даровать захотел,
и хранил мою бrenную плоть
для каких-то единственных дел.

Да, хранил, но наполнил её
болью-напоминаньем про прах,
чтобы длинное это житьё
не казалось прогулкой в горах,

чтобы в дни, когда будет успех,
дарованье моё обнажив,
мог вопрос я задать не при всех:
– Неужели я всё ещё жив?..

Август 2017

ПЕРЕХОД

Где-то дождь и гром небесный, где-то волны на песке,
ну, а здесь – проход над бездной
по пружинящей доске.

Преопаснейшее дело – но другого нет пути:
так судьба моя велела, и приходится идти.

Отступать теперь неловко, кто бы что ни говорил, –
никакой тебе страховки, никаких тебе перил.

А на что бы положиться? Бездна шепчет: – Я без дна...
Голова моя кружится, и в коленях слабина.

Сделал шаг – и сводит шею, головы не повернуть...
Но, казалось, не сумею, а на треть короче путь.

Снова шаг – и сводит спину, и рука висит, как плоть,
но уже и половину удалось преодолеть.

Снова шаг – и сводит ногу, но и цель недалеко,
и уже совсем немного до финального рывка.

Тут сказать бы: всё в порядке, тут бы быть и куражу,
ну, а я, как в лихорадке, стыдно вымолвить, дрожу.

Тут бы двинуться отважно без раздумий напрямик –
но ведь очень, очень страшно
всё сгубить в последний миг!

Только мать-природа видит, что не стоит ждать в тоске,
ибо долго ждать не выйдет на пружинящей доске...

Сентябрь 2017

* * *

В какой-то там шалман приковылял,
какую-то еду поковырял,
попил совсем невнятного пивка –
и снова в путь: дорога далека.

До *цинковой реки* докочевал,
в ночлежке у воды заночевал,
жаль оторвать подушку от виска,
но утром в путь: дорога далека.

В библиотеке отдыхать не стал,
какие-то журналы полистал
и что-то в них нашёл наверняка,
но некогда: дорога далека.

Всю жизнь через себя переступал,
всё шёл и шёл, но не дошёл – упал.
Над кладбищем зависли облака –
и вновь у них дорога далека.

Прославлен тот, кто всё-таки дошёл –
добрался, докопался и нашёл,

всем остальным – лишь скромная строка...
Он просто шёл. Дорога далека.

Сентябрь 2017

* * *

Вычищен, вымыт – видны ещё капли на стёклах, –
первый трамвай из депо отправляется в путь.
Старый водитель сроднился с вагоном настолько,
что позволяет себе ненароком вздремнуть.

Именно так: не уснуть, а вздремнуть на мгновение –
детский припомнится звучный и солнечный мир, –
и возвратиться, чтоб слушать моторное пенье;
раннее утро, и редок ещё пассажир.

Есть перегоны, в которых всегда малолюдно,
есть перегоны, где путь без уклона прямой.
Рельсы ведут, и следить за порядком нетрудно:
утром в дорогу, а к вечеру снова домой.

Пройдено много и встречено разного много,
звучен сигнальный звонок, но подолгу и нем.
Лишь иногда проберёт человека тревога:
только что начал – а скоро в депо. Насовсем.

Сентябрь 2017

* * *

В городе старом, но внешности первостатейной:
можно с Крещатика сразу попасть на Литейный
и, над Невою пройдя по мосту спозаранку,
там обнаружить Остоженку или Полянку.

Можно, в прогулке своих каблуков не жалея,
выйти на Вышгород или на Лайсвес-аллею
и, наконец, если дальше шагать неустанно,
остановиться в тени куполов Регистана.

Города этого вы не найдёте на карте,
но постепенно к рисунку его привыкайте.
Площади эти, бульвары, деревья и стены
вы рассмотрите – и я появлюсь непременно.

Ибо я жил здесь и хаживал неоднократно –
утром, понятно, туда, а под вечер обратно,
в стужу, и в зной, и под пенье апрельской капели;
думал, я свой, но они меня только терпели.

Прожил полжизни, покуда пришло осознание,
что существуют иные деревья и зданья.
Дело не в выгоде и, безусловно, не в моде –
дело, должно быть, в моём генетическом коде.

Памятный город из улиц, меня позабывших!
Я исчезаю из мест обжитых, но застывших,

я исчезаю – и вновь появляюсь на фоне
улицы Мидрахов где-то в Ришон-ле-Ционе.

Сентябрь 2017

* * *

Когда свободен дух, все времена неплохи,
но свой родимый век ему бывает мал:
на ржавом языке державинской эпохи
такие рождены пророческий строки,
которые тогда никто не понимал.

Их понял Мандельштам и написал об этом,
но тут особый фарт: читатель – сам поэт.
В любые времена не просто быть поэтом,
особенно таким – владеющим секретом,
и нужен светлый ум, чтоб разгадать секрет.

Я о себе самом рассказывать не буду,
а отклики других, увы, наперечёт –
в наш суматошный век и взяться им откуда?
Но думаю порой: а вдруг случится чудо,
и кто-нибудь меня когда-нибудь прочтёт?..

Сентябрь 2017

* * *

В.

Как стряхивают пыль с лежалого ковра,
 стряхну с души своей осевшие печали,
 чтобы в тиши ночной негромко прозвучали
 мелодии любви, покоя и добра.

Пуškai в них не найти особой красоты,
 пускай в них не найти изысканной улады,
 пускай они просты – а мне всего лишь надо,
 чтобы в тиши ночной их услышала ты,

чтобы они опять окутали тебя,
 как сорок лет назад в заснеженном начале...
 Остались позади столь многие печали,
 что можно дальше жить, жалея и любя.

Сентябрь 2017

* * *

Михаилу Бяльскому

Слова эти все знакомы, но рядом никто их не ставил,
 и получают строки словно бы против правил,
 и спрашиваешь себя, а можно читать их прямо,
 ибо это не просто строки, а стихи Мандельштама.

А эти слова и знакомы, и стоят обыденно рядом,
 и кажутся строки простыми,

когда пробегаешь взглядом,
 но что-то ещё открывается,
 когда через память просеешь, –
 тогда и поймёшь стихи, что написал Ходасевич.

А тут и слова ясны, и память трогать не надо –
 так созвучны они, полны красоты и лада,
 но говоришь глазам: что-то вы проглядели,
 есть нежданная боль в ровных стихах Шенгели.

Слова эти все знакомы, а всё же тайна повисла:
 читаешь стихи, и в словах свет несловарного смысла.
 Про это они говорят – и всё-таки не про это;
 именно тем поэт отличается от непозта.

Октябрь 2017

* * *

Пахнет свежей побелкой добротный ухоженный дом.
 Под зелёными кронами солнца размытые пятна.
 А в саду голоса за просторным дощатым столом;
 голоса различимы, а что говорят – непонятно.

Непонятны слова, но легко догадаться, о чём:
 о кормах для коровы, о пахоте на огороде,

о деньжатах для дочки – одна только шубка почём! –
о деньжатах для сына, чтоб выглядел тоже по моде.

А ещё о солдате, который нездешний – грузин;
дважды сватался к дочке, но было молчанье ответом.
И отец прилетал, сын знакомить его привозил,
тот богатство сулил – говорили, должно, и об этом.

И не знали они, что всего пятилетка одна –
и обрушится мир, устоявшийся, плотный и ровный,
рассудительный мир, где на всё назначалась цена;
говоря фигурально, останутся камни да брёвна.

Дом и сад с огородом, корова и пара свиней,
всё привычно до точки, и сами пока ещё в силе...
Но земля закачалась, и всё закачалось на ней,
и обрушился мир, только их ни о чём не спросили.

Октябрь 2017

ПЕРВАЯ КОММУНАЛКА

Киев, 1944 – 1952

Выплыло воспоминание, казалось бы, вовсе укромное;
память, неужто нету чего-нибудь поновей?
Соседи: Майя Павленко, тётя Мотя Бескровная,
Анна Сергеевна Бокова и трое её сыновей.

Анны Сергеевны муж погиб на войне, вначале;
старшие – на заводе, Кольке – ещё расти;
у красавицы Майки часто попойки ночами;
тётя Мотя почти неслышна и незаметна почти.

Мы с мамой – тоже семья погибшего, да ещё погорельцы;
на двоих восемнадцать метров нам выдали потому.
Комната торцевая, зимой в ней никак не согреться,
тёмная и сырая, но хоть в хорошем доме.

Убоги харчи по карточкам,
про дрова и уголь хлопочем...

Я проболел всю зиму в сорок шестом году.
А ближе к сорок седьмому у меня появился отчим,
и он поставил буржуйку прямо в комнате на ходу.

А в кухне четыре шкафчика
соседей с мойкой ржавой,
а в кухне четыре примуса и керосинка одна.
В сорок восьмом и до нас добрался газ из Дашавы;
стало чище и тише, и две плиты у окна.

Окно смотрело на север, на сумрачный двор-колодец,
на сарай, где топливо и хлам, превращавшийся в прах.
Во дворе весь день копошился
серьёзный смешной народец –
пацаны и девчонки, жившие в трёх домах.

Близко Товарная станция, где поезда трофейные;
мы за лёгкой поживой бегали на пути.

А там охрана с винтовками – опасности нешутейные;
мама толстой верёвкой вбила заповедь «Не кради».

Тут ещё б кое-что припомнить –

вот бы двор сочинился!

Но пора вернуться в квартиру от шустрых тех сорванцов.
Ваня Боков женился, Витя Боков женился,
а тётя Мотя Бескровная пустила к себе жильцов.

Вот поворот сюжета, для меня не совсем весёлый,
но жизнь способна придумать не такой ещё ход:
Антонина Даниловна, училка из нашей школы,
за мной теперь наблюдала каждый день напролёт!

А я был отличник, но шалый – выдумщик и проказник,
особо любил разыгрывать и взрослых, и ребят,
и если что удавалось, это и был мой праздник –
я даже легко признавался в том, что сам виноват.

Однажды признался на кухне, и суровая женщина,
одна из невесток Боковых,

сказала мне: – Жид сволочной! –

и тут же Анна Сергеевна ей вlepила затрещину,
а потом ещё долго извинялась передо мной.

А тётя Мотя Бескровная, та, что всегда молчала,
сказала: – Тупая деревня! – хотя не была груба,
и всякий раз потом, когда меня в кухне встречала,
угощала своей настойкой экзотического гриба.

А в пятьдесят втором мы обменяли жилище:
бабушка Сара слепла, ей помощь была нужна,
а её соседка была беспросветно нищей,
и обменяться с нами согласилась она.

Договаривались взрослые, я о деталях не знаю –
явно ей заплатили, хотя из каких шишей?
Комната была солнечная, с балконом, но проходная;
пришлось отгородиться: стал коридорчик ничей.

А когда мы прощались с прежней нашей квартирой,
вышли и тётя Мотя, и боковская семья,
а красавица Майка вдруг меня обхватила
и не стыдясь зарыдала на плече у меня...

Октябрь 2017

* * *

Часы с кукушкой были у соседки,
напоминая про зелёный лес,
и я кукушку представлял на ветке
на фоне бледной синевы небес.

Мне было восемь, и такое небо
висело надо мною день-деньской,
но никогда в лесу я раньше не был,
вполне домашний мальчик городской.

А были только книжные страницы,
где, зеленью тенистой залита,
пророчила таинственная птица
короткие и долгие лета.

И вот мне десять, пионерский лагерь,
весь погружённый в пригородный бор,
и никакой не надобно отваги,
чтоб одолеть бесхитростный забор.

Мне на лицо сосновые веснушки
кладут просветы солнечного дня.
И тишь. И монотонный счёт кукушки
звучит над лесом только для меня.

...Опять я книгу памяти листаю
в дожде и ветре, в зное и в снегу,
и всё считаю, и опять считаю,
и досчитать до точки не могу.

Иное небо, и земля иная,
и весь уклад по-новому иной,
но говорит мне тишина ночная:
часы с кукушкой – рядом, за стеной.

Октябрь 2017

* * *

В Пярну в конце октября неуютно совсем –
ветрено, зябко, то сыро, а то и дождливо.
Летней рекламы обрывки свисают со стен.
Изредка парус возникнет на цинке залива.

Кто не в сезон отдыхать приезжает сюда?
Здесь ни соборов, ни замков, ни старых развалин.
Пляжи пусты, и холодная в море вода.
Если уж ехать, то лучше по крайности в Таллинн.

Местность негромкая, чем привлекает она
без обязательных и надоевших приманок?
Видимо, попросту людям нужна тишина
в улицах города, скрытых в рассветных туманах.

Видимо, надо пройти многократно по ним,
но в стороне оставляя центральную площадь,
и попытаться, пока ты покоем храним,
что-то додумать и что-то в судьбе подытожить.

Октябрь 2017

КЛОУН

Я весь вечер на арене, я свой:
венчик смеха над моей головой,

как у ангела, но в виде смешном –
а иначе за каким я рожном?

Все хохочут, что в огромных туфлях,
а иначе на какой они лях?
Все хохочут, что зелёный парик;
я к нелепости прирос и привык.

Тонкий юмор позабыл я давно –
на арене он звучит не смешно.
Вот партнёру дать коленкой под зад –
вызывает это смех до надрыва!

На коне я по арене кружу,
по канату я без лонжи хожу,
выполняю пятерной кувырок –
но лишь смехом собираю оброк.

И для сердца замыкается круг
хороводиком случайных подруг,
а ведь было и признание – но
показалось для любимой смешно...

Полночь в цирке, а не хочется спать,
и во тьме он подступает опять,
тот вопрос: не удавиться ли мне
на каком-нибудь подручном ремне?

Октябрь 2017

* * *

Льют проливные вторую неделю подряд,
время от времени небо огнём полыхает,
громы грохочут с небесными вспышками в лад;
стихнет на час – и опять до утра поливает.

Этот сезон по привычке зовётся зимой,
хоть ни метелей, ни скованных рек, ни сугробов –
разве что вспомнится, как возвращался домой,
целую ночь по морозу и снегу протопав.

Всё это было – когда? Не упомяну, когда:
в жизни другой, отошедшей, как будто миражной.
А за окном, салютуя, бушует вода,
гром продолжается – грозный, но вовсе не страшный.

Дар Провидения – эта вода с высоты:
всё, что положено, сказано внятно и веско.
А на кустарниках и на деревьях цветы,
зелены кроны и листья отмыты до блеска...

Ноябрь 2017

МОНОЛОГ ПИРОСМАНИ

– Батоно Георгий, скажи рукою:
чего тебе надо? Чем полон твой рот?

Ведь я не опасен – хожу и рисую,
и вместе со мной веселится народ.

Есть хлеб и мацони, есть мясо и птица,
есть небо и звёзды, земля и вода,
и всё на картинах моих сохранится
надолго, а может быть, и навсегда.

Лаваш, сулугуни, достойные вина,
собаки и козы, олени и львы...
И жизнь представляется щедрой и длинной,
но слишком густой для одной головы.

Батоно Георгий, спроси рукосуя:
чего он боится в сиянии дня?
Хожу и рисую и радость несую я –
зачем он хватает и тащит меня?

Пустое жилище, пустые карманы,
но солнце восходит, лучами слепя.
Ну что же, что нищий? Ну что же, что пьяный?
Ну что же, что мир не гребу под себя?

Есть сочные грозди, есть груши и дыни –
Господь их придумал, а я закрепил.
Чтоб всё это было живым на картине –
затем я старался, за это я пил!

Батоно Георгий, гони рукосуя!
И прежде чем руки слою на груди,

я вам нарисую надежду босую,
которая молча стоит впереди.

Ноябрь 2017

* * *

*Сохрани мою речь навсегда
за привкус несчастья и дыма...
Осип Мандельштам*

Рай нелегко представить – легче представить пекло,
взяв из реальной жизни обыденные черты:
привкус несчастья и дыма, цвета́ пожара и пепла,
звуки боли и плача, запахи нищеты.

Представишь – сразу поймёшь:
нужно бежать, не мешкать
из пространства, которое воспринимается так.
Только в реальной жизни всё это вперемешку,
и потому в ощущениях не беспросветный мрак.

Есть привкус ушедших лет в любви, что настигла снова,
цвета́ высокого неба и облачной белизны,
быстрый стук электрички, шум прибоя ночного,
запах свежего хлеба, острый озон сосны.

Почти что одновременно ты счастлив и ты несчастен,
себя в раю ощущаешь, а назавтра – в аду...

Мир изменить глобально – это не в нашей власти,
но в нашей власти стараться с ним пребывать в ладу.

Ноябрь 2017

БАЛЛАДА О МОЛЧАНИИ

Посередине ушедшего века,
в местности той, где плато без конца,
группа геологов – три человека –
осенью шла на разведку свинца.
Были в маршруте опорные точки,
с базой по радио ровная связь.
Но возникают всегда заморочки,
трудной обузой в пути становясь.

Вот и теперь, в середине маршрута,
возле реки, где камень в навал,
тропка ветвилась и кончилась круто:
старший упал и лодыжку сломал.
Сделали шины, повязкой скрепили,
только беда ведь не ходит одна –
груз батарейный в реке утопили,
рация стала совсем не нужна.

Двое несли, отдыхая всё чаще,
третьему выпало молча страдать,
и понимал этот самый молчащий:
из-за него всем троим пропадать.

И потому испытал облегченье,
пятый рассвет разглядев от земли:
зная, что нет и не будет леченья,
двое по-тихому ночью ушли.

Бросить в тайге совершенно больного –
тут оправданье найдётся навряд...
В жизни реальной немало такого
и нормативные люди творят.
Выпил несчастный последнюю флягу
и приготовился кончиться здесь.
Местный охотник набрёл на беднягу:
милость Господня однако же есть!

В стойбище малость его подлечили
рогом оленя, что звался марал;
снова ходить потихоньку учили –
он и ходил, только сильно хромал.
С базой связались еще поначалу,
чтобы зазря не тревожились там.
После доставили прямо к причалу –
в общем, расставили всё по местам.

Он возвратился и прежним, и новым –
тихий, задумчивый, даже смурной, –
и ни одним не обмолвился словом,
что там случилось порою ночной.
И не спросил никого и ни разу
по возвращению и через год,

что говорили, вернувшись на базу,
двое, с которыми вышел в поход.

Ноябрь 2017

СТАРАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Инне и Роману Чернявским

Появившись когда-то на горестном свете,
стариков наставленья выслушивал я
и запомнил слова в многомудром совете,
что со мною Господь и со мною семья.
Я, как все, вырастал, обучался Закону –
тут всего-то и надобны стол да скамья,
а терпенье моё изначально бездонно,
и со мною Господь, и со мною семья.

И в положенный срок становлюсь я Адамом,
и ко мне прилепляется Ева моя,
и теперь понимаю: запомнил не даром,
что со мною Господь и со мною семья.
Мы любили друг друга, и Ева рожала –
вот и дочери наши, а вот сыновья, –
значит, жизнь продолжалась и вновь подтверждала,
что со мною Господь и со мною семья.

От забот я состарился, сгорбился даже,
никакого подвоха в душе не тая, –

в ней всё та же любовь и надежда всё та же,
что со мною Господь и со мною семья.
Вот стою, поседевший, у края могилы,
за спиной по пустыне прошла колея,
и твердить продолжаю, покуда есть силы,
что со мною Господь и со мною семья.

Декабрь 2017

ПЛАВАНИЕ

В порту стоит корабль, неярко освещённый –
не лайнер, но вполне прилично оснащённый:
локатор, GPS и прочий арсенал,
чтоб сняться с якоря, нужна всего минута...
На этом корабле есть у меня каюта,
а вот куда плывёт, я так и не узнал.

Ну, что же – плыть так плыть, куда он повезёт!
А что, когда опять мне просто повезёт,
и я увижу мир в каком-то новом свете?
Пока открыт мой слух, пока открыт мой взгляд,
легко глядеть вперёд и не глядеть назад –
туда, где старый порт свои раскинул сети.

Бегут за днями дни, и поначалу странны
чужие берега, неведомые страны,
слепающие огни из непроглядной тьмы...

На этом корабле есть у меня каюта –
в ней даже создалось подобие уюта, –
но в снах всё чаще порт, откуда вышли мы.

Я так и не узнал, куда же мы идём;
со всех сторон вода, а где-то сзади дом –
он помнится больным, он помнится усталым;
и лишь на корабле неспешно понял я,
что мир вокруг един и что судьба моя –
плыть, новое ища, но помня и о старом.

Декабрь 2017

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Где-то жёлтые листья шуршат под ногами,
где-то первого снега пушистый покров,
а у нас то в зелёной, то в розовой гамме
направления улиц и пятна дворов.
Светит яркое солнце, и только порою
на два, на три часа наползёт чернота,
грянет ливнем, и громом, и молний игрою –
и сейчас же возникнут сухие места.

Мы привыкли к зиме, где уснули растенья,
подо льдом водоёмы, под снегом пути.
Этот облик зимы в наших душах с рожденья,
и подспудно его продолжаем нести.

Здесь другая земля и природа другая –
крайне редки снега и немыслимы льды.
Новый мир представлений принять помогая,
расцветают цветы и свисают плоды.

И картина почти ежедневная эта
говорит, что зима – не финал, не итог,
а всего лишь спокойного выбора мета,
где уже невозможны развилки дорог.
Отошло понуканье, что нужно скорее,
что уходит мой поезд, и вывод таков:
мне судьбою даровано зимнее время –
возраст новых прозрений и новых стихов.

Декабрь 2017

ПОЕЗД

Машинист, полон силы и дерзок,
управляет составом азартно.
Поезд вышел со станции Детство
в направлении города Завтра.
Этот путь недалёкий-неблизкий,
просит он и терпенья, и прыти.
На пути предостаточно риска,
но зато и немало открытий.
Что-то может случиться случайно,
так получится или иначе...

Будут станции Чудо и Тайна,
будут станции Грех и Удача.
Полустанки мелькнут и разъезды,
не успеешь прочесть и название.
Будут станции Время и Место,
будут станции Труд и Призвание.
Пассажиры то входят гурьбою,
то выходят легко и беспечно.
Хорошо, если рядом с тобою
кто-то едет до самой конечной.
Были стрелки – то плавно, то круто, –
вот уже и того не осталось...
Поезд шёл себе, шёл по маршруту,
а приехал на станцию Старость.
Полутёмные своды вокзала,
никаких не предвидится рейсов,
и движение до города Завтра –
пешим ходом, по шпалам без рельсов.

Декабрь 2017

* * *

В доме человек живёт не ленится:
возле дома строгая поленница,
от калитки до крыльца дорожка
выстелена вся кирпичной крошкой,
и на крыше флюгер-петушок
гордо поднял красный гребешок.

Только ночью незачем фасониться:
человека мучает бессонница,
вот он и шагает многократно
от крыльца к забору и обратно,
мрачно совершая эту нудь,
чтоб устать, улечься и уснуть.

Ходит, размышляя в ночи летние
о своей судьбе и о наследии:
так случится рано или поздно,
что оно останется бесхозным,
а ему совсем не всё равно,
в чьих руках окажется оно.

Племя молодое, незнакомое,
разными причинами влекомое,
поживёт, посвищет, словно птица,
поклюёт и снова разлетится
и оставит разорённый дом
с кучкой дров и ржавым петушком...

Декабрь 2017

* * *

Слова недолговечны, как бумага,
бумага равнодушна, как вода,

а без воды не сделаешь ни шага,
когда подступит жаркая страда.

А жаркая страда – и косовица,
и новостройка, и горячий цех,
и, как ни странно, чистая страница,
где быть словам, отличным ото всех.

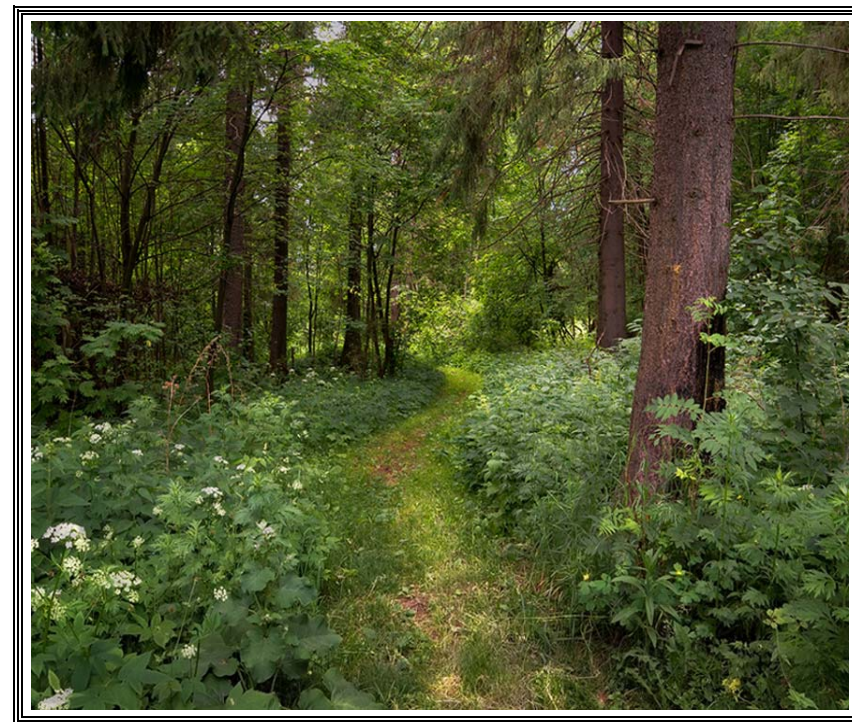
Когда-нибудь, зерно культуры сея
и прославляя ежедневный труд,
страницу эту выставят в музее,
на ней слова подробно разберут.

И будут школяры учить послушно,
что мудрость обывателя мертва
и что бумага та равнодушна,
когда на ней бессмертные слова.

Но это всё потом, а тот, кто пишет,
о том не знает, что придёт потом.
Над ним сейчас жарю небо пышет,
сейчас на пустыре восходит дом.

И он незнамо где берёт отвагу
не думать о законах естества,
когда на равнодушную бумагу
кладёт недолговечные слова.

Декабрь 2017

ТИШИНА ТРОПЫ

2018

УТРО

Сначала ощущение тела,
сначала ноги и спина;
простынка утреннего сна
ещё не полностью слетела;
сначала – только боль одна.

Глаза ещё не приоткрыты,
полоска неба не видна;
приходит звук из-за окна
какой-то смутный и размытый;
незримо тает тишина.

Но вот уже цвета рассвета –
неяркая голубизна
чуть розова и чуть красна;
округа в полчаса согрета
и птичьим щебетом полна.

И следом возникает слово,
что ночью вышло из темна,
но так печаль была сильна,
что слово затаилось снова
и лишь теперь взошло со дна.

Оно казалось нелюдимым,
не подходящим ни к чему,
но было сердцу и уму

единственно необходимым –
а сам не знаю, почему...

Январь 2018

* * *

...И вновь моя дорога по пустыне,
и вновь не мною выбрана она –
так выпало случайно. И отныне
такая навсегда мне суждена.

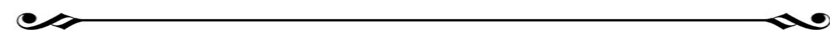
Мой дом хорош, но не сидится дома –
фантом движенья не даёт уснуть.
А местность вдоль дороги незнакома,
песок и камни – бесприметный путь.

А разве лучше, если б лес и поле?
А разве лучше, если бы вода?
Я следую по ней по доброй воле,
и только жаль – дорога в никуда...

Февраль 2018

* * *

Есть в жизни неразгаданное что-то,
что не списать на тайны новизны:

когда жильцы уходят на работу,
в пустых квартирах остаются сны.

Оставленные теми, кто их видел,
накопленные за́ ночь и к утру,
они свои не пестуют обиды,
а продолжают вечную игру:

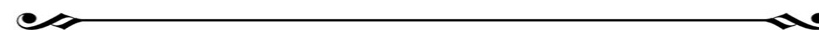
в себе смешав и правду, и неправду,
в себе смешав и выдумку, и явь,
при свете дня они проводят правку
там, где во тьме сказали бы «оставь».

Жильцы приходят, плачут и смеются,
едят и пьют и вспоминают сны,
но к их просмотру больше не вернуться,
хотя по сути досмотреть должны.

К ним по ночам приходят сны другие,
под стать непроторённым временам,
и спят они, не зная ностальгии
по брошенным и позабытым снам.

А те уходят в трещины по стенам,
в просветы труб и связки проводов,
и дом тогда ветшает постепенно,
не простояв положенных годов.

А время протекает равнодушно,
и люди удивляются потом,

что старческой бессоннице послушны,
а если сон, то в облике пустом.

Февраль 2018

* * *

**Воспоминанья детства – как трава,
растущая по сторонам дороги:
все стебли низкорослы и убоги,
спустя года и помнятся едва.**

Воспоминанья молодой весны,
которые ложатся в память проще,
прозрачны, как берёзовая роща,
и, как она, белы и зелены.

Воспоминанья зрелости тесны
и монотонны, как густой осинник, –
в них нет просветов голубых и синих,
в них спутаны реальности и сны.

**Воспоминанья старости – как лес,
раскинувшийся без конца и края:
в нём полутьма, и тишина сырая,
и все стволы уходят до небес...**

Февраль 2018

* * *

Ну, что же, пора подвести итог,
 не требуя круглой даты.
Всю жизнь трудился больше, чем мог, –
 и каковы результаты?
Уж если этот вопрос возник, отвечу просто и строго:
на куцей полке дюжина книг –
 и впрямь, не очень-то много.

Ну, ладно, это от головы,
в статистику перемещение...
Спрошу по-другому: а каковы личные ощущения?
На этот вопрос отвечая так, себя самого не обижу:
с прошлым освоился кое-как, будущего – не вижу.

А вот что действительно вижу я:
 мой путь преградили глыбы,
 в моих лесах – ни птиц, ни зверья,
 в реках моих нет рыбы.
 В моих музеях одна мазня, в библиотеках пусто,
 никак не затрагивает меня нынешнее искусство.

Довольно горький вышел итог
жизни, довольно длинной...
Но как-то утром, ступив за порог,
увидел клин журавлиный.

Хотя это был случайный взгляд,
он вовсе не нужен дважды:
покуда живы, они летят – только это и важно.

Февраль 2018

* * *

Одинаково в землю уходят цари и рабы,
превращаются в прах по извечным законам природы,
а потом этот прах вымывают подземные воды,
не касаясь нисколько достоинства прежней судьбы.

Красно-жёлтую пыль из пустыни приносит хамсин,
и возможно, что в ней есть частицы размытого праха,
потому что для всех одинакова времени плаха –
ей покорны рабы, ей покорен и сам властелин.

Красно-жёлтая пыль жирным слоем на окна легла;
чтобы стёкла очистить, нужны и сноровка, и сила;
и покуда ещё не пришло завершение хамсина,
красно-жёлтый пейзаж проявляется в рамке стекла.

Что угодно напомним осевшая в окнах пыльца,
что угодно рисуется этим загадочным прахом:
дюны или барханы, отара, бредущая шляхом, –
но из линий цветных никогда не возникнет лица,

ибо мало кто вправе сказать, что я весь не умру, –
это право даётся не тем, что себя прославляют.
Лишь свободные люди свой след на земле оставляют,
а рабы и цари мимолётны, как пыль на ветру...

Февраль 2018

* * *

В.

Проснувшись рано, выглянул в окно,
чтоб уяснить погоду за окном,
и там увидел странное кино:
плыла округа, то есть ехал дом! –
так, словно бы мой дом вагоном стал,
прицепленным к составу в темноте,
и вот сейчас везёт его состав,
но мне маршруты неизвестны те,
и странен путь – без рельсов и без шпал,
поскольку не трясёт и не гремит,
и я в нём тоже пассажиром стал, –
плывущая округа, странный вид!
Вот так всегда, и где бы ни был я,
три сущности владычествуют мной,
и первая – дорога-колея,
вторая – поезд, третья – дом родной.
Как будто кто-то сильный мне велит,
и, находясь за письменным столом,

я еду с ним, и законный вид
отображает времени разлом:
иду по тропке или по шоссе –
и сам себя я вижу из окна
купе вагона, и приметы все
мне говорят, что цель у нас одна –
дойти, доехать, даже долететь
во сне туда, где тихий добрый дом,
и, приближаясь, в окнах разглядеть
свою одну-единственную в нём!
Но так судьба устроена моя:
хоть поезд и дорога – позади,
а всё же дома ощущаю я
знакомое томление в груди,
и ночью будят, не дают уснуть
летающие за окнами огни,
и вновь передо мной миражный путь,
порой неотличимый от стерни...

Февраль 2018

* * *

Всё, что я накопил на своём протяжённом пути, –
города и селенья, дубравы, пустыни и степи,
на негромких разъездах сторожек дощатые стены,
звук воздушной тревоги и корки в голодной горсти;

всё, что душу лечило и даже спасало её, –
книги, лучше которых уже не сыскать на планете,
берег моря, костёр, и уха, и рыбацкие сети,
и томленье любви, и восторг, и потом забытьё;
всё, что было отрадой в нелёгкие дни и года, –
певчих птиц голоса, горных рек торопливые речи,
на закатной дороге псалмы и субботние свечи –
возрождение того, что, казалось, ушло навсегда...
Где хранится всё это в неведомых мне тайниках,
в лабиринтах извилин, а, может быть, вовсе вне тела?
Потому остаётся последнее важное дело:
попросить небеса, чтоб не кануло это во прах.

Февраль 2018

* * *

Забывать бы про это про всё – и молчок!
С испугом гляжу на бумажный клочок,
где собственной волей выводит рука
банальную мудрость, что жизнь коротка.

Так много подобных написано строк,
что этот повтор не пойдёт уже впрок,
но пишет рука, продолжая дела,
банальную мудрость, что жизнь тяжела.

Себе говорю: – Но ведь ты не дурак,
зачем же унынье, зачем этот мрак?

Давай напиши, чтоб смягчилась душа,
банальную мудрость, что жизнь хороша.

Но как это всё неподвластно уму!
Глаза от стола к небесам подниму –
оттуда придёт небанальная весть,
что жизнь – это чудо, какая ни есть.

Март 2018

* * *

*...И навсегда затеряться в песке.
Арсений Тарковский*

Что тут скажешь? Хороший финал –
навсегда затеряться в пустыне,
позабыть, что до этого знал,
и развеять остатки гордыни.

А и вправду, ну кто же я есть,
об ином размышляя уходе?
Не по Сеньке подобная честь,
чтоб заметили это в народе.

Но уйти, как уходит вода
с побережья во время отлива,
и совсем не оставить следа –
это всё-таки несправедливо.

Не впустую прошли времена,
про которые помню донине,
и свободная воля дана
не затем, чтобы кануть в пустыне.

Нет гордыни в желанье моём
сохранить, не впадая в истому,
на бумаге построенный дом
и дорогу, ведущую к дому.

Март 2018

* * *

Помотало меня по страстям в молодые года,
но себя не найдёшь, избегая серьёзных потерь.
И мудрец сердобольный сказал мне с усмешкой тогда:
– Опирайся на землю и только болотам не верь!

Плывать я не умел, потому что всё детство болел;
научился позднее, когда подошли времена.
И учивший меня мне на полном серьёзе велел:
– Опирайся на воду – почувствуй, что держит она!

И взлетать научился, но это не цирк шапито,
а когда возникают поэма, баллада, сонет...

И неведомо где говорит мне неведомо кто:
– Опирайся на воздух – опоры надёжнее нет!

Март 2018

* * *

В.

Третий день отдыхает телега
на краю опустевшего сада.
Это значит, до первого снега
отвезти на хранение надо
аккуратно уложенный мною
урожай, что был собран намедни, –
всё моё достоянье земное...
Отчего же я всё-таки медлю?

Там, в хранилище, люди другие
передвинут мой груз в отдаленье;
но неведома им ностальгия
и неведомо им сожаленье
о прекрасных плодах небывалых,
что и цветом, и вкусом разнятся...
Им без разницы – сгинут в подвалах
или всё-таки там сохранятся.

Потому, не участвуя в гонке,
третий день отдыхает телега

и лошадка пасётся в сторонке,
подустав от ненужного бега.
Посижу, помолчу в полудрёме
на краю опустевшего сада,
а любимая ждёт меня в доме,
а в душе и печаль, и отрада...

Март 2018

* * *

Стоянка тут всего лишь три минуты,
и что успеть за столь короткий срок?
Купить газету или же сырок;
узнать, какие есть ещё маршруты,
по рельсам приходящие сюда;
почувствовать – весенний воздух манит;
проверить – паспорт с кошельком в кармане;
и вдруг решить: останусь навсегда.

Движение состава прозвучало
и стихло в недалёком далеке,
и ты стоишь один и налегке,
и, значит, начинаешь всё сначала.
Ты прошлое оставил за бортом,
и ничего взамен не получаешь,
и только сам за это отвечаешь,
и никому не жалуйся потом.

Зато ты волен выбрать перекрёсток
двух незнакомых грунтовых дорог
и двинуться не вдоль, не поперёк,
а по чутью и по наитью просто.
И будет хлеб на краешке стола,
но прежде дом появится в пейзаже,
и женщина ещё у входа скажет:
– Я так ждала! Я так тебя ждала!..

Апрель 2018

ШАГИ

Я прожил девять раз по девять лет –
такое исчисление курьёзное;
и всё же расстояние серьёзное,
и всё же на пути остался след.

На первом шаге я ещё пацан,
но на втором – студент, весьма насмешливый
и въедливый, но вынужденно вежливый,
и целый мир мне в ощущениях дан!

На третьем шаге муж я и отец,
сотрудник института оборонного
и обладатель дара полусонного –
пора ему проснуться наконец.

Четвёртый шаг, казалось, роковой,
а оказалось, Господом помеченный,
с единственной моей, так поздно встреченной,
и с небом над свободной головой.

Весь пятый шаг мне строки диктовал,
и вот я с накопленьями немалыми,
и свёл знакомство с толстыми журналами,
и даже что-то опубликовал.

Но наступил важнейший шаг – шестой,
когда ушли былые наваждения,
и я презрел былые восхождения
и снова начал с плоскости пустой.

Был шаг седьмой и следом шаг восьмой,
тяжёлый труд и трудные искания,
но речь не шла о некоем привыкании –
речь шла о возвращении домой.

А лучше дома места не найти –
свидетельствую мышцами и нервами,
и шаг девятый был подобен первому,
но только с осознанием пути.

Пусть боль в спине, одышка, звон в ушах,
но это не отказ от восхождения:

с надеждой на Господне снисхождение
я начинаю следующий шаг.

Май 2018

* * *

Когда не спишь, всё прошлое теснится,
чтобы пробраться в эту темноту...

Арсений Александрович приснится
стоящим почему-то на мосту:
не через реку в месте многолюдном –
через ручей, бегущий по степи,
и я ему пожалуюсь, что трудно,
а он ответит: «Ладно, потерпи.
Когда легко до головокруженья,
то кажется лазурным небосвод,
и есть соблазн ускорить продвиженье
к тому, что в руки без труда плывёт.
Когда легко, хотя бы и неожиданно,
вниманья своего не обратишь
на клочья предрассветного тумана,
на эту фантастическую тишь.
Должно быть трудно – а куда же деться? –
и в поздних трав полынный аромат
войдёт необъяснимый запах детства
и пение сверчков, а не цикад,

и целый мир, уснувший беспробудно,
пробудится до самой глубины...
Ты не печалься, что сегодня трудно,
а приходи почаще в наши сны».
Сойдя с моста, помашет он рукою
и там войдёт в тумана молоко...

И я проснусь, не чувствуя покоя,
но на мгновенье станет мне легко.

Май 2018

* * *

Бывают, что ни говорите,
такие чудные дела:
приснилась строчка на иврите!
Её не память мне дала,
она в эфире не кружилась –
она сама во мне сложилась,
и я, проснувшись, не пойму:
как это вышло? почему?

Поток стремительный, но узкий,
всю жизнь мне душу наполнял:
всю жизнь я говорил по-русски,
всю жизнь по-русски сочинял.

И вот язык, вокруг звучащий,
мне приоткрыл глухие чащи,
и я присматриваюсь там
к деревьям, травам и кустам.

Они не так цветут и вянут,
не так и пахнут, и шумят,
но на тропинках безымянных
мной только мох слегка примят.
Я с них плодов не поймею –
я и назвать их не умею,
и нет имён в башке моей
для птиц, для гадов и зверей.

– Прощай, прощай, глухая чаша! –
шепчу, в душе печаль тая. –
Ты перестала быть молчащей,
но ты, как прежде, не моя.
И всё же чудо совершилось,
и строчка, что во мне сложилась,
мне говорит своей судьбой,
что породнились мы с тобой.

Май 2018

* * *

Смотритель маяка, доживший до седины,
в обители своей почти всегда один.

Слова не часты здесь – всё больше птичий крик,
но не пеняет он – уже давно привык.

Смотритель маяка почти всегда один;
начальство иногда, да вот учёный-сын
не чаще раза в год летит издалека,
чтоб молча посидеть за рюмкой коньяка.

Смотритель маяка на должности своей
изрядно изучил и судна, и людей:
кто трудную волну перестоит в порту,
а кто готов рискнуть и выйдет в черноту.

Он принял свой удел – он выбрал место жить,
где не с кем говорить и некуда спешить.
Для большинства людей неведом он совсем,
но свет во тьме ночной и нужен-то не всем.

Май 2018

* * *

Прочитал, вознёсся – и далее,
столь бессмысленно в те года,
размечтался попасть в Касталию,
хоть на время, не навсегда.

Тут ведь мало только желания,
чтоб случился кастальский лад:

тут нужны обширные знания,
трудолюбие и талант.

Применить к себе не получится
золотые эти слова.

Что с того, что мечта-попутчица
предъявляет свои права?

От судьбы мне дано немного:
поздно начал – мало добыл.
И смотрю я вперёд с тревогою,
и гашу восторженный пыл.

Мне придётся в жизни обыденной
проявлять несуразный вкус,
сочиняя с тайной обидою
перезвоны стеклянных бус...

Июнь 2018

* * *

В.

В час, когда полоса грозовая, отпылав, стихает вдали
и судьба на глазах оплывает, как часы Сальвадора Дали,
я себя сомненьем обижу и направлю в былое взгляд,
и отчётливо там увижу, что во всём я сам виноват.

Так ведь было, что в юные годы
замахнулся на пять дорог,
но пошёл поперёк природы и нигде прижиться не смог.
Каждой были отданы силы и на каждую брошен пыл,
а везде оставался сирым, чужаком назывался – и был.

Осозналось прискорбно поздно:
впереди не пик, а тупик,
и впервые очень серьёзно я подумал, что мир велик.
Догонять ушедшее время – безнадёжное ремесло,
но сидеть на месте, старея, если руки держат весло?..

Значит, можно вдумчиво править,
не являя прежнюю прыть, –
никакая давняя память не подскажет, куда мне плыть.
Это будет собственный выбор,
нужный только мне одному
не для славы и не для выгод,
а для жизни в своём доме.

Июнь 2018

ПИСЬМА

Писали фиолетовыми, а потом они стали рыжими;
из-за этого письма выглядят
неприбранными и бесстыжими,

и это объясняется не тем, что их плохо хранили,
а просто-напросто время долго трудилось над ними.
Но начинаешь читать – и те года возвращаются,
люди, писавшие письма, здороваются и прощаются,
рассказывают подробности, были и небылицы,
и отзвук давнишней жизни даже сегодня длится.
Оживает окраина далёкого старого города,
и небо сплошь фиолетовыми молниями распорото,
и я пишу о грозе, громкой и грозной весьма,
той, уехавшей на каникулы, которая ждёт письма.

...Я не успел добежать до остановки троллейбуса
и вижу из-под навеса, как штанги его колеблются,
и провожаю его не слишком весёлым смешком,
ибо знаю – теперь придётся идти пешком.
Как помнится до сих пор то позднее возвращение!
Ничем не поможет ходьбе тусклое освещение,
но для мозаики будущей на ходу подберётся смальта
из оранжевых фонарей, из голубого асфальта,
из чёрно-зелёной листвы, из окон жёлтых и розовых
и многих других цветов, часто случайных и бросовых,
а к ним воды под ногами добавятся вздохи и всхлипы,
и в довершение картины – запах цветущей липы!
И всё это было в письме, непонятно как сохранившемся, –
то ли найденном в старой книге,
то ли вовсе приснившемся –
а значит, лежавшем в памяти где-то под самой крышей
со скорописью фиолетовой, которая стала рыжей...

Июнь 2018

* * *

Не ленись – подойди и опять посмотри
на скопление крыш в законном пейзаже:
на рассвете там виделись краски зари
и строенья смотрелись и мягче, и краше.

Вслед за этим зенитное солнце пришло,
уничтожило полутона и оттенки,
черепицу на крышах немедля прожгло
и совсем одноцветными сделало стенки.

А потом подоспел благородный закат,
проложив по окрестности длинные тени,
и она привлекательней стала стократ
для людей и собак, для домов и растений.

И затем повсеместно легла темнота,
погасила все окна и скрыла все лица,
и похоже, что близко проходит черта,
за которую ночь бесконечно продлится.

Для кого-то, увы, происходит и так,
но скопление крыш, мой пейзаж законный –
это мой талисман или памятный знак
жизни как бы обычной – и вновь незнакомой.

Июнь 2018

* * *

Приснился сон по имени «вокзал»,
сон несуразный и довольно скучный:
держу в руке билет, уже ненужный,
поскольку я на поезд опоздал.
Весь мой багаж – дорожная сума,
и в ней тетрадки связкой многолетней.
А этот поезд был уже последний,
и дальше только долгая зима,
когда все рельсы снегом заметёт
и подо льдом недвижны станут стрелки,
когда дрожать придётся дрожью мелкой,
а тёплые дома – наперечёт.
Беру поклажу и назад бреду
с улыбкой горделивой и печальной,
и попадаю в садик привокзальный,
и вот стою я у костра в саду.
Вес багажа уменьшился на треть.
Стою и мысли привожу в порядок.
В саду горит костёр моих тетрадок,
но никого не может он согреть...

Июнь 2018

* * *

Рыться в книгах на книжных развалах –
ничего благороднее нет!

Тут не нужно затрат небывалых,
тут не нужен сторонний совет.

Это поле для собственных знаний,
где царит незаёмная страсть,
нюх на поиски редких изданий,
а ещё – неумение красть.

Ибо всё-таки в тёмных соблазнах
промелькнёт и пройдёт стороной:
у владельца их много и разных –
не убудет его от одной!

А тебя-то прибавится, что ли?
Станет выше земной пьедестал?
Ты читал и до школы, и в школе,
все дальнейшие годы читал.

Стал богаче? умней? здоровее?
Не проверить и не доказать...
Лишь покажешь судьбою своею,
что не вышел в духовную знать.

Не читал бы – не шёл бы за веком,
на развалах не рылся б тогда,
был бы вовсе другим человеком –
но ведь это отнюдь не беда?..

Июнь 2018

* * *

Тихо-тихо вокруг на заходе субботы.
Ни людей, ни машин, и куда ни взгляни,
город словно бы улей, и жёлтые соты –
это просто строенья, где в окнах огни.

Тихо-тихо вокруг. Это время такое –
можно равно смотреть и назад, и вперёд.
Это время, в котором чуть больше покоя,
чтоб обдумать неделю, и месяц, и год.

Тихо-тихо вокруг – ни моторного стука,
ни людских голосов, ни звучания струн.
Всем шумам вопреки жизнь – хорошая штука
и тогда, когда стар, и тогда, когда юн.

В тишине различимы особые ноты –
это с неба доносится слово Судьи.
Тихо-тихо вокруг на заходе субботы.
Тихо-тихо вокруг на исходе судьбы.

Июнь 2018

* * *

Сначала веером шли дороги;
их было много – крутых, прямых.

Но нужно было усвоить уроки
о том, как выбрать одну из них.

А было непросто сделать выбор,
когда дарованье ещё молчит,
а случай взял и подсказку выдал
на путь, где рельсы и поезд мчит.

И ты пошёл и поехал живо –
кто-то правит, а цель слепа!
В поезде тесно от пассажиров,
да и на всех платформах толпа.

И понял ты, сумев отдышаться,
что поезд лишний и путь не твой,
и, значит, для возрожденья шанса
нужно выйти на узловой.

Там тоже много рельсов и улиц,
но ты устал от плотной толпы,
а дарованье уже проснулось
и предпочло тишину тропы.

Она вела, куда – неизвестно,
но вряд ли в конце её был тупик:
всего скорее, новое место,
а может быть, что и горный пик.

Но тут не тысячи ног проходили,
а шли единицы, такие, как ты.

Возможно, и ты окажешься в силе
дойти куда-то до темноты.

На том не кончится эта дорога,
но ты остановишься, говоря:
– Возможно, я сделал не так уж много,
но шёл не зря, да и жил не зря.

Июль 2018

ВЕНЕЦИАНСКАЯ БАЛЛАДА

Памяти Иосифа Бродского

Промчались тридцать лет,
и снова анфилада
привиделась во сне, а словно наяву.
Куда она ведёт, мне разобраться надо;
казалось бы, пустяк, но я тут не живу.

Венеция. Канал. Палаццо трёхэтажный.
По прихоти судьбы я в гости приглашён.
Хозяин у дверей, и тут отметить важно:
не знаю я его, меня не знает он.

Хотел он пригласить известного поэта;
письмо пришло ко мне незнамо почему.

Он мягко говорит:
– Ведь мы встречались где-то? –
а мне и невдомёк, что отвечать ему.

Должно быть, так себя ведут аристократы:
– Подводит память нас – встречались, но давно.
Пожалуйте наверх, вам будут очень рады;
отведайте вина – отличное вино!

На третьем этаже и в самом деле рады.
В гостиной толчея, там пьют и говорят.
Внезапно вижу я начало анфилады –
идущий в глубину почти бездонный ряд.

И, взяв бокал с вином, вхожу я в жерло это,
не получив на то и малого кивка.
Но это ведь она, фантазия поэта,
сюда она со мной пришла издалека!

По комнатам иду, ступаю там неловко,
поскольку всюду пыль столетняя легла.
Не вижу никакой обычной обстановки,
лишь в рамках дорогих на стенах зеркала.

И в этих зеркалах я возникаю странно:
то голова видна, а туловища нет,
то весь я целиком, но как бы в полэкрана,
а мой бокал с вином везде меняет цвет.

чтобы взошедшая здесь лоза
сделалась знаменита.

**А особенно мудрено,
прежде всего вначале,
чтобы рождённое здесь вино
от остальных отличали...**

Август 2018

* * *

Перечитываю Кронгауза, моего наставника в юности – не затем, чтоб из давней давности

беспричинно свою вину нести,
не затем, чтобы в брэнной памяти
обновить фрагменты общения,
а затем, чтоб сравнить сегодняшние
и тогдашние ощущения.

А вина моя так мне видится –
 что впадал в его подчинение,
когда он чернилами красными
 выправлял мои сочинения;
потому на его творения
 снизу вверх я смотрел восторженно,
и моё у него обучение этой памятью подытожено.

А потом ушло поклонение; он остался на возвышении, но о нём заботы и жалости заглушали все возражения,

и стихи моего наставника я прочитывал как назидание:
 правда жизни была отчётлива –

не хватало тайны создания.

Лишь прожив, что было отпущено,
 претерпев и обдумав многое,
понял я со всей очевидностью,
 что изыски его не трогали,
ибо, зная не понаслышке, что присуще его столетию,
он обязан был воплотить свою собственную трагедию.

А для этого были надобны слова прямые и точные и крепкие, как солдаты, несущие службу бессрочную; а для этого были надобны слова простые и внятные, для каждого человека однозначные и понятные.

А где же их было найти, те слова скупые и строгие, при девальвации смыслов? На этом споткнулись многие... Потому и писал он мало, не опускаясь до лишнего, ни на кого не надеясь – даже и на Всевышнего.

Август 2018

* * *

И плёнки были слабые, и техника убогая, а кинооператоры тогда умели многое –

к примеру, свет поставят, направив и рассеяв,
и делают портреты ну просто для музеев!

Снимали интерьеры, особенно контрастные,
и тихие пейзажи, особенно прекрасные,
и в тысячах оттенков, запечатлённых ими,
те кадры чёрно-белые нам кажутся цветными.

А ныне технологии сугубо дигитальные,
и свет могучий выстроен, и камеры нормальные,
и результаты съёмки заранее известны,
и кадры многокрасочны – а всё неинтересны.

И после констатации приходит удивление:
неужто обязательно познать преодоление,
неужто обязательна предельная затрата,
чтобы ценой отчаянья добиться результата?!

Август 2018

* * *

Я пройду по канату, который лежит на полу,
но едва ли сумею на уровне метра над полом.
Неосознанный страх не скрывается в тёмном углу
и порой притворяется чем-то чрезмерно весёлым.

Но себя не обманешь, и страх – это всё-таки страх:
можешь сколько угодно корить себя гневно и строго,

ничего не получится, если на первых порах
сам себя не заставишь подняться хотя бы немного.

И не раз, и не дважды, а триста, а то и пятьсот,
чтоб ушло из походки вихлянье пивного угара,
чтобы ноги окрепли, а руки стремились в полёт,
чтоб в осанку вошла основательность вестибуляра.

Надо силу найти, а ещё и терпенье найти,
а ещё ведь должна и своя появиться придирка...
Впрочем, это всего лишь исходная точка пути
к покоренью каната, который под куполом цирка.

Сентябрь 2018

С ИНТЕРВАЛОМ В ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ

Цикл стихотворений

В.

1.

В мае месяце сорок восьмого
мне одиннадцать лет.
Ничего не нашлось там такого,
чтоб оставило след
в детской памяти этого года –
отыскать мудрено! –
ни учёба, ни быт, ни погода,
ни футбол, ни кино.

Отчего же в раздумьях я ныне
возраст выделил тот?

То, что вовсе не скрылось в пустыне,
не боится пустот.

Я, окончив начальную школу,
всё читаю подряд,
и с годами осыплются шоры
и очистится взгляд,
и в пустоты войдут постепенно
голоса за бугром,

Шостакович, артист убиенный
и еврейский погром...

А пока что я мраком окован,
и не брезжит рассвет:
в мае месяце сорок восьмого
мне одиннадцать лет...

2.

Окончен институт, диплом получен,
год пятьдесят девятый на земле.
Не вышло с назначением получше,
и, значит, быть учителем в селе.

Другие мне мерещились победы,
мечты вдали маячили, маня,
но жизнь, которой я не знал, не ведал,
вошла в меня и забрала меня.

А тут ещё взяла да вышла замуж
та самая, которую любил.
Я сжёг тогда стихов и писем залежь
и делу отдал знания и пыл.

Всё было внове: люди, их заботы,
ученики, природа, местный быт.
И так прошли три полновесных года,
и ни один сегодня не забыт.

Пишу сейчас и скучно так, и гладко –
а жил, как будто был навеселе,
и по сегодня для меня загадка:
я полюбил учительство в селе!

Сначала всё посматривал, робея,
чтоб стать похожим на односельчан,
но эта страсть пылала всё слабее –
в ней скоро обнаружился изъян.

И дело было, в сущности, за малым,
но не спасут и многие года:
я был чужим, хотя и славным малым,
я был чужим, и это навсегда!

Я никого ни в чём не обвиняю,
но с той поры, с тех юношеских дней
намеренно себя я не меняю.
Меняет жизнь. Прислушиваюсь к ней.

3.

В апреле было сто лет вождю,

в мае – мне тридцать три.

Эти числа солидны вполне, как там ни посмотри.

Век – это всё-таки долгий срок и ценится неспроста, а тридцать три, кого ни спроси, – это возраст Христа.

Столетие – праздник, трубили о том

чуть ли не целый год,

а для меня мои тридцать три – праздник-наоборот:
прожил полжизни, можно сказать (так я думал тогда),
а там никакой отрады нет и никакого следа.

Как я мог предвидеть тогда, что целых ещё семь лет
будет рушиться на меня ворох различных бед,
но на ближайший юбилей – на год мой сороковой –
вернутся и под ногами земля, и небо над головой?

4.

Год назад Олимпийскими играми
восхищалась тупая толпа,
а сегодня сосновыми иглами
чуть скрипит под ногами тропа.

Старый дом у заброшенной пристани
для жилья непригоден совсем.
Отчего ж мы ютимся, воистину,
где осыпалась краска со стен?

Вместо двери колышутся простыни,
вместо стёкол в окошках слюда...
Мы на острове, двое на острове,
а вокруг неподвижна вода.

Даже чайки крылом не касаются этой стильной воды торжество. Люди здесь не живут, а спасаются; непонятно – зачем, от кого?

Сосны берег изрезали тенями,
ветер стих, молчалива вода.
Можно долго кричать в отдаление –
докричаться нельзя никуда.

Оказалось, при всей неумелости,
всё ж сумели прижиться вполне.
Нет ни соли, ни спичек в окрестности,
нужно ехать на утлом челне.

Опускаюсь в судёнышко зыбкое,
по бокам два тяжёлых весла.
Пожелай мне одною улыбкою,
чтоб дорога удачной была.

Раз, другой и десятый получится,
но ведь я на воде одинок.
Ну, а ежели буря-попутчица
опрокинет убогий челнок?

Мы не мнительны: мало что чудится?
 Мы пророчества наши таим.
 Ну, а ежели всё это сбудется –
 что мне делать с виденьем моим?!

5.

Гроз январских потоки, и вспышки, и гром
 мы узнать не смогли в девяносто втором –
 приземлились в конце февраля.
 Но зато уже в третьем узнали с лихвой,
 ибо зимние ливни дарила впервой
 обалденная эта земля!

Незнакомый язык, незнакомый уклад,
 да и поиск работы – не поиск усад,
 а стремление себя сохранить;
 а для срыва годился бы повод любой;
 а с укладом былым и с былою судьбой
 каждый день истончается нить.

Но рождается таинство новых времён –
 ощущение народа, в котором рождён
 и в котором ты истинно свой,
 и с которым ты делишь и ливень, и жар,
 и автобусный взрыв, и ракетный удар,
 и Закон, что извечно живой.

Это всё происходит без громких речей,
 в быстротечности дней, и в провалах ночей,
 и в минутах, где место мечтам.
 И не явится даже малейшая спесь
 оттого, что мы заново ожили здесь,
 оттого, что мы умерли там.

А посмотришь назад – и окажется вдруг,
 что деянием добрых заботливых рук
 был весь путь освещён и согрет.
 И увидишь, идя по знакомым местам:
 были знаки Господни расставлены там
 с интервалом в одиннадцать лет...

6.

Две трети века – немалый возраст,
 весьма наполненные года.
 Уже не манят чужие звезды
 и ярче светит своя звезда.

К чужим соблазнам влечение стынет,
 и мёд вкуснее из местных сот.
 Уже милее своя пустыня
 чужих аттракций, чужих высот.

Своей тропой иду упрямо,
 пейзаж окрестный, увы, не нов,
 но стоит эта дорога к Храму
 всех накоплений и всех чинов.

Конечно, возраст вполне осенний –
пора не самых удачных дел,
пора не самых больших свершений,
когда маячит земной предел.

Упасть в дороге. Подняться снова.
Снести насмешку. Снести удар.
Но осень духа и осень слова
не всем даётся как некий дар,

а лишь такому, кто ходит еле,
не смотрит в ноги, а смотрит вдаль,
но что-то высмотрит он в апреле
и сложит строчку «Стоял февраль...».

7.

Так бывает: почудится голос живой,
но как будто нисходит с небес,
и тогда среди ночи проснёшься в доме,
словно давней загадкой томим.
На столетие Первой войны мировой
мне привиделся смешанный лес,
и вот так же сию и никак не пойму,
что в судьбе моей связано с ним?

Вызываю из памяти запах листвы,
разнотравье, орехи, грибы,
и как будто здесь не было вовсе войны –
ни пожаров, ни взрывов, ни рвов.

А в прогалах осин островки синевы,
как в прогалах событий судьбы,
а чащобы все живности разной полны –
всем найдётся и пища, и кров.

Лес живой и вполне независим от нас –
от людей, приходящих сюда:
как бездумно пришли, так бездумно уйдут,
и едва ли останется след,
ибо служба ему – не прогулка на час,
тут нужны непременно года,
а умнее всего, кто поселится тут,
чтобы жить в протяжении лет.

И появится дом, конопаченый мхом,
чист под крышей, просмолен и сух,
будет в травах лечебных просторный чердак,
будет подпол с припасом съестным.
В ежедневном таком и таком колдовском
у жильца обостряется слух
и становятся внятными слово и знак
в книге той, что лежит перед ним.

Сентябрь-октябрь 2018

* * *

*В жизни надо лишь вина и хлеба,
И еще – чего никто не знает.
Георгий Шенгели*

Вино и хлеб сегодня не проблема:
зашёл, купил – похуже ли, получше,
направо сделал шаг или налево –
в итоге то же самое получим.

Вино и хлеб – материя земная:
понятно всем, что истинно, что ложно.
А вот того, чего никто не знает,
предвидеть совершенно невозможно.

Вино и хлеб – от сада и от поля,
от опыта ста тысяч поколений.
А то, чего не знаю, чья же воля
внедрит в меня, чтоб действовал без лени,

чтоб в ночь не спал и днём был, как в тумане,
чтоб не пускался в купли и продажи
и чтобы понимал, что это станет
важней вина, важнее хлеба даже?..

Октябрь 2018

* * *

Опять приснился город незнакомый,
в котором жить я должен почему-то.
Не помню в нём ни улицы, ни дома,
не знаю в нём ни одного маршрута.

Идти? Куда? Надеюсь на удачу?
Спросить? Кого? Не зная здешней речи?
И вот стою, растерянность не пряча
и собственной догадке не переча:

я до какой-то важной даты дожил –
и понял, что она не прозвучала,
и это значит, что теперь я должен
с пустой страницы всё начать сначала.

– Но это способ не совсем законный, –
кричу (кому?), – войдите в положение:
я в тупике, а город незнакомый
лишь увеличит горечь поражения!

И сам себе отвечаю смиренно:
– Так что же, что судьбой не избалован?
Где незнакомы жители и стены,
я буду независим от бывшего.

Октябрь 2018

* * *

В.

Балкон, нависший над водой,
и мезонин с окном просторным
так и останутся мечтой
и вымыслом, по сути вздорным.

Откуда деньги на мечту,
не говоря уже о силах,
чтобы построить красоту,
а не набор конур унылых?

А ведь с балкона над водой
так славно, следом за волною,
подумать, что бурун седой
своим окрасом схож со мною.

А оснащённый мезонин
с трубой подзорной на треноге
принёс бы ряд цветных картин
с морской нехоженой дороги.

Но в жизни и балкона нет,
и море всё же не под боком,
а есть ночной неяркий свет,
стихи, дарованные Богом,

слов приходящих колдовство,
звук чистый и неодолимый
и рядом тоже дар Его –
дыханье женщины любимой...

Октябрь 2018

* * *

После войн, революций и всех разрушительных строек
этот дом деревянный неведомо как уцелел:
то ли случай помог, то ли был по-особому стоек,
но сумел устоять, только в землю по окна просел.

Я в нём жил две недели в условиях командировки;
местный житель привёл, разговорчив, радушен и пьян:
– Это твой грандотель, и всего-то за две поллитровки!
Это спальня твоя, это кухня, а это чулан.

...Утром служба, а после и город осматривать можно,
только город чужой, потому не пойдёшь по дворам.
А кончается день – и становится как-то тревожно:
что в убогом жилище поделывать по вечерам?

Я подумал однажды, что всё это выглядит странно –
и жильё за бесценок, и время – куда его деть? –
и решил осмотреться в домишке, и начал с чулана:
вдруг случится нащупать и что-нибудь там углядеть?

Я входил со свечой, а потом и фонарик приладил,
и с неделю копался в густой паутине, в пыли,
и наткнулся на полке на толстую связку тетрадей:
чьи-то мысли и чувства в них вечный покой обрели.

Мне они ни к чему, да и права на них не имею,
да и нужно ли это – стараться, читать, разбирать? –
и внезапно подумал: однажды и я онемею,
и останутся тексты – неважно, тетрадь, не тетрадь,

пусть компьютерный диск,
на котором формат дигитальный,
пусть в другой ипостаси, но тот же случится просчёт:
вот он я, в каждой строчке –
раздумчивый, смутный, печальный,
а забросят в чулан, и никто никогда не прочтёт!

Только разве что случай
устроит сгущение пространства,
и застывшее время пожертвует нужный кусок
и подарит рутине особенный вид и убранство,
так что люди подумают: жребий красив и высок.

После войн, революций и всяческих там перестроек
сохранится обычный, пустой и заброшенный дом,
и, войдя в него, некто, по виду флегматик и стоик,
обнаружит чулан с допотопным компьютером в нём...

Ноябрь 2018

* * *

Память без напряжения мне выдаёт спокойненько
картинки далёких лет, где я совсем ещё маленький:
вишнёвка в большой бутылки дремлет на подоконнике,
вышивка ришелье на старом пододеяльнике.

В школе мы учим вождя самые мудрые заповеди,
дома – очередей правила неотменимые,
и коммунальной квартиры многослойные запахи
плывут в своей первозданности,
целую жизнь хранимые.

Вот патефон и пластинка
с какой-нибудь лунной рапсодией,
вот худые носки в маминых штопках тщательных...
Нас формирует жизнь не теорией-философией,
а тысячей мелочей, в нас навсегда впечатанных.

Ноябрь 2018

* * *

С дороги мы сбились – пропала тропа;
казалась она изначально слепа,
едва различима, но всё же была –
и вот растворилась, исчезла, ушла!

Мы, вместе пошедшие в долгий поход,
узнавшие прежде немало невзгод,
стоим и молчим и не знаем, как быть:
кураж испарился, растаяла прыть.

Тогда я сказал: – А не надо тропы –
давайте проверим веленье судьбы,
пойдём наугад, наобум поспешим;
изменится местность – там снова решим.

И вот мы усталой цепочкой бредём,
обходим болото, за ним бурелом,
кончается лес, а тропы-то всё нет –
в безводной степи обозначился след!

А многим уже и не надобен он:
их облик потухший назад обращён,
и стала короче цепочка моя,
и в этом, возможно, повинен и я.

Но вот, наконец, обрели мы покой –
тропа привела нас на берег морской,
и временно светятся наши следы
на дюнах песчаных у тёплой воды.

Мы сняли обувь; ласкает песок
ступни и лодыжки натруженных ног,
и радость должна б наполнять голоса –
а мы отчуждённо глядим в небеса.

Казалось бы, кончен далёкий поход,
что длился не месяц и даже не год;
раздумчиво море, красива земля –
а мы выступаем, и снова с нуля...

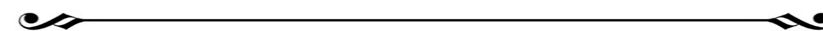
Ноябрь 2018

* * *

Тёмноплиточный, но не мрачный,
а в ночное время прозрачный,
всюду добрые огоньки –
и внутри него, и на вынос, –
как-то так незаметно вырос
дом на той стороне реки.

Кто живёт в том доме, не знаю:
между нами река сквозная
и поблизости нет моста;
берег тот нередко в тумане,
а поди ж ты, как знобко манят
те загадочные места.

И задумал: пойду туда я;
чем сидеть на месте, страдая
устремлениям вопреки,
я пойду искать переправу,
чтоб однажды войти по праву
в дом на той стороне реки.

А дорога в бегу чудила –
потихоньку так уводила
вдоль реки, а всё-таки вбок,
то ли влево, а то ли вправо, –
чтоб, когда найду переправу,
этот дом я видеть не мог.

Шёл я, шёл, повинуюсь року,
на другую ушёл дорогу –
утащили его крюки.
Но хотя я там состоялся,
навсегда за спиной остался
дом на той стороне реки...

Ноябрь 2018

* * *

В.

Крыльцо с резным узором и с подковой,
прибитой с незапамятных времён,
а на столе, на скатерти суровой,
кувшин с водой холодной родниковой –
откуда в доме появился он?

Безводный край, степной, солончаковый
наполнил окна с четырёх сторон,
а на столе, принять гостей готовый,

кувшин с водой холодной родниковой –
откуда в доме появился он?

Его я ночью выдумал однажды,
когда хамсин свирепствовал вокруг,
и я не спал от боли и от жажды,
и думал я, что далеко не каждый
кувшин с водой – мне настоящий друг.

Когда в округе выбор небогатый,
вода в кувшине в случае таком
с гнильцой может быть и тепловатой,
солончатой или горьковатой,
и с запахом бензина, и с песком.

Всё стерпится, увы, в краю безводном,
когда мы пить готовы всё подряд,
мечтая об источнике природном –
о роднике прозрачном и холодном, –
такой бывает, люди говорят.

...Поток раздумий полубестолковый,
стихает боль, проваливаюсь в сон...
А утро застаёт меня с обновой;
кувшин с водой холодной родниковой –
откуда в доме появился он?..

Ноябрь 2018

* * *

Заброшенное кладбище еврейское,
от надписей остался ветхий след...
Жив городок, но есть отличие резкое:
в том городке давно евреев нет.

Надгробье опрокинуто, попорчено,
и с буквами не справиться никак:
бет, самех, вав – а дальше неразборчиво,
но, слава Богу, есть хоть этот знак.

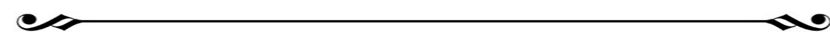
А гиду неудобно – он сутулится,
он курит и вздыхает тяжело.
Я прохожу по незнакомой улице,
где детство моего отца прошло.

Историей уроки на дом заданы,
но, видимо, они пошли не впрок,
и остаётся осмотреться заново
и навсегда покинуть городок.

Ноябрь 2018

* * *

Время за полночь. Сонно в округе.
Нет огня ни в едином окне.

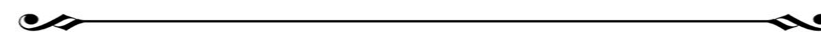

Только жалобной музыки звуки
ниоткуда приходят ко мне.
Проникают то плачем, то стоном
в напоенный молчанием двор,
словно скрипка с кларнет-баритоном
бессловесный ведут разговор.
Вероятно, поднявшись из мира
керосинок, тазов и корыт,
как Давидова древняя лира,
это память моя говорит.
Это память о скрытой неволе,
что сжимала любого из нас,
это память о жалобной доле
живших там и живущих сейчас.
Та неволя вошла в сердцевину
затаившихся пройденных лет:
вся судьба изменилась глубинно,
а никак не стирается след.
И теперь мне не спать до рассвета,
потому что ушла тишина.
Не кончается музыка эта –
громче, тише, а всё же слышна.

Декабрь 2018

* * *

Пчелиные соты в макитре – как образ квартир,
и образ толпы – виноградные грозди на блюде...

Художники видят не так окружающий мир,
как видят его остальные, обычные люди.

Их органы зренья, похоже, устроены так,
что видят оттенки в луче монохромного света;
они различают свечение, где царствует мрак;
они влюблены в синеву предвечернего снега.

Они разлагают на плоскость телесный объём,
пропорции рушат и пишут совсем без фигуры,
и всё для того, чтоб опять настоять на своём –
что солнечный свет – это главное свойство натуры.

Ведь если в отчаянье кто-то и солнцу не рад,
надежду свою загубив на безмерной преграде,
весь мир многоцветный
спрессуется в чёрный квадрат –
и что там прикажете чувствовать, в чёрном квадрате?

Декабрь 2018

* * *

Совпадение слов и каких-то отдельных примет
возвращает людей – тех, которых с тобой уже нет,
дружбы их, и любви, и, конечно, фамильные связи.
А от них на тебе, как на старом затёртом левкасе,
отложился незримый, а всё же болезненный след.

Ты о них обо всех, несомненно, хотел бы забыть –
разлюбив, раздружившись, из памяти вовсе избыть, –
было время, когда эти люди тобой управляли;
при разрыве изведаль немало стыда и печали,
чтоб остаться собой, чтобы душу свою не сгубить.

С той далёкой поры пролетели года и года;
отчего же опять возвращается чувство стыда?
Есть прививка от оспы. Известна прививка от кори.
Нет прививки от подлости и не появится вскоре –
нет на свете такой и не будет её никогда.

Декабрь 2018

ТРИПТИХ О МОЁМ АРХИВЕ

От автора. Хочу обратить внимание читателя на неожиданную для меня самую закономерность: 1-я часть этого триптиха была написана в ноябре 1978 года, 2-я – в октябре 1998-го, а 3-я – в декабре 2018-го. Следовательно, «Триптих о моём архиве» вместил в себя ни много ни мало два раза точно по 20 лет, то есть в сумме 40 лет (!) моей жизни и стихотворчества.

За это время в мире произошли грандиозные события – информационная революция, распад Советского Союза и многомиллионный Исход евреев из него (при этом и сам автор сменил страну обитания), кардинальные изменения в сфере высоких технологий; и всё это странным образом нашло отражение в текстах данного сочинения...

1. БУКИНИСТ

Всё окно, как в новогодней шторе,
в ровном снегопаде...

Отнесу я к букинисту, что ли,
все свои тетради
и скажу: – Послушайте, маэстро,
риск – святое дело:
для тетрадей подберите место,
спрячьте их умело.
Говорю вам искренне и верно:
пролетит столетье –
цены возрастут неимоверно
на тетради эти!

Букинист очки в руках повертит,
скажет осторожно:
– Думаете, кто-нибудь поверит,
хоть поверить можно?
Вы и я – не более чем люди:
пролетит столетье –
ни меня, ни вас давно не будет
на прекрасном свете.

Снегопад способствует спокойной,
медленной беседе.
– Ну, а вы предполагали сколько
жить на этом свете?

Я же вам скажу чистосердечно,
пусть меня осудят:
вы торговец, я поэт – мы вечны,
если будут люди!
Букинист глядит почти сердито
и, обдумав что-то,
объявляет магазин закрытым
для переучёта.

Наверху, под скатом крыши низким,
в снег летящий глядя,
раскрываю перед букинистом
все свои тетради.
Я стихи читаю постепенно
не для слов и лести:
букинист им называет цену,
сделка честь по чести,
и потом, переходя от строчек
к тривиальной прозе,
деньги мне отсчитывает строго
и проверить просит.

За окном темно. Пространство ночи –
в снегопаде шторном...
Букинист ворчливо пробормочет:
– Ишь, какой проворный!
Деньги получить – и сохраниться?
Нет, бессмертье – мимо! –
и меня, страницу за страницей,
съест огонь камина.

Лишь одно он сохранит, пожалуй,
от золы очистив, –
то стихотворенье, где держал я
речь о букинисте...

Ноябрь 1978

2. АНТИКВАР

В Тель-Авиве, где-то возле рынка
в переулках узких,
на глаза попалась мне витринка
вся в обложках тусклых.
И, вглядевшись в бородатый, грузный
и курчавый лики,
понял я, что это лавка русской
антикварной книги.

Захожу, конечно. Колокольца
слышу звон знакомый,
и волна прошла по телу косо
словно бы истомой:
этот звук, исполненный доверья,
я слышал когда-то,
закрывая за собою двери
в глубине Арбата.

После ослепительного солнца
привыкаю к лампе.

Узнаю давнишнего знакомца
из московской лавки.
Да и он сомнения итожит,
выходя из мрака:
– Я узнал вас, как ни странно, тоже;
двадцать лет, однако!..

Подождите! – и уходит снова,
видимо, в подсобку.
Возвратившись, на столе сосновом
складывает стопку
выцветших блокнотов и тетрадок
и квитанций бланки
и бормочет: – Должен быть порядок;
у меня – как в банке.

Посмотрите – ваш архив исконный
я из сейфа вынул!..

.....
Почерк – мой, а тексты – незнакомы:
первый раз увидел.
Вглядываясь, глохну и немею,
ноги как из ваты.
Ничего понять я не умею –
вот и жутковато.
Это всё мои, мои тетради,
но чужие речи!..

Антиквар ко мне подходит сзади
и берёт за плечи,

говоря: – Не бойтесь, дело чисто –
 гляньте-ка на даты:
 это всё, что вам ещё случится
 написать когда-то.

Мы привыкли жизнь делить на фазы,
 расставляя вехи,
 а она ведь вся даётся сразу,
 сразу и навеки.
 Ну, а что касается архива... –
 он помедлил малость, –
 то, что мне когда-то принесли вы,
 у меня осталось.

Я б держал и дальше интендантство
 над судьбой еврея,
 но прошло смещение пространства –
 и сместилось время.
 Будущее ваше, ваша доля
 превратились в память.
 И судьба архива – в вашей воле:
 взять или оставить.

Я молчу, и длятся две минуты,
 словно два столетия.
 Не было в душе сильнее смуты,
 чем в минуты эти!
 Но, со страхом всматриваясь в бездну
 пристального взгляда,

я внезапно становлюсь железным:
 – Не возьму. Не надо.

Да и вам довольно напрягаться
 в вахте над поэтом:
 то, что в сейфе, – вовсе не богатство,
 я уверен в этом.
 И прощаюсь я с курчавым ликом,
 с бородатым, грузным...
 И вослед мне смотрит мой хранитель
 с одобреньем грустным.

Октябрь 1998

3. ПОСЛАННИК

Магазин возник в полуподвале –
 полумрак и тесно.
 В месяц-два ценители узнали
 про такое место
 и уже туда тянулись, целясь
 на его витринки,
 где хозяин, пунктуальный Феликс,
 выставлял новинки.

А хозяин был знаток великий
 своего предмета:
 мог часами говорить про книги,
 знал про то и это –

год, тираж и ход первоизданыя,
что пойдёт в замену
и, конечно, рынка состоянье,
чтоб назначить цену.

Я туда ходил не очень часто,
больше для беседы,
но порой вылавливал, по счастью,
просто раритеты.

Как-то попросил свою удачу
придержать до завтра.

Он тогда меня и озадачил:

– Вы ведь тоже автор,
на себя навесивший вериги –
продавать-то трудно!

Вы сюда свои несите книги,
выставляю прилюдно.

Я принёс два разных экземпляра –
для удачи шалой,
и была на полке эта пара
года два, пожалуй.

Я уже ходил всё чаще мимо,
не спускаясь даже,
ибо видел, что неумолимо
падают продажи.

Бедный Феликс! Книжная торговля
подошла к финалу:
тех, кого волнует эта ловля,
стало слишком мало...

И тогда я вспомнил букиниста –
давнего, с Арбата,
и на миг от той картинки мглистой
стало страшновато:
до таких воспоминаний дожил
я в своём старенье,
что не о труде я думать должен,
а о сохраненье.

Результат компьютерного теста:
мегабайт на триста –
это мной написанные тексты,
чем могу гордиться.

Сделаю я копии архива
на CD и флэшке
и пойду с прошением неспесиво,
не боясь насмешки.

Может быть, реальности переча,
но на самом деле
в магазине я парнишку встречу
с томиком Шенгели.

Наизусть прочту стихотворенье,
обозначив братство,
и отдам ему на сохраненье
всё своё богатство.

Он смущённо скажет: – Понимаю
я заботу эту.

Он достойно скажет: – Принимаю
вашу эстафету.

Не дано нам ведать достоверно,
что в грядущем будет,
хорошо там будет или скверно, –
но Господь рассудит.

Мой посланник времени и места
мягко улыбнётся,
и пойдёт от моего подъезда,
и не обернётся.

Декабрь 2018

ТЕНИ ВРЕМЕНИ 2019

* * *

Мир сузился до личного жилья,
а круг друзей – до одного ровесника;
а я, как прежде, жду прихода вестника,
что мне откроет смыслы бытия.

А он подзадержался в тех краях,
где, очевидно, больше в нём нуждаются,
и к нам его приход не ожидается
ни вскоре, ни, тем более, на днях.

А потому придётся самому,
пока свеча ещё горит на полочке,
всю жизнь свою рассматривать до полночи,
выискивая смыслы по уму.

Свеча горит по тем, кто рядом был,
кто помогал выдерживать, выстаивать,
и нет причин их имена утаивать –
ведь я живу, и я их не забыл.

А смыслы – в непрерывности пути,
который за моей спиной останется,
и в тех, которым всё моё достанется:
их мало, но они должны прийти.

Январь 2019

Рассказывать мне байки не с руки –
я помню утро с ясностью сполоха:
на листьях сныти и чертополоха
виднелись всюду белые комки.
Собрать их тоже стоило труда
в отряде, изнывающем от жажды;
две пригоршни, однако, выпил каждый:
какая-никакая, а вода!

И нам, конечно, было невдомёк,
бурившим степь ретиво и усердно,
за что была планида милосердна
и кто из нас причиной быть бы мог.
Но знали мы, что это неспроста,
и кто-то молвил утром на совете:
– Что, если этот снег для нас пометил
какие-то особые места?
Мы запустили двигатель тогда,
и бур буравил высохшую почву
и к середине дня добрался точно
до горизонта, где была вода.

Две пригоршни на каждого! Потом,
до темноты трудов не прерывая,
бурили мы и думали о том,
что есть вода – и есть вода живая...

Январь 2019

* * *

Ты можешь в любой момент купить билет в Интернете,
в назначенный день спокойно приехать в Бен-Гурион;
четыре часа полёта – и ты погружаешься в эти
ожившие воспоминания очень давних времён.

Автобус из Борисполя мчится по автостраде,
езженной-переезженной полвека тому назад,
и пейзаж законный не застревает во взгляде,
поскольку он перестроен с текущим временем в лад.

Ты от Почтовой площади едешь в фуникулёр –
новенькие вагончики с рекламой на потолке, –
и перед знакомой дверью ты застываешь вскоре,
как тысячу раз стоял со связкой ключей в руке.

А дальше ты позвонишь, и дверь откроется эта.
– Я здесь когда-то жил – можно ли мне войти? –
а оттуда не будет ни приветов, ни даже ответа,
и разве не в этом была цель твоего пути?

Разве и без поездки ты не мог догадаться,
что будут люди чужие, и дом, и город чужой,
и то, что тебе казалось воспоминаний богатством,
будет в руках рассыпаться, словно съедено ржой?

Совсем нетрудно представить детали – те ли, другие;
совсем нетрудно представить тот виртуальный полёт;

совсем нетрудно представить по юности ностальгию;
но жизнь – суровая штука, сантиментов не признаёт.

Январь 2019

ЕЩЁ О РОДОСЛОВНОЙ

У моей прабабушки было полтора десятка детей;
жили в скромном достатке и без особых затей.
До взрослого возраста дожили только восемь из них –
семь девчонок и парень; я застал четверых.

Остальные четверо уехали в Штаты давно;
даже сказать об этом было запрещено:
я в детстве случайно услышал, и в памяти до сих пор
тот разговор на идише – полупонятый разговор.

Бабушка стала Цейтлин – за рава вышла она;
Бородянская тётя Аня была счетовода жена;
дядя Абраша Перчик фамилию рода хранил,
и тётя Мейта тоже – муж её репрессирован был.

...Вместо ствола и кроны, вместо семейных корней –
горсть разрозненных данных; что же мне делать с ней?
Мало надёжных фактов, много больших лакун;
все знавшие – в прошлом веке, да и я-то уже не юн.

Спрашивать бесполезно – никто не ответит с небес,
и в архивах не будет отклика на досужий мой интерес.

А с детства жизнь приучила не поднимать головы,
быть ниже воды стараться и также тише травы.

Какая уж тут родословная, когда таишься от всех!
С такими куцыми ветками не дерево будет, а смех.
Не родословная вовсе – часть истории общей беды...
Какие на этом дереве ещё возможны плоды?

Февраль 2019

* * *

Рельсы, шпалы, стрелки, семафоры,
литерный, товарный, спешный, скорый,
за составом ветряная хмарь...
Дом вблизи от станции товарной
ежедневно повторял букварный,
потому заученный словарь.

С магистральной горки так свободно!
А потом пошлёт куда угодно
самый главный – поворотный круг:
товарняк пришёл на сортировку;
что вагон раскроется неловко,
ожидают много жадных рук.

Здесь и бабки, что к земле пригнулись,
здесь и пацанва окрестных улиц,
здесь порой крутые мужики,

и сквозь пальцы смотрит, как ни странно,
здешняя убогая охрана –
просто инвалидные стрелки.

Потому что все тогда страдали –
жили-холодали-голодали
и решались нарушать закон...
Ежели железная дорога
по моим стихам проходит много –
это отзвук тех больных времён.

С той поры запало – и на годы:
поезд – ощущение свободы
от суровых будничных забот.
Сел и поезжай, куда – неважно,
главное – сказать себе отважно:
всё проходит, и теперь пройдёт!..

Февраль 2019

* * *

Белые домики, красные крыши,
лёгкого мостика звонкий пролёт...
Там, где кончается улица, слышу:
безостановочно море поёт.

Полдень в разгаре. Достаточно жарко.
Улица спит под зонтом синевы.

Воздух недвижим. А всё-таки жалко –
песню морскую не слышите вы.

Чтобы расслышать мелодию эту,
надобно к дереву ухом припасть
и в тишине раскалённого лета
всё позабыть, раствориться, пропасть.

И постепенно в прибойные ритмы,
в плески воды и в песчаную взвесь
тихо пробьётся звучанье молитвы
всех поколений, молившихся здесь.

Шма, Исраэль, Адонай Элоэynu...

То ль со словами, а то ли без слов
песня-молитва, где след неременный
вечной надежды и сбывшихся снов.

Февраль 2019

* * *

Антоныч, одноногий инвалид,
всему кварталу починял обувь,
и в гуталином пахнущую будку
без выходных был вход всегда открыт.

Уж как он умудрялся сохранять
ботинки, чтоб носили мы подольше, –

и внешний вид, и, главное, подошвы, –
непосвящённым было не понять.

Антоныч пил не более, чем все,
но это на руках не отражалось;
лишь на щеке была заметна жалость
по грязноватой мокрой полосе.

А как на этажи да с костылём? –
и тоже ведь немалая забота! –
но никогда он не просил кого-то;
кто помогал, того дарил рублём.

А я ему сопутствовал не раз –
мы были с ним по лестнице соседи, –
и восходили не скажу в беседе,
а чаще просто был его рассказ.

Но никогда о пройденной войне –
всё о театре, о кино и книгах,
о памятных годах, часах и мигах, –
Антоныч почему-то верил мне.

Он знал, что я об этом никому,
что даже дома бабушке ни слова,
и много он рассказывал такого,
что не по силам детскому уму.

С тех пор прошёл необозримый срок...
То был урок – я понимаю ныне, –

урок достойной жизни без гордыни
и долгого терпения урок.

Февраль 2019

* * *

Приходится поезду час или два ожидать
на этом разъезде, пока не появится встречный;
а тот поспешил бы, да путь там какой-то увечный –
то горная осыпь, то речка и топкая падь.

Ему невозможно надёжное время назвать
в часах и минутах, когда он придёт на стоянку.
А если везенье – тогда уж заказывай пьянку,
но только её невозможно организовать.

Ведь здесь не отыщешь не то что кафе-ресторан,
но даже столовку, но даже буфет захудалый!
А люди живут и, довольствуясь малостью малой,
о том и не мыслят, что в жизни какой-то изъян.

Такой, например, что для жителей всё далеко –
детishкам до школы, а взрослым – до книг и прилавка,
и если кому-то нужна канцелярская справка,
пили́ до райцентра, а это совсем нелегко.

Они попривыкли к рутине насиженных мест:
другие места – это просто цветные наклейки.

И движется жизнь, словно поезд по однокорейке,
где вне расписанья порой возникает разъезд...

Март 2019

* * *

Достань-ка мне, попугай,
достань счастливый билетик –
только при свете дня и на глазах у всех.
Всё, что я сочинил за шесть десятилетий,
мне позволяет сегодня надеяться на успех.

Но я не прошу у тебя ни нобелевской награды,
Ни книги хвалебной, написанной служивым писарчуком.
Я и моя семья были бы просто рады,
если бы энциклопедия сошлась на тексте таком:

«Фамилия, имя, отчество
(в скобках год и место рожденья) –
израильский русский поэт, автор двенадцати книг;
все они были достойны высокого награждения,
но премию получила только одна из них.

Пишет на разные темы и о разных предметах,
в строгой форме сонета и в форме больших поэм;
Всем его сочинениям присуща одна примета:
он следует русской классике, чураясь новых систем».

Послушай меня, попугай, ты ведь мудрая птица;
как все на свете пророки, ты справедлив, но суров.
А всё же приходит время с делом своим проститься...
Найди для меня в коробке несколько добрых слов!

Попугай попрыгал по жёрдочке
и клюв погрузил в коробку,
пошуровал, помедлил – и вынул счастье моё.
Шарманщик дал мне билетик. Я развернул его робко –
там было всего два слова: «Полное забытьё».

И тут я подумал: Боже, как верно жребий мой понят!
Собственно, это решение я и предпочитал:
там, в отдалённом будущем, и вправду меня не вспомнят –
там никого не найдётся, кто хоть что-то читал...

Март 2019

* * *

Старинный город над большой рекой
в дни детства моего хранил покой
провинциальной медленной рутины.
На улочках, где жил ушедший век,
трамваи тормозили свой разбег
и тархтели редкие машины.

И люди тоже жили не спеша,
и возрождалась города душа,
пройдя сквозь казни, бомбы и пожары.
А время шло, и забывался дым,
и по проспектам светлым и прямым
автомобили всё быстрее бежали.

А город восходил по этажам,
и появилась страсть у горожан
пожить в охотку, пусть не по карману.
И эта страсть всё круче, что ни год,
и пусть в соседа бросит камень тот,
кто не поддался общему дурману.

Житьё провинциальное мертво,
и появилось в городе метро,
и всё быстрее вертятся колёса,
и все спешат, куда-то все бегут,
а вот зачем? Но сверхмобильный люд
не задаёт подобного вопроса.

Хотим смириться с этим, не хотим –
мир изменился, он необратим,
но резче проявляется бывшее.
Я вспоминаю: на дворе трава,
и звучно пилят на зиму дрова
два мужика двуручную пилою...

Март 2019

ЛАБИРИНТ

В.

Я вхожу в лабиринт, но не знаю, дойду ли до выхода –
только право на вход мне со всей очевидностью выдано.
Можно следовать просто по правилу правой руки,
но конечные звенья неведомо как далеки.

И чтоб там оказаться – в местах, о которых мечтается, –
целой жизни не хватит, которая мне причитается.
Разумеется, можно, когда не боишься преград,
пренебречь подстраховкой и просто идти наугад.

Но тогда, заплутав, осознаешь планиду печальную,
что единственный шанс – возвращение в точку начальную
и оттуда опять отправление на поиск пути,
если только мозоли позволят нормально идти.

Есть ещё вариант, потайными подсказанный струнами, –
попытаться хоть раз воспарить над стенами угрюмыми
и, душой откликаясь на зовы тревожной трубы,
совместить в перелёте конец и начало судьбы.

Но взлетать над землёй – это свойство даётся не всякому;
даже ежели есть, то на лбу не отмечено знаками,
и нередко чудак, с этим свойством в себе незнаком,
всю постылую жизнь в лабиринте живёт под замком.

Вот и я до сих пор в лабиринте брожу неприкаянно,
равнодушно следя за нечастыми птичьими стаями,

что свободно летят без дорог, закоулков и стен,
не меняют маршрут и не ждут от судьбы перемен.

Март 2019

КОРОНАЦИЯ

Ей-Богу, ничего дурного,
что я сейчас лишь этим жив:
ведь если жребий мой не лжив,
я завтра буду коронован!

Отец внезапно небом взят;
но он в словах своих последних
провозгласил, что я – наследник,
я, а не сводный старший брат.

Епископ мне подаст корону,
я водружу её – хорош! –
и, в сердце сдерживая дрожь,
проследую неспешно к трону.

Неспешно сяду на него,
своё подчёркивая право,
и взглядом обведу ораву
собравшихся на торжество.

Корона, трон, печать монарха...
Но если это отпадёт,

то чем я отличаюсь от
купца, солдата и монаха?

Что вообще такое власть?
Она не рыба и не мясо,
но почему же все стремятся
протиснуться, к ногам припасть?

Ведь знает каждый мой вельможа:
могу, пока она в руках,
поднять его, втоптать во прах,
помиловать и уничтожить!

Но что при этом ждёт меня?
Какие страсти и причуды?
Ведь завтра я уже не буду
таким, какой сегодня я!

Не как хочу, а лишь как надо
теперь придётся поступать –
и угрожать, и покупать, –
а есть ли этому преграда?

Вот я и думаю о том,
что завтра всё это свершится.
Но самого себя страшиться
мне не придётся ли потом?!

Март 2019

* * *

В.

Куда-то машины мчат под проливным дождём,
куда-то люди бегут под зонтиками цветными...
А нас никто не зовёт, и мы никого не ждём –
сверху глядим на бегущих, не совпадая с ними.

Рассеялись, как в тумане, круглые даты, пиры,
просто встречи друзей, полночные посиделки.
Сейчас ощущаем всё это как части большой игры,
в которой цели пусты и результаты мелки.

Сидя всё время дома, смотрим по сторонам:
книги уже не учат, диски уже не тешат –
все известны заранее; что остаётся нам?
Всё вокруг изменилось,
лишь мы друг для друга те же.

То, что рождало гордость и повышало престиж,
кануло постепенно, исчезло, мало что знача.
В нашу пору заката вошла великая тишь,
и возможно, что это – главная наша удача.

Март 2019

* * *

Холст натянут, уже загрунтован
и готов к переменам судьбы,
и задание проще простого:
как бы тень оркестровой трубы.

А на фоне указанной тени,
что легла, виртуально звуча,
показать на портрете смятение
молодого ещё трубача.

Как велела ему партитура,
дать он должен победный финал,
а звучит эта музыка хмуро –
лучше б даже и не начинал.

Но не нужно раздумий порожних –
не отыщется в музыке след:
не трубач виноват, а художник,
что никак не выходит портрет.

Почему? Он не знает ответа,
и, хотя всей душою открыт,
триумфальное слово «победа»
ни о чём ему не говорит.

По пути и провалы, и беды,
тяжкий труд и коленная дрожь,

и пока добредёшь до победы,
сил на радость уже не найдёшь.

Ах, душа, ты свободная птица,
но не всё и тебе по плечу,
и судьба старика-живописца
недоступна пока трубачу.

И глядит он с холста в мастерскую,
а не в нотную смотрит тетрадь,
и победную фразу такую
ну никак он не может сыграть!..

Март 2019

БАЛЛАДА О СТАРОМ КОМОДЕ

На давнишние вещи опять возвращается мода:
радиола, торшер, с говорливой кукушкой часы...
Даже тянет залезть в глубину пожилого комода,
а не то обновить и поставить в дому для красоты.

А его обновить современной потребует склейки;
но и в этом торшере не лампа, а светодиод;
говорливая птица использует мощь батареек;
в радиоле внутри цифровой процессор поёт.

Мода – что говорить? – с покупателем просто блефует,
предлагая предметы, что снова приятны для глаз.

А комод – погляди – ценным деревом тихо бликует
и не требует вовсе себя выставить напоказ.

Он уже притерпелся к пропахшему пылью чулану –
то уже хорошо, что забыт и не спущен в подвал, –
и в объёмистых ящиках молча хранит неустанно,
что когда-то хозяйке по первому зову давал.

Помнит он – это были добротные нужные вещи,
но они постепенно скрывались в комодную тьму,
чтобы там и застыть, и с годами всё резче и резче
становились ненужными для проживания в дому.

А жилище заполнили фишки, подделки, эрзацы,
и у всех у них модный, вполне привлекательный вид,
и вздыхает комод, и ему начинает казаться,
что стоит он пустой и не знает, зачем он стоит.

Март 2019

* * *

От рассвета и до вечера
был всё время чем-то занят.
День прошёл, а вспомнить нечего –
эта мысль меня пронзает.

Это времени течение,
именуемое «старость».

Не придам тому значения –
что-то всё-таки осталось.

Что-то явно незаметное,
что привиделось-приснилось,
словно бы монетка медная,
что под кресло закатилась.

Я наутро не побрезгую,
кресло малость отодвину,
совершу движение резкое
и монетку эту выну.

Поверчу в руках замедленно,
пыль сдувая и мечтая:
может, всё-таки не медная?
может, всё же золотая?

может, всё же настоящая –
вишь, блестит себе в охотку?
В потайной сосновый ящичек
положу свою находку.

Там уже лежат похожие
из других наличных комнат,
о которых сразу тоже я
ничего не мог припомнить.

Вот лежат они в безмолвии,
не кичатся, не гордятся,

а потом при вспышке молнии
неожиданно сгодятся.

Что-то всё-таки припомнится,
что-то заново приснится,
и замедленно наполнятся
пустовавшие страницы.

Апрель 2019

* * *

На телеэкране – город (съёмка с большой высоты):
через узкую речку – маленькие мосты;
низенькие соборы, игрушечные трамваи;
с детства знакомые площади вижу, не узнавая;
миниатюрный рынок, небольшой стадион –
с детства знакомый город, а вроде бы и не он.

Крохотные людишки речной заполнили пляж;
короткая телебашня похожа на карандаш;
вот камера проплывает над левобережным массивом,
он выглядит с высоты тесным и некрасивым;
квартал, где прошло всё детство, изученный до дворов, –
он тоже довольно тесен и, кажется, нездоров.

Камера опускается. Ровный закатный свет.
Квартал обветшал изрядно за сорок прошедших лет –

с тех пор, как последний раз я видел его воочию,
на этом же перекрёстке в такой же час перед ночью,
когда ещё было нетрудно найти в толпе горожан
того, кто помнил фамилии: Тычина, Рыльский, Бажан.

А впрочем, что притворяться, особенный взгляд творя?
Камера не опустила – это выдумал я.
Нужна была смена масштаба, чтобы свести воедино
сегодняшний день – и начало жизни довольно длинной:
ведь на картинках, оставшихся в памяти той поры
деревья были большими и очень большими – дворы.

Были огромными площади, где только ветер свистит,
и через реку птица вряд ли перелетит.
Почти безграничный город – это моё богатство:
было что изучать, было чего пугаться.
Припоминаю, что он меня не очень любил,
а всё-таки наполнял, окрашивал и лепил.

...Разномастные небоскрёбы – бетон, стекло и металл –
закрыли на телеэкране мой обветшалый квартал.
Я знаю, что ежегодно, ежемесячно, понедельно
тот город сам по себе живёт от меня отдельно
и облик свой перекраивает, не подозревая о том,
что по его фантомам движется мой фантом...

Апрель 2019

ДОМ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Маленькая поэма

Брошенный дом на морском берегу
толком не помню, забыть не могу
и вспоминаю не часто.
Был он открыт и радушен для встреч,
но сам себя не сумел уберечь
от пустоты и несчастья.

Северный Крым, кукурузный аврал,
месяц её наш отряд собирал,
в местной поселенный школе.
Небо – ни облачка над головой!
В поле мы были весь день световой,
даже обедали в поле.

Дом понапрасну вниманья просил:
вечером просто лежали без сил,
где уж – какая там тайна! –
ужинать надо, а мы всё лежим...
Но постепенно втянулись в режим,
к дому же вышли случайно.

Как-то под вечер купаться пошли;
кров от внезапного ливня нашли
в доме под крышей дырявой.

Там пригляделись мы под фонарём,
и оказался с изюминкой дом,
с давней негданной славой.

Правда, сперва было нам невдомёк,
что там за слава, и нужен был срок,
чтоб уяснить досконально.
Местный старик при отвозе зерна
мне рассказал под бутылку вина;
это звучало печально.

Был тут еврейский кооператив,
в мёртвой степи получивший массив;
люди трудились что надо,
и ожила под руками земля –
были бахча, огороды, поля,
птичник, молочное стадо.

В доме жила бригадира семья –
он, да жена, да ещё сыновья,
было их, помнится, трое.
Он за буренье воды отвечал –
это, понятно, начало начал;
дом самолично построил.

В двадцать девятом, и не без угроз,
тут сочинили еврейский колхоз,
а чтобы был он советским,

с русским колхозом велели сложить;
что ж, подчинились и начали жить
с этим тяжёлым довеском.

В тридцать седьмом проредили врагов;
мёртвая степь возродилась кругом;
эти печали развеяв,
немцы пришли – наступила война,
и поселилась в домах тишина:
всех постреляли евреев.

Те, что сумели вернуться с войны,
не пережили такой тишины;
зря мы людей порицаем,
что, мол, разъехались; как без семьи
тут оставаться и вещи свои
видеть в домах полицаев?

Так и тянулось. А в сорок восьмом
людям рассказывал брошенный дом
об изменении резком:
вянул колхоз, сократившись на треть;
тут-то и память велели стереть
о господстве еврейском.

Вскоре затеяли новый совхоз
и повели с Украины привоз
вместо татар и евреев.

Лихо прижился прикормленный люд,
но на уборку студентов зовут –
тщательней, да и быстрее.

Тот бригадир все источники знал;
тут порешили построить канал,
но не заладилось что-то –
много воды, а на деле беда:
в разных местах накопилась вода,
степь превращая в болото.

Вот и остался единственный след,
хоть непонятно, он есть или нет –
дом, где мы дождь переждали.
В доме, своём до последней скобы,
люди, достойные лучшей судьбы,
жили, любили, страдали.

Но ни портретов, ни даже имён
не сохранил для грядущего он;
вещи ушли в распродаже;
вымыт дождями, ветрами продут;
даже и призраки в нём не живут;
люди обходят подальше.

Столько стараний, а не по-людски –
против традиций, уму вопреки,
только для громкого слова!

А оптимизма не вечен запас:
жизнь, что растоптана несколько раз,
вряд ли затеплится снова.

...Много тогда рассказал мне старик,
но временной промежуток велик,
не для подробностей сроки.
Толком не помню, забыть не могу
брошенный дом на морском берегу –
тёмный, пустой, одинокий...

Апрель 2019

* * *

*Я компас ломаю: мне всюду дорога;
От гроба до грога протянута нить.
Георгий Шенгели*

Дорога от гроба до гроба куда как банальна,
и многие люди познали её досконально.
Намного нежданней дорога от гроба до грога,
сплошными вопросами полнится эта дорога.

От гроба – куда? Воскресенья случаются редко;
в истории только одна несомненная метка,
и то не до грога, а много возвышенней – к небу,
а грог – это так, приземлённая блажь на потребу.

Но в море бывает, что портится компас на судне;
куда мы плывём, никому не известно по сути;
и если мы чудом вернёмся к родному порогу,
нам Бэтси нальёт по стакану горячего грогу.

Мы сдвинем стаканы, кто весело, кто-то и строго,
за нашу дорогу – дорогу от гроба до грога,
за наши моря, где мы ходим не ради наживы,
за краткость судьбы и за то, что мы всё ещё живы.

Май 2019

* * *

В морскую толщу звёзды утекли –
планета смотрит в небо и вращается.
Из гавани ушли все корабли,
и ни один пока не возвращается.

Неясно, что им выпадет вдали,
но запустенье тут не прекращается.
Из города все жители ушли,
и ни один пока не возвращается.

Библиотеки в мертвенной пыли,
музеи тоже и не освещаются.
Ценители из них давно ушли,
и ни один пока не возвращается.

...Прерву свою печаль на вираже,
внеся по ходу дела упрощение –
что возвращаться некому уже
и никому не нужно возвращение.

Май 2019

* * *

Тиха и раздумчива музыка Гии Канчели,
когда её слышишь на фоне ночной темноты.
Особые звуки кларнета и виолончели:
они не пронзительны – мягки они и густы.

Они не солисты, но тонкая звукопись ночи
наполнена ими без всяких ненужных прикрас.
Подобны они голосам человеческим очень:
не жалобы это, а просто о жизни рассказ.

О том, как сурово приходится в ней созиданью,
о том, что рутина заполнила дни и года,
что радости мало – существенно больше страданья
и много тяжёлого без перерывов труда.

И можно отчаяться: ночь, и не видно просвета,
а музыку ночи с налёту непросто понять.

Но долгие паузы, чтобы обдумать всё это
и то, что предписано небом, спокойно принять.

Май 2019

ПЬЕСА ДЛЯ СТРУННЫХ

по мотивам Восьмого квартета Д.Д. Шостаковича

I. LARGO-1

Ходят смычки по струнам, ходят смычки по струнам,
из них исторгая медленную горестную мольбу,
и я, внимательный слушатель,
в пространстве ночном безлунном
вижу свою дорогу и слышу свою судьбу.

Я вышел на эту дорогу, дней своих не считая,
не зная, сколько продлится и будет ли лёгким поход,
какая она, дорога, – пологая или крутая,
какие на ней ухабы, куда она приведёт.

Сначала я просто шёл, смотрел на окрестности в оба:
всё ново, всё интересно, прекрасный земной пейзаж,
и не мешала движенью моя дорожная роба,
и ощущался лёгким мой дорожный багаж.

Были в пути остановки – у кабака, у харчевни,
а то со случайным попутчиком у ночного костра.

Движение продолжалось, и знал я инстинктом древним,
когда шагать неустанно, когда отдохнуть пора.

Сколько уже прошёл, сколько ещё осталось –
я долго эти вопросы не ставил перед собой
и не заметил, когда подкралась ко мне усталость,
когда в порядке похода первый случился сбой.

Ходят смычки по струнам, ходят смычки по струнам,
застыл пейзаж придорожный, словно на месте ходьба,
и я себя не чувствую, как раньше, лёгким и юным,
но это моя дорога и это моя судьба.

II. ALLEGRO MOLTO

Слева ноги и справа ноги –
кто вприпрыжку, кто семена...
Это от поворота дороги
густая толпа идёт на меня.

Сто раз, наверно, плечи задела;
сопротивляешься, а кому?
Это, скажу вам, последнее дело –
против толпы идти одному.

Она тебя не слышит, не видит,
оно понятно по голосам.
Если кто-то тебя обидит,
он точно того не заметит сам.

Сопrotивляюсь, не уставая,
лишь бы пробиться куда-то вoвне.
Мысленно песенку напеваю,
которую бабушка пела мне.

Это «фрейлахс», что значит «веселье»,
она посильную помощь сулит:
с детства самого и доселе
помогает смеяться, когда болит.

Что ж, посмеюсь или смех обозначу,
чтобы не выдать свою тоску.
Может быть, после в сторонке поплачу –
после, когда сквозь толпу протеку.

Может быть, там постою одиноко,
прежде чем снова решиться идти,
и одиночество будет жестоко
сопровождать в дальнейшем пути.

III. ALLEGRETTO

А вот и дом на краю пути,
где можно дыхание перевести,
расшнуровать ботинки,
где можно выпасться на простыне,
где стрекочут ходики на стене
с временем в поединке.

К моим услугам стол и кровать,
и кукушке дозволено куковать
для полноты уюта.
Здесь много дисков и много книг,
и я каких-то высот достиг,
а всё же на сердце смута.

Кукушке дозволено куковать,
что не годится мне забывать
о том, что рядом дорога.
Конечно, славно пожить в дому,
но мне предписано одному
пройти ещё очень много.

И вот в окошко глядит рассвет,
и на дороге я вижу след,
мною оставленный: жив курилка!
Я прохожу немного вперёд,
а там – очередной поворот,
а за ним – дороги развилка.

Трасса делится на два ручья:
одна полоса неизвестно чья,
зато широка, надёжна;
другая – поуже, похуже – моя,
и понимаю, что должен я
по ней идти осторожно.

Иду по ней.

Тяжёлым трудом
я, может быть, снова построю дом
и прежний уют добуду.
Но вероятней, что фарт не тот –
я не достигну прежних высот
и сам я прежним не буду.

Я не цеплялся за свой надел,
а только о дороге радел
и шёл, покуда идётся,
и не взбирался на пьедестал –
но путь, который я протоптал,
всё-таки остаётся!

IV. LARGO-2

Я его протоптал, хоть меня на него не пускали –
до сих пор вспоминаю чиновничьи рожи в оскале:
дескать, имя не то и не та в моём паспорте запись, –
а к тому же ещё совершенно обычная зависть.

Я его протоптал, хоть наградами не отмечали,
не писали в газетах, по радио тоже молчали.
Было что-то когда-то, но всё это кануло в Лету –
нет в «обоймах» меня, ни в каких антологиях нету.

Я его протоптал ежедневным рутинным деяньем,
но зато никогда не тянулся за их подаяньем.

Иногда приглашали на вечер коктейля и вальса –
отбирали послушных, а я ну никак не давался.

Я его протоптал в одиночку, и это бесценно;
иногда и стреляли, но всё же хотя б не прицельно –
по таким же, как я, по знакомому или по другу, –
вдруг одумаюсь я или стану покорным с испугу?

Я его протоптал в постоянстве болезней и болей;
иногда мне казалось: замучен тяжёлой неволей,
иногда отступал – мол, и то, что протопал, годится,
а потом собирался и вновь был свободен, как птица!

Я его протоптал; были добрые люди в начале,
что по зову души привечали меня, обучали.
Эту память хранил на пути и зимою, и летом...

Я его протоптал – а пойдёт ли хоть кто-нибудь следом?

V. LARGO-3

А так ли уж это важно перед лицом мироздания,
чтоб были твои наследники, чтоб были ученики?
Были важны твои замыслы, были важны ожидания,
а способы воплощенья почти всегда нележки.

И что же тебе с того, что молодой да ранний
пошёл по твоей дороге и тебя превзошёл?
Признайся, что ты не рад, а может быть, даже ранен:
ты столько лет приближался, а он пришёл и нашёл!

Допустим, что он реально прошёл у тебя обучение,
освоил твои находки и оценил результат.

Но знать ему не дано твои дневные мученья,
твои ночные бессонницы, твой душевный разлад.

Знать ему не дано хождений в чёрном туннеле
или блужданий в трёх соснах, отчаяний и обид
и, наконец, свеченья, заметного еле-еле,
свечения, от которого всего тебя зазнобит.

И рушатся все преграды, и опадают оковы:
ещё неизвестно, ЧТО, но стало понятно, КАК, –
только лишь потому, что это тебе дарован
невидимый никому, единственный Божий знак.

Его не заменят никак добрых советов тыщи,
и ничего не подскажут ни опыт, ни верный глаз,
а удачливый ученик пусть это в себе отыщет,
и ты ему первый скажешь, напутствуя:

– В добрый час!

Тогда и наступит отдых осязанию, слуху и зрению
на год, на два, а может быть, сразу на несколько лет.
Придёт душевный покой и даже умиротворенье –
покуда не вспомнишь дорогу
и на ней оставленный след.

7 – 13 мая 2019 г.

* * *

Я к этой усадьбе пришёл ненароком,
вернее, блужданье меня привело.
Дом смотрит пустыми глазницами окон,
и в них никогда не бывает светло.

Ни птиц, ни собак, ни хозяев тем боле;
возьмёшься за ручку – чешуйки в горсти.
Пустой огород и пустынное поле:
тут даже бурьян не желает расти.

Сарай во дворе обвалился от ветра,
начинка его – только стёкла и ржа.
И больше вокруг ничего не заметно.
Стервятник молчит, монотонно кружа.

А в общем-то вовсе нетрудно представить,
что в доме живут, и что зелень вокруг,
и всех поколений подробная память
в укладе, в быту и в созданиях рук.

Но где же они? Почему это место
похоже на страшный, мучительный сон?
Они угодили – куда, неизвестно,
они испарились в разломе времён.

Ненужными были умы и умения,
достоинство, честь, предпочтенье труда...

Их внуков и правнуков дальние звенья
уже никогда не вернутся сюда.

Июнь 2019

* * *

На́ небе хлопочет ангел, в преисподней правит дьявол,
а меж ними промежуток для людей Господь оставил.
Жизнь по сути неплоха и планета хороша,
но и сверху, и внизу всем нужна твоя душа.

На земле – мы это знаем – что угодно может случиться,
но душе не безразлично, где придётся отчитаться.
Хорошо ли, плохо жил, а придёт и твой черёд,
и об этом неспроста нужно думать наперёд.

Оправдания не помогут, и не жалуйся, вздыхая,
что была душа слепая, что была душа глухая.
Где пришёл держать ответ, там ты Лазаря не пой:
это ты и был глухой, это ты и был слепой.

Подтверждая эту слабость, принимая эту данность,
вознося за жизнь земную не хулу, а благодарность,
нетяжёлый свой багаж предъяви спокойно им,
ибо в жизни на земле не был всё-таки немым.

Объясни свою надежду на смягченье приговора:
твой незвонкий слабый голос

всё же не был голос хора.

Нетяжёлый твой багаж будет принят, и тогда
успокоится душа в ожидании суда.

Июнь 2019

* * *

Я ювелир, я резчик и огранщик;
я знаю, были мастера и раньше,
да и теперь вокруг немало их.
Но я стараюсь выбрать для работы
свой камень – не особенное что-то,
а чтобы не похож на остальных.

Каким он станет, я не представляю:
под шлифовальный диск я подставляю
его бочок обычно наугад.
И первый шлиф, почти случайный, ранний,
подсказывает, сколько делать граней,
чтоб в этом камне отыскался клад.

А дальше труд, рутинный, осторожный,
поскольку по ошибке срезать можно
незнамо что – потом поди пришей!

А замысел по-прежнему в тумане –
ведь неослабным быть должно вниманье
для рук, для глаз и даже для ушей.

Всё сделано, но на живую нитку,
и можно видеть первую прикидку:
до совершенства – словно до луны.
Но замысел понятен боле-мене;
вот тут и нужно всё моё уменье
на весь маршрут немеряной длины.

И вот внутри подсказывает что-то,
что хватит, что дальнейшая работа
испортить может то, что получил,
хотя в мечтаньях было и получше...
Но счастлив я, что результат получен
и что хватило времени и сил.

Июнь 2019

* * *

Рабочий день без перерыва длится –
Барух Спиноза полирует линзу,
а перед этим долго шлифовал.
Посмотрит он сквозь эту чечевицу
на капельку – и снова удивится:
какой там бесконечный карнавал!

Не первый раз он совершает это,
и мысли тают, как туман рассвета,
покрывший ещё спящий Амстердам.
Мир обустроен, всё в нём ладно, строго,
всё замкнуто, и места нет для Бога –
всё только осязаемое там.

В природе всё устроено отлично:
природа вся насквозь геометрична,
всё познаётся опытным путём,
и можно б отместить сомненья разом –
но как в природе появился разум
и кто поведать может нам о том?

Он смотрит в линзу, горестно вздыхая:
картина мира вроде б неплохая,
но есть лакуна посреди пути.
Он смотрит и качает головою:
как в мире появилось всё живое?
За просто так ответа не найти!

И так во всём: приходит понимание,
а не хватает к мелочам вниманья,
и провисает нужная струна.
Бог несомненно не играет в кости,
но в мире этом все мы только гости –
так где же наша вечная страна?!

Июнь 2019

ТРАМВАЙ

Трамвай набит битком – не то что сесть,
а и стоять с трудом найдётся место,
а если чудом удалось усесться,
гляди в окно, пока не надоест.

А там пейзаж обычный городской –
нет, не унылый, а скорей неброский:
дома, деревья, редкие киоски
со всякой мелочёвкой под рукой.

Колёсный стук, шипение дверей,
водитель объявляет остановки,
и пассажиры, в скученности ловки,
на выход пробираются быстрее.

Объявлено сейчас: «Хлебозавод»;
выходят три-четыре человека,
и среди них с костыликом калека;
водитель смотрит в зеркало и ждёт.

Вот остановка «Университет»;
сойдут студенты – полтора десятка,
и опустеет задняя площадка:
входящих почему-то вовсе нет.

Потом «Универсальный магазин»
и «Рынок»; все, кто ехали в трамвае,

выходят там; вагон опустевает;
в нём остаюсь, похоже, я один.

И далее конечная – «Вокзал»;
толпа стоит, но неподвижны лица;
никто из ждущих не спешит садиться,
и «прощевай» водитель мне сказал.

И тут в окошке даже не рассвет,
а слабая полоска световая,
и нет передо мной того трамвая,
и даже колеи трамвайной нет...

Июнь 2019

* * *

Вдоль моря по песку неровные следы –
похоже, шёл старик, на палку опираясь:
замедлил тут шаги, когда увидел парус,
а тут он постоял у самой у воды.

Пришёл домой и лёг. Спал долго и легко.
Давно я так не спал – подумал, просыпаясь.
Приснилось море мне и в нём приснился парус;
он рядом был со мной, а всё же далеко.

Я немощен и стар, не выхожу на свет,
а дома день-деньской лишь в записях копаюсь.

Из моего окна нельзя увидеть парус;
законен тут вопрос – а где же мой ответ?

Мы цифрами горды, мы знанием горды,
но цифры холодны, а знания распались.
Я ночь провёл во сне, и мне приснился парус;
откуда же тогда вдоль берега следы?

Июнь 2019

* * *

По насыпи мертвенно-лунной
под цинковой серой луной
проносится поезд чугунный
и звук исторгает стальной.

Вагоны бегут монотонно,
в них матовый хромовый свет,
и вместе с движеньем вагона
по насыпи движется след.

И всё это длится и длится –
такой бесконечный состав! –
и в окнах латунные лица
желтеются, к стёклам припав.

Огромная масса народа
с насиженных мест сорвалась –

их гонит не личное что-то,
а чья-то железная власть.

Но только та власть не от Бога,
она не спасает от бед,
в ней нет утешенья убогим,
и горестным помощи нет.

И всё, что швыряется в ноги
безжалостной этой рукой, –
свинцовая тяжесть дороги,
а там деревянный покой.

Июнь 2019

ДНЕВНИК

Фантомная баллада

Красивая тиснёная обложка
и текст неординарный, если вник, –
старинный, мной придуманный дневник,
меня же ошарашивший немножко.

Чем он задел? Не *ятем* и не *ером*,
не утончённым почерком витым
и даже не пристрастьем к запятым
(для пишущих сегодня *непримером*),

а тем, что автор, выдуманный мною,
писал не про карьеру и чины
и не про то, что все ему должны,
а про своё призвание земное.

Томило с детства дарованье Божье,
которое так поздно он признал:
свои творенья в дельвигов журнал
послал, себя представив у подножья.

Но Дельвиг в это пасмурное лето
был почему-то непривычно строг
и напечатал только восемь строк,
не дав, по сути, внятного ответа.

Исходом тем не очень удручённый,
он усмирил амбиции свои
и, книжечку издав на кошт семьи,
для прочих стал *естественный учёный*.

Он мог бы замахнуться и повыше,
когда пошёл бы за своим огнём, –
но Вяземский едва ли знал о нём,
а Пушкин даже имени не слышал.

Он жил среди себе подобных малых
и не желал профессию бросать;
работал, думал, продолжал писать
да изредка печатался в журналах.

Был длинен путь его, но не обиден –
десятилетия проходили так.
А он как будто видел некий знак,
что никому на свете не был виден.

И надо же – в году восьмидесятом
книгоиздатель Вольф прислал письмо,
что, дескать, время подошло само,
что он знаком с почтенным адресатом,

хотя, к его прискорбию, не лично,
а по стихам, и думает о том,
что надобно издать солидный том,
и книга выйдет громко и отлично.

...Всё тот же почерк, чёткий и красивый, –
последние страницы дневника;
но видно, что дрожащая рука
прощальные пометы заносила:

что вышла книга в чём-то полотняном,
где разместился весь его запас;
что критика молчала в этот раз,
и это было непонятно-странным.

Должно, Всевышний так распорядился,
чтоб сразу стало книге забытьё,
поскольку появление её
смотрелось нарушением всех традиций.

Пускай над ней одни вопросы реют,
ей никакой не указуя путь;
пускай она хранится где-нибудь,
пока её читатели созреют.

«Всё это без особого значенья, –
писал в раздумье тихий человек,
судьбу итожа, – значит, через век
исполнится моё предназначенье.

И если хоть в одной библиотеке
хотя б один пребудет экземпляр,
я сохраняюсь и сохранится дар,
а вот на время или же навеки?..»

Дневник на этом как-то вдруг кончался –
подробный след пятидесяти лет;
чтобы продлить придуманный сюжет,
мне, вероятно, не хватило часа.

Но что поделать, если по окошку
рассветный луч во всю разлился прыть,
и только оставалось, что закрыть
старинную тиснённую обложку.

Июнь 2019

* * *

Проснулся ночью в испуге
от несуразного сна:
рекламы яркие дуги
заполнили створ окна.
А чем же ещё заполнить?
Глаза прикрой и держись...
Такая странная полночь.
Такая странная жизнь.

Снился старинный замо́к,
на входе хитрый замо́к:
ключ, из отборных самых,
справиться с ним не мог.
Разве все их упомнишь?
Истина, покажись!..
Такая странная полночь.
Такая странная жизнь.

Вдруг открылись ворота,
створка ползёт, скрипя.
В зале бытует кто-то?
В зале вижу себя!
Свой дубликат не оспоришь –
сарказмом вооружись.
Такая странная полночь.
Такая странная жизнь.

Вот незадача какая –
 что-то я не пойму:
 это ведь я неприкаян,
 а он у себя в дому!
 Я мог бы свой долг исполнить,
 на месте его окажись?..
 Такая странная полночь.
 Такая странная жизнь.

Июль 2019

* * *

У горных стремительных рек есть назначенье прямое –
 спешить, чтоб попасть на равнину и далее в море впасть.
 Неторопливые реки тоже стремятся к морю,
 но делают это с достоинством, не демонстрируя власть.

Большой широкой реке незачем торопиться:
 растут на её берегах города с обеих сторон;
 с берега до другого долетит не всякая птица;
 если строится мост – многопролётный он.

А река течёт и течёт, движется неторопливо,
 с грузами и пассажирами несёт большие суда,
 и постепенно доходит до морского залива,
 где пресная и солёная смешивается вода.

Река в течение своём знает и счастье, и горе,
 людей, живущих вблизи, и гостей из далёких стран...
 Она в низовье своём уже не река, а море,
 а в некоторых случаях уже не река – океан.

Июль 2019

* * *

Мой отец был портной, не окончивший даже рабфак;
 умных книг не читал, не был вовсе знаком со стихами.
 Но игла не ленилась в его вдохновенных руках,
 никогда не кроил, никогда не тачал впопыхах,
 и тяжёлые ножницы были всегда под руками.

Очевидно, в него не безруким я вышел на свет;
 виртуозом я не был, но многое делал умело.
 Плохо помню отца, но в семье сохранился завет:
 никогда не надейся на случай, на пользу примет,
 никому не показывай, ежели сделал полдела.

Я не думал об этом, пока не дошёл до седины,
 и вполне осознал то, что ранее было в тумане:
 над работой твоей суд законный вершится один,
 и никто посторонний твоих не увидит глубин –
 это только ты сам, твой изыск и твоё понимание.

И тогда приговор, хоть таи от себя, не таи,
 совещайся с другими и жалуйся, пусть и немногим:

все удачи – твои, но и все неудачи – твои;
это ты не решился, когда было нужно в бои;
это ты прохлаждался и не был придирчиво строгим.

Ты один только вправе обдумать и честно решить
(и при этом спокойно, как кровь протекает по венам):
что-то нужно отрезать, а что-то стачать и подшить,
где бортовки добавить, а где и ватин подложить...
Это труд ежедневный. Его не назвать вдохновенным.

Июль 2019

ФАНТАЗИЯ ПАМЯТИ НАХУМА ГУТМАНА

На холсте натюрморт с апельсином,
абрикосом и спелым бананом,
и оранжевый с жёлтым на синем
(на скатёрке) не выглядит странным.
Если б скатерть была белоснежной,
да ещё и крахмальной к тому же,
то картина казалась бы нежной,
а смотрелась бы всё-таки хуже.
Но художник своим колоритом,
темнотой, приглушённостью фона
нам напомнил о чём-то забытом –
о жилище иного закона,
где хозяева комнаты этой
свой домашний уют создавали

и на скатерти синего цвета
и обед, и десерт подавали,
и не думали и не гадали,
что там в моде, а что не годится,
и глядели в далёкие дали
родовых и семейных традиций.
Время шло протяжённо, неспешно,
всё вбирало – и счастье, и горе,
и шумело небрежно-безбрежно
за окном Средиземное море...

Июль 2019

* * *

Встал я ночью, чтоб записать
несколько новых строк:
забуду – придётся потом спасать,
имелся такой урок.
Добрался до письменного стола,
где можно мысли собрать,
где постоянно ручка ждала,
вложенная в тетрадь.
Сквозь трисы луна текла серебром,
рассыпанным по золе...
Чернильницу с гусиным пером
я увидел на столе,
а рядом кубок с пахучим питьём,
свечку и коробок:

я был во времени не своём
 в котором я быть не мог!
 И всё же был – а иначе как
 объяснить перо и свечу,
 а ещё и очень старый коньяк,
 о котором я умолчу?

Я сел за стол и зажёл свечу,
 два глотка из кубка отпил,
 и тут же забыл, чего хочу,
 и куда-то девался пыл.
 А просто молча гляжу на себя
 сквозь вековую тьму
 и сам себя ощущаю я
 самозванцем в своём дому.
 Я, очутившись в другом веку,
 вопрос задаю себе:
 да, я преемник по языку,
 но преемник ли по судьбе?
 Осознаю, что скорее нет;
 закрываю глаза на миг;
 и тут меня застаёт рассвет
 с обломками строк моих...

Июль 2019

БАЛЛАДА ВОСХОЖДЕНИЯ

В.

Смотрю, задирая голову: странный какой-то дом!
 Очень многоэтажный, а лифт не построен в нём.
 Взлететь бы на самый верхний, но как, не имея крыл?
 Придётся идти по лестнице, а лестница без перил.
 И вот иду потихоньку, жмусь всё больше к стене:
 приближаться опасно к той, другой стороне.
 Можно споткнуться случайно, можно качнуться туда,
 где вдоль всего продвиженья подстерегает беда.
 А вдруг захочу проверить робкую душу свою,
 как ей живётся-может у бездны на самом краю?
 Нет, от греха подальше! Совсем не лёгок подъём:
 дом-то многоэтажный, а лифт не построен в нём,
 и нужно ступень за ступенью как-то преодолеть,
 себе назначая то пряник, а то и хлёсткую плеть...

А всё же не бесполезна мерная эта ходьба,
 где из себя по капле выдавливаешь раба,
 где учишься замедленью, чтоб в ровном ритме идти,
 где учишься пониманью, что нет иного пути,
 и сколько б добрых советов ни застряло в твоих ушах,
 ты один отвечаешь за каждый сделанный шаг.
 А что дрожали колени, что разум бывал в дыму,
 что боль и одышка мешали, не нужно знать никому.
 И вот я на верхотуре – добрался почти без сил,
 и что я намерен делать, сам у себя спросил.
 Да, здесь обзор широкий, хоть ветер выбил слезу,
 и можно что-то увидеть, чего не видно внизу.

Но там, у подножья дома, пока не вошёл я в дом,
 было мне всё знакомо и я был всему знаком.
 Знал я там всё, что видел, и видел то, что я знал,
 и в трудное восхождение какой меня чёрт погнал?
 Вижу дальше и шире; стою помудревший тут;
 я думал, меня услышат, я думал, меня поймут,
 но и во мраке ночи, и в свечении дня
 совсем никому на свете дела нет до меня!
 И тогда я себе ответил: пусть меня судит Бог,
 но я восходил, потому что просто иначе не мог.
 По собственной доброй воле, не ожидая наград,
 всему вопреки взошёл я и очень этому рад.
 А порадовался – и хватит, и снова пряник и плетъ:
 спускаться тоже непросто. Надобно уцелеть.

Июль 2019

* * *

Мироздания нашего главный секрет –
 всё продумано в нём, всё и складно, и ладно.
 Вот и воздух, и воду, и солнечный свет
 от рождения мы получаем бесплатно.

Но всегда недовольны, угрюмы всегда:
 не хватает того, а того переборы...
 Не стараемся вкладывать больше труда,
 а стараемся громче вести разговоры.

Почему же мы истину держим за ложь
 и легко доверяемся пошлому слову?
 «Я тебе объяснил бы, да ты не поймёшь»,
 так Всевышний когда-то ответил Иову.

Вот и нам невдомёк, что в наличии лад,
 только мы не дозрели до уразуменья,
 не приемлем на вкус, и на слух, и на взгляд –
 нет ни знаний серьёзных, ни даже уменья.

А поверить? Ну как же – мы так велики:
 уравнения, формулы, термины валом!
 Оскорбляет нас образ просящей руки,
 оскорбляет моление о небывалом...

Август 2019

* * *

О ком твой плач, Иеремия,
 и обвинения прямые –
 они направлены кому?
 Первосвященнику? Владыкам?
 А может, людям невеликим –
 народу нашему всему?

А весь народ – он в чём виновен?
 В том, что неверием греховен,
 что снова идола в чести,

что выбрал он пути кривые?
О ком твой плач, Иеремия,
кого надеешься спасти?

Увы, так было, так и будет;
народ в деталях – просто люди,
при этом разные весьма:
торговцы, пахари, аскеты
и, редко среди всех, поэты –
владельцы тайны и письма.

О ком твой плач, Иеремия?
Когда кругом глухонемые,
поэты поднимают дух.
Они владыкам спать мешают,
они пространство оглашают,
чтоб пробудились речь и слух.

Они сильнее всех страдают
при виде распрей
и рыдают
от неподъёмности задач.
Сердца их стонут в аритмии,
и от лица Иеремии
они записывают Плач.

Судьба у каждого прервётся,
но Плач навеки остаётся
свидетельством плохих времён,

и с ним по долгим несвободам
народ становится народом –
себя выковывает он.

Август 2019

САД

Полагаю, что этого сада в реальности нет;
он просторен, ухожен, во всякую пору красив.
Там растут казахстанский апорт и орловский ранет,
белорусский шафран и владимирский белый налив.

Он прекрасен весною в своём бело-розовом сне,
он прекрасен и летом, когда вызревают плоды,
и, конечно, под осень, в особенной той тишине,
где падение яблок свои оставляет следы.

А зимою недвижим, зимою и глух он, и нем,
и в холодное небо глядит – набирается сил,
и рождаются замыслы новых стихов и поэм,
только надобно время, чтоб он это всё сочинил.

Нужен ветер, и дождь, и негромкое пение пчёл,
и спокойное солнце, чтоб ровно поспел урожай,
и, конечно же, люди, чтоб он им всё это прочёл,
и пустые коробки, чтоб кто-то сказал: – Загружай!..

Август 2019

* * *

В.

*Я бессмертен, пока я не умер.
Арсений Тарковский*

Пока не нашёл дорогу, я долго скитался в чаще;
об этом опасном времени теперь вспоминаю чаще.
А тут и возраст, который можно назвать рубежным:
обозревая дорогу, размышляю о неизбежном.

Размышляю о неизбежном, но без унынья и страха.
Вряд ли в конце дороги меня ожидает плаха,
но хорошо бы, конечно, чтобы без лишних мучений;
таков обыденный финиш всех земных приключений.

Пройденную дорогу можно назвать судьбою:
главное в ней событие – наша встреча с тобою.
За это я был и буду всегда благодарен Богу –
только тогда и понял, что отыскал дорогу.

Общей стала она: одно для нас означали
её тупики, горизонты, сомнения и печали.
В опыт пройденных вёрст вместе вникали прилежно,
и тяжело финиш принять – что это, увы, неизбежно.

Значит, нужно отставить эти самые размышленья
и лишь иногда давать недолгие разрешенья.

По дороге той до конца стараюсь идти нечасто,
оттого и бессмертен я ежедневно и ежечасно.

Сентябрь 2019

ВОСПОМИНАНИЕ О ШТАРКМАНЕ

Он садился к роялю, ладонью касаясь виска,
и на клавиши пальцы всегда опускались оттуда.
Он казался струной, что молчит в ожиданье смычка,
так он был напряжён, а висок – небольшая причуда.

И рояль начинал одиночный простой перебор –
полнозвучно-хрустально звенела высокая нота,
а напев постепенно потом выходил на простор
и рассказывал мягко-неспешно заветное что-то.

И уже не имело значения, явь или сон,
отраженье реальности или фантазия это,
но любой из собравшихся музыкой был окружён,
словно в солнечный день окружён переливами света.

И рояль умолкал. Каждый чувствовал что-то своё,
как бы там побывав, где опять побывать не случится,
и на смену звучанию медленно шло забытьё
и такие печальные, но просветлённые лица!..

Сентябрь 2019

* * *

Успех на вкус традиционно сладок –
ты как-никак добился своего,
и в этом вкусе есть земной порядок,
короткое – по делу – торжество.

Но сам себя никак не объегоришь,
поверив, что удача навсегда,
и вот во вкусе появилась горечь,
и не припомнишь, как, да и когда.

Успешный путь сначала мнится длинным,
ты сдерживаешь радостную дрожь,
но вкус победы с привкусом полынным
не кажется особенно хорош.

И понимаешь: это просто веха
при взгляде из сегодняшнего дня,
и в старости не помнишь вкус успеха,
а лишь слова *полынь* и *полынья*.

Сентябрь 2019

ФЕЛЬДШЕР

Я был молодой учитель в селе и проработал три года,
а он – естественно, в том же селе, –
был многолетний фельдшер.

По долгу службы в моём общении было много народа,
но время от времени я у него просиживал целый вечер.

В местных условиях универсал –
высокий, жилистый, крепкий,
хирург, терапевт, ортопед, акушер,
лечебных трав собиратель, –
вместо чая заваривал некую смесь –
мы её выпили реки;
конечно, я не был другом ему,
но был, возможно, приятель.

С тех пор прошло шесть десятков лет,
чуть менее, чуть поболее,
его разговоры живут со мной все эти долгие сроки.
Он говорил: – Если ночью спать тебе не мешают боли,
значит, это ещё не болезнь, а лишь на неё намёки.

Он говорил: – Признак любой,
конечно, имеет значение:
осанка, походка и внешний вид,
взор потух или смотрит ясно,
но я всегда помню о том, когда назначаю лечение, –
если ты ешь, и пьёшь, и спишь, значит, ещё не опасно.

Он говорил: – Людской организм
не любит ломки режима;
если в работе случился затор,
не сетуй на промедление.

И если всё же пришла болезнь, помнить необходимо:
 сколько дней человек болел,
 столько длится выздоровленье.

Жил человек. Достоин жил.
 Никогда никого не обидел.
 Всем помогал. Многих спасал.
 Ни в какое начальство не вышел.
 Всё понимал. Больше молчал.
 Советскую власть ненавидел.
 Много раз мог умереть. Всё-таки чудом выжил.

Я покинул село в шестьдесят втором.
 Он умер спустя три года.
 Я почти случайно узнал о том,
 поскольку связь прекратилась.
 Не стану банальности городить –
 мол, он мудрец из народа;
 на старости лет понимаю, что мне
 была дарована милость.

Сентябрь 2019

* * *

Это не ностальгия – я устойчив к её угрозе,
 просто зачем-то вспомнилась давняя благодать:
 запах белья, после стирки сохшего на морозе:
 попробуйте это словами хоть как-нибудь передать!

Ручаюсь – у вас не выйдет! И у меня не вышло,
 даром что поднял в памяти очень глубокий слой.
 Я думал, здешнее солнце всё до ниточки выжгло,
 всё, что там сохранялось, стало просто золой.

Но вспомнился дом бетонный, лоджия торцевая,
 на ней верёвки натянуты – они для сушки белья.
 И поднялись оттуда, медленно оживая,
 ощущения давнего, канувшего бытия.

Кто не снимал с верёвок наволочки и простынки,
 проявляя усердие, а может быть даже пыл,
 а мама шептала у двери: – Скорее, а то простынешь! –
 а ты в домашней одежке на лоджию выходил, –

тому ничего не скажут в стихах, а хоть бы и в прозе,
 эти такие простые, единственные слова:
запах белья, после стирки сохшего на морозе, –
 сути воспоминанья коснувшиеся едва.

Слова безусловно точные: за ними сама природа;
 слова безусловно бедные – других не нашёл пока.
 ...А через неделю приход нашего Нового года,
 бледно-синее небо, белые облака...

Сентябрь 2019

ПИВОВАР

Взять ячменные зёрна, слегка замочить поначалу,
 чтоб они проросли и покрылись зелёным пушком, –
 это просто совсем. Их дробить посложнее, пожалуй, –
 нужен опытный глаз для участия в деле таком.
 Но и это нетрудно, когда ты подвижен и молод:
 даже если устанешь, потом хорошо отдохнёшь,
 и отрада твоя, что тобой приготовленный солод
 для дрожжей и для хмеля действительно будет хорош.

Дальше сусло сварить, чтоб оно забродило как надо,
 чтоб оно через сутки отменную пену дало.
 Это тоже нетрудно, когда не снедает досада,
 что состарился ты и весёлое время ушло.
 Но когда докучают тяжёлые долгие боли,
 плохо видишь и слышишь, и пальцы в разбухших узлах,
 то садишься и думаешь: бросить занятие, что ли?
 Много сварено пива, а всё обратилось во прах.

Но процесс не окончен. Ещё вызревает напиток,
 много дней и ночей он тихонько вздыхает во сне,
 и нет дела ему до моих рассудительных попыток,
 и помедлить с решением он молча советует мне.
 Отражается в зеркале некто сутулый и сивый,
 с небольшими усами – других не найдётся примет...
 Но ценители скажут: – Спасибо за доброе пиво! –
 и без разницы им, кто я ныне и сколько мне лет.

Октябрь 2019

ПОЭТ (2019)

Всегда немного в стороне,
 где молкнут праздничные клики,
 всегда спокойно отрешён от быта и глухих интриг,
 и даже самый близкий друг
 не понимал, что он великий,
 что он негромко создаёт грядущий памятник из книг.

А в книгах просто и легко касался неба головою –
 не для покупок и продаж дана поэту голова! –
 и тут же в землю прорастал своей системой корневою
 и поднимал из глубины особо прочные слова.

Там, в книгах, космоса круги,
 круги животных и растений,
 круги истории людской – вся наша жизнь окружена.
 А вот в квартире у него запретным было слово *гений* –
 имела право произнести то слово лишь его жена.

Конечно, это вечный труд, конечно, вечная наука,
 умение осилить боль, умение держать удар.
 Но надо всем в его стихах
 дар лёгкого, как воздух, звука,
 а это самый что ни есть обыкновенный Божий дар.

Октябрь 2019

* * *

Вращается щербатый диск на допотопном патефоне,
и важно, чтоб его игла вновь не попала *в колею*,
и я приставлен для того, чтобы касанием ладони
заставить этот агрегат вернуться в музыку свою.

Мне, вероятно, десять лет;

припомнился семейный праздник –
верчение горячих пар, питьё и вкусная еда,
и допотопный патефон непредсказуемостью дразнит,
и я готов ему служить и выручать его всегда.

...Мне нынче восемьдесят лет,

а я по-прежнему на стрёме;
давным-давно не патефон привлёк внимание моё:
ведь музыка должна звучать,
и что поделать, если кроме
меня, умеющего ждать, нет на примете у неё?

Давным-давно я уяснил

про инструмент, что мне дарован:
он музыку не создаёт, а лишь улавливает звук,
и важно, чтоб его игла *на колею* не села снова;
тут всё зависит от меня, от сердца моего и рук.

На что мне этот странный мир?

Меня никто в него не гонит!
Но, начиная новый день, я заново туда спешу

и, если слышу новый звук, прикосновением ладони
горячий остужаю лоб, сердцебиение гашу...

Октябрь 2019

* * *

На глине закаменевшей – отпечаток людской ладони;
глину подняли археологи из очень древнего слоя.
У раскопа такое свойство: чем глубже он, тем бездонней,
тем находки в нём неожиданней, тем загадочнее былое.

Кто-то, упёршись ладонью, встал

в полный рост над землёю.

Мягкая глина была потом обожжена пожаром –
её нашли археологи под многослойной золою,
где мог сохраниться лишь камень в долгом пламени яром.

Тот человек, который ладонью опёрся о глину,
не думал оставить след – он пошёл пожару навстречу.
Путь его по земле вряд ли выдался длинным;
след его на земле оказался почти что вечным.

Это и вправду вечность – четыре тысячелетия,
и мы, в раскопах своих стоя, сидя и на коленях,
отчётливо осознаём: те, что жили до нас на свете, –
родственные нам, связующие поколения.

Октябрь 2019

* * *

Это стихи без возраста и без имени автора,
это портрет без ретуши, ровный голос без крика,
это правда без вымысла до последнего атома –
нетолстый том без названия, такая странная книга.

Но по анализу лексики можно высказать мнение,
что автор на свет явился в период весьма зловещий,
что жил он бедно и трудно, что подвергался гонениям,
ибо беречь старался свой собственный взгляд на вещи.

Слова его были тихие, а снимки – прицельно-резкие:
в них к мелочам внимание и к ощущенью мига.
Стихи он писал по-русски, а чувства были еврейские –
нетолстый том без названия, такая странная книга.

Нет автора в соцсетях и вообще в Интернете,
а мир печатных изданий необратимо порушен...
Пока результата не дали случайные поиски эти,
но если даже найдётся, он будет кому-то нужен?

Октябрь 2019

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

В коробке старые снимки киевской давней поры:
булыжные мостовые и проходные дворы,

в кондитерской лепке Крещатик
с троллейбусами и без,
Подол, и Пуца-Водица, и Голосеевский лес.

Но что все эти названия вам, протяжённый срок
в городе не проживавшим, вдоль его и поперёк
не прошедшим и не проехавшим многие сотни раз;
что вам, к примеру, Лыбедь, Шулявка или Евбаз?

На пожелтевшие снимки внимательно я смотрю,
вглядываюсь в детали и сам себе говорю:
не я отыскал объекты, не я открывал затвор
и с колченогим штативом не я выходил во двор.

А это обычно город настойчиво звал меня,
чтобы я вышел, к примеру, утром воскресного дня,
остановился на пляже среди загорелых тел
и сделал снимок – тот самый, который *он* захотел.

А мне по душе пришёлся подобный способ снимать:
учился на этих съёмках что-то вдруг понимать,
куда-то не торопиться, куда-то бегом бежать,
медленно заводиться, быстро соображать.

А самое главное было – не ставить заранее цель,
а просто ходить по улицам
под солнцем, в дождь и в метель,
всматриваться в привычное – и по прошествии лет
обнаружить, что именно это в душе оставило след.

В коробке старые снимки; с печалью гляжу на них:
одни довольно измяты, трещины на других,
но глянцевых и выстроенных оказались они верней –
пусть в жалком виде, но дожили и до сегодняшних дней.

Да, дожили, но исполнили свою последнюю роль,
ибо завтра коробка вернётся на антресоль,
и будут они храниться, ушедшее время храня,
уже никому не нужные – естественно, кроме меня...

Ноябрь 2019

МОЙ ДОМ

Сначала я присматривался к ней –
к земле, столь запоздало обретённой.
Моя судьба мне представлялась тёмной
среди песков и горестных камней.

Сказать по правде, привыкал с трудом,
но всё-таки освоился, прижился,
с укладом и с природой подружился
и даже возмечтал построить дом.

И вот участок выделили мне
как раз такой – по средствам и по силам,
со стайкой пальм и с косогором сивым,
от тесноты и шума в стороне.

Я сделал предварительный эскиз,
составил смету и забор поставил,
и, хоть всё это было против правил,
начальник местный принял мой каприз.

И котлован под будущий подвал
я выкопал своими же руками,
и сам тесал ерусалимский камень,
и шесть опор бетоном заливал.

И кирпичи всё время на руке,
и по отвесу стены вырастают,
и рамы окон встали, и не тает
строительный раствор на мастерке.

И вот он, дом: не стройка, не скелет –
на крыше полыхает черепица...
И вдруг я осознал, что это длится
не год, не два – почти что тридцать лет!

По вечерам сияет он огнём,
днём белизною радуется округу,
и, несомненно, мы нужны друг другу,
но долго жить мне не придётся в нём...

Ноябрь 2019

ПАМЯТИ ГЕРМАНА ГЕССЕ

В Лондоне я бывал, но ни разу не ездил далее:
Брюссель, Амстердам и Берн – это, конечно, ближе.
Наверное, мне бы понравилось жить в Касталии –
всё же это не то, что в Берлине или в Париже.

Там тишина, поскольку там все мыслители,
и потому нигде не встретишь пьющих-жующих.
Что-то соседние страны в этой стране увидели
и добровольно содержат там постоянно живущих.

И старанья соседей зряшными не окажутся,
ибо местные жители все как один трудяги;
их глубокие выводы очень скоро окажутся
в их оркестрах, компьютерах и прежде всего на бумаге.

Живущие там постоянно – люди все многоликие;
вот перечень их интересов (это лишь основные):
музыка и математика, поэзия и религия,
логика, философия и языки земные.

Всё это подкрепляется памятью, слухом и зрением,
но всё-таки недостаточны только чувства и разум.
Надобно что-то ещё, что названо озарением,
усиленное невнятным и неосознанным разным.

Это и будет игра, где отдают предпочтение
далёким и сложным связям большого числа явлений.

А если возникнет совсем неожиданное прочтение,
то автора назовут не мастер игры, а гений.

Такая она, игра в бисер, в бусы стеклянные;
растерянно повторяем: такая она, такая...
А что же поделать нам, кто её постулаты странные
впитал и пытался играть, границ не пересекая?

В реальности мы живём там, где судьба поставила,
и отовсюду Касталия невысказанно далека.
Но в меру таланта и сил её применяем правила
и редко, а всё же пьём из кастальского родника.

Ноябрь 2019

* * *

Разница вещественных и мнимых
издали обычно не видна.
От печалей, в памяти хранимых,
голова плывёт, как от вина.
Грустные мотивы зазвучали,
как звучали долго и давно,
но сегодня их назвать «печали»
было бы, наверное, грешно.
Это были временные спады,
может быть, ухабы на пути,
может быть, отсутствие отрады
там, где ожидал её найти, –

о первом снеге, который тих, о хлопьях густых в окне,
о том, как зарождается стих, – и сразу же о весне,
когда бульвары в лёгком дому
и люди в лёгких пальто...

Но это не надобно никому и не прочтёт никто.

Ноябрь 2019

* * *

Мой давний предок, ребе Мордехай,
меня прочесть не смог бы априори;
понятно, это для него не горе;
фантазия, помедли, не вздыхай!

И в самом деле, не проникнуть мне
в те времена, понятия и нравы:
какие силы правы и неправы,
кто наверху, а кто на самом дне?

Да, прадед мой – знаток священных книг,
и, безусловно, вечны эти книги.
Но впереди немыслимые сдвиги,
другое время и другой язык.

Поэтому нет связи между мной
и прадедом, которого не видел.

Жизнь такова, и глупо жить в обиде
на трещину в обители земной.

Но ведь и правнук отдалённый мой,
которого пока ещё не знаю,
со мной вне связи: трещина сквозная
перерезает наш канал прямой.

Пусть даже он решится предпринять
усилий ряд, по-своему великих,
и прочитать, что я оставил в книгах, –
ему меня не суждено понять.

Что даст ему неведомый старик,
чьи мысли столь невняты и корявы?
Другие времена, другие нравы
и с виду тот же, но другой язык!..

Ноябрь 2019

* * *

Море недалеко, а снится зачем-то река –
не очень она широка, не очень она глубока,
и я плыву по ней в лодочке-плоскодонке.
Насколько видеть могу, я на реке один;
недавно вскрылась она – лавирую между льдин;
с неделю бы переждать, но путь предвидится долгий.

Мне предстоит пройти несколько сотен вёрст;
если глянуть на карту, маршрут достаточно прост:
река – из равнинных рек, течение её прямое.
Задача тоже проста: плыть и не утонуть,
осматривать берега, фиксировать пройденный путь
и в самом его конце выйти в открытое море.

Такое передвижение подвигом не назовёшь,
но в какие-то дни меня пробирает дрожь:
лодочка-плоскодонка – не очень надёжное судно.
Плыви себе да плыви, пока над тобой облака,
а если грянет гроза? Всё-таки это река –
трудно тогда грести, спрятаться тоже трудно.

А труднее всего снести рутину дней и ночей,
когда ты лишь им подвластен, а по сути – ничей
и только перед собой за всё, что случится. в ответе.
Таков ежедневный подвиг, таков ежедневный труд,
и путь по речной равнине становится очень крут –
он так же неодолим, как все дороги на свете.

Плыву, плыву и плыву. Кругом вода и вода.
И думаю: так и пройду, на ней не оставив следа?
Только о чём это я – никто меня не неволит!
По берегам леса в золоте и багреце,
и я дыхание вечности чувствую на лице,
но добраться до моря мне судьба не позволит...

Ноябрь 2019

* * *

Кто на одной земле жить с малолетства привык,
там трудился, любил, долго терпел невзгоды,
тот сохранит навсегда музыку и язык,
даже если совсем изменился облик природы;

даже если совсем говор иной вокруг,
даже если звучат песни совсем другие,
даже если пожатия новых горячих рук
будут предохранять память от ностальгии.

Многообразен мир и бесконечно велик,
его целиком вместить никакая память не может.
Но в самой её глубине музыка и язык,
с которых всё началось, тихую песню сложат.

Она совсем не слышна в будничной суете,
но в тишине ночной, в пространстве её бессонном,
неслышимые никем, звучанья тихие те
для рождающихся стихов окажутся камертоном.

Значит, не иссякает этот земной родник,
даже если дороги неодолимо круты,
и будут звучать всё те же музыка и язык
пусть и совсем негромко,
но до последней минуты.

Декабрь 2019

* * *

Нигде я в Грузии не жил и даже в ней ни разу не был,
не делал чачу и вино и по горам не гнал отару,
а всё же не совсем чужой тот край,

где горы спорят с небом,
и всё благодаря кино, и всё благодаря Отару.

Вот на экране длинный стол по ходу дела в «Пасторали»;
решили трапезу собрать, и кто-то мыл, а кто-то резал,
а кто-то песню напевал – актёры там и не играли,
а был напев и плеск воды, хруст овощей и звон железа.

Всё это – плеск, и хруст, и звон – зовётся Иоселиани
и делает его кино понятным и неотразимым:
смотрел – и голова твоя потом немножечко в тумане,
и почему-то счастлив ты и чувствуешь себя грузином...

Декабрь 2019

* * *

Не Литейный и Невский, а улица рангом попроще,
где над крышей киношки светился неоновый росчерк,
где в колодце двора заблудилось охрипшее эхо, –
я впервые тогда на каникулы в Питер приехал.

Это было зимой, в год и месяц Двадцатого съезда.
Был жестокий мороз, приходилось искать себе место,
чтобы там отогреться, а то и побарствовать даже –
скажем, в Русском музее и целых два дня в Эрмитаже.

Клином клин вышибать –

это вовсе последнее средство;
в Петропавловской крепости было никак не согреться.
Я зашёл в равелин, в эти дни промороженный люто,
и впервые, должно быть, в сознание забрезжила смута.

Многokrатно потом находился я в городе этом,
и не только зимой – приезжал и весною, и летом,
но осталась зарубка как память о первом приезде –
ледяное дыхание в любом неожиданном месте.

Петергоф и Лицей, Пять Углов и мосты над Невой –
сохранял я в себе обо всём впечатленье живое,
но когда разбирался, что ближе к душе и что дальше,
ледяное дыхание сминало и близкие даже.

Так случилось оно, и уже ничего не исправить,
и на всё государство легла эта зимняя память:
стоит в мыслях вернуться, и я ощущаю поныне
ледяное дыхание в безлюдном тогда равелине...

Декабрь 2019

* * *

Когда внезапный летний дождь прольётся над рекой,
и ты торопишься домой, взъерошенный такой,
остановись на миг, на два и просто посмотри,
как лихо пляшут на воде большие пузыри.

Картинка эта хороша, красива хоть куда:
сколь необычной может быть обычная вода!
Она прозрачна, и светла, и радостна для глаз,
и что с того, что летний дождь окончится сейчас?

Всего каких-то полчаса на землю падал он,
а оказалось – целый мир промыт и просветлён,
и можно отрешённым стать ещё на полчаса,
в молчанье слушая капель и птичьи голоса...

Декабрь 2019

**ЗВУК И ЗНАК
2020**

* * *

От нелепых фантазий хотел бы себя остеречь,
но в логичных словах нет гордыни, тем паче смирения:
мне приходится слушать картаво-гортанную речь
не за стенкой соседей, а как бы в другом измеренье.

И совсем не во сне – происходит всё это и днём;
на три дня отойдёт, а потом возвращается снова;
и пространство мерцает туманно-тревожным огнём,
и никак не найду хоть на что-то похожего слова.

И внезапно – догадка: а что, если это скелет
языка, на котором общалось старинное племя,
проживавшее здесь же, но раньше на тысячи лет
от того, что привычно зовётся «текущее время»?

Он остался записан в молекулах камня, песка,
первобытного грунта, ракушек, покинувших море,
и сегодня стихийно откликнулся издалека,
потому что ко мне отношение имеет прямое:

я, далёкий потомок народа, что тут зарождён,
понимаю мелодию этой загадочной речи,
и, возможно, ко мне для того обращается он,
чтобы взять да условиться
о невозможнейшей встрече!..

Январь 2020

* * *

Тяжёлый грохот стоит – сваи в грунт забивают:
новый микрорайон возводит за домом дом,
и даже окрестные жители исподволь забывают,
что в центре большого города был недавно аэродром.

Среди городских строений был он анахронизмом –
мешал соседним кварталам моторный его надсад.
На фоне высоких домов был силуэт его низким,
единственным украшением был на задворках сад.

Тяжёлый грохот стоит – аэродром хоронят.
Под стрелами кранов плиты качаются на весу.
И вот последняя новость: в этом микрорайоне
оставили для истории взлётную полосу –

всю: щербатый бетон, разметку, другие детали, –
чтоб жители вспоминали в новых своих домах,
что прежние поколения тоже порой взлетали –
иногда в самолётах, а иногда в умах.

Это совсем не романтика, не возвращение к детству:
обыденность постоянна, лишь изредка чудеса...
Но легче жить, сознавая, что есть она по соседству,
старая и щербатая взлётная полоса.

Январь 2020

* * *

Только четверть часа, как вокзала не стало,
и прощания губ, и прощания рук...
Всё быстрее и быстрее движенье состава,
всё подробнее на стыках колёс перестук.

И уже ты не здесь, где томило прощанье,
и ещё ты не там, где тебе *предстоит*,
но царит правота твоего обнищанья
над скоплением давних и трудных обид.

Ты решился вот так, без багажных квитанций,
в одночасье, не зная, зачем и куда,
чтобы раз навсегда насовсем расквитаться
с жизнью той, где тебя заедала среда.

А конечная точка – в дорожном билете:
там придётся начать, очевидно, с нуля.
Но зато за себя только ты и в ответе,
никаких благоденствий себе не суля.

Остаётся терпеть, и беде не даваться,
и поверить, что куплен счастливый билет,
что колёса стучат с опозданием на двадцать,
с ускореньем на сорок оставшихся лет.

Январь 2020

СМЕРТЬ ПОЭТА

Он вышел из метро и удивился –
такого не бывало с ним пока:
какая-то загульная девица
ему немедля поднесла пивка.
А вслед за нею молодой и старый
ему сказали, подойдя вдвоём
и протянув убогую гитару:
– Ты нам сыграй, а мы тебе споём!

Он, никогда доселе не игравший,
гитару взял и струны перебрал
и, словно вспомнив то, что делал раньше,
красиво так и чисто заиграл.
А эти двое, молодой и старый,
с восторгом, будто откопали клад,
как подошли, так и запели парой,
и тоже чисто и с гитарой в лад.

Конечно, тут же собрались зеваки –
такое каждый день не углядишь!
По улице катился транспорт всякий,
а всё равно вокруг стояла тишь.
Он не был в настроении питейном,
но вдруг подумал: это добрый знак,
что на скрещенье Невского с Литейным
всегда найдётся множество зевак.

Далёкие от музыки и пенья,
они, однако, всё-таки поют.
Им, как всегда, не занимать терпенья,
и славно, что его не узнают.
А век его кончается до срока –
здесь также и скрещение времён,
и славно, что они сейчас далёко,
жена и дочь – последний бастион.

Что первоядно, что теперь вторично?
Зачем вернулись прежние места?
Его планида фантасмогорична
и всё-таки до ужаса проста.
И можно так прикинуть незлобиво:
внизу – земля,верху – небесный свод,
а между ними – вымах ястребиный
и безвоздушьем прерванный полёт.

Но никакому небу, что с овчинку,
на дух его не наложить печать.
И можно свой брегет отдать в починку,
и можно на гитаре побренчать,
и просто уповать на Божью милость,
обычную, как воздух и вода...

Движение в груди остановилось.
И боль ушла. Надолго.
Навсегда.

Январь 2020

* * *

До сих пор там печка гудит в непогоду,
и славянский шкаф представляет моду,
и всегда блестит натёртый паркет –
лишь меня там сегодня нет.

До сих пор там четыре звонка при входе,
друг от друга на слух отличимые вроде,
и четыре ящика для газет –
лишь меня там сегодня нет.

До сих пор там ходят врачи к соседу,
он с врачами подолгу ведёт беседу –
он давно лежит, учёный-сосед,
а меня там сегодня нет.

До сих пор на кухне четыре соседки
обсуждают меню, и конфликты редки,
но у каждой свой над столиком свет,
а меня там сегодня нет.

На четвёртый трудно без лифта подняться –
до сих пор крутые ступени снятся,
будто впрямь надеюсь на их совет,
но меня там сегодня нет.

Я никак не могу ни зимой, ни летом
быть на том берегу – и разом на этом.

Даже если помню любой пустяк,
а вернуться нельзя никак.

В чередѣ подъѣздов, кухонь и комнат
эти люди сто лет как меня не помнят,
не соблазняясь ни в чём новизной, –
а исчезнут вместе со мной...

Январь 2020

* * *

Памяти Евгения Витковского

Он был знаток, умелец, чародей,
в сужденьях прочен и в оценках точен.
С ним связанный широкий круг людей
сегодня тих, как будто обесточен.

Вращался круг, и он был на оси
как символ векового возвращенья.
А нынче хоть Всевышнего проси
его вернуть и с ним вернуть вращенье.

Совсем не всякий мастер и знаток
так слышал поэтическое слово –
на тех высотах был он одинок,
и там дышалось иногда сурово.

Немыслимо подумать: никогда!
А кто же о живущих порадеет?
Но облаков летучая гряда
теперь навечно без него редееет...

Февраль 2020

* * *

Я совсем не хочу примерять амуницию лоха
и не плачусь в жилетку, что, дескать, опять не везёт.
Осуждаю погоду, когда мне действительно плохо,
но никак не снижаю объём ежедневных забот.

Я давно от погоды зависим – с военного детства, –
и ходячим барометром звали коллеги меня.
Но зависимость эта давала возможность взглядеться
в неприкрытую правду, в реальности каждого дня.

Наполнение жизни нередко сравнимо с погодой:
есть и чёрное небо, бывает и свод голубой...
Я давно понимал, что не надо бороться с природой,
я давно понимал, что не надо бороться с судьбой.

Надо попросту жить, соответствуя часу и мигу,
принимая как данность рутину течения дней.

Я читаю судьбы интересную, трудную книгу
и стараюсь понять, что сегодня написано в ней.

Март 2020

* * *

Полжизни положил на то,
чтобы служило решето
для переноски вод свободных,
какие дарит небосвод,
и родниковых чистых вод,
и – иногда – водопроводных.

Полжизни я бегу, бегу,
держу, пока держать могу,
покуда руки не обмякли,
свою посуду на весу;
когда до места донесу,
в ней остаются только капли.

Стою с повинной в стороне,
а почему-то рады мне,
и так бывало не однажды:
неважно, в чём вода была,
но капля малая спасла
того, кто умирал от жажды.

Март 2020

* * *

На орла или решку – вот и вся недолга!
 Лишь на шаг этот жребий или на два шага.
 Дальше снова развилка, снова выбор пути,
 только ты и решаешь, по какому идти.

Но теперь за спиною, и уже навсегда,
 та печальная веха – точка, где и когда
 ты на откуп орлянке, на игры колею
 бросил данную Богом единичность свою!

Пусть успех небывалый или полный провал,
 но не ты восторгался и не ты горевал,
 не твоя была воля и не замысел твой –
 кто-то вовсе случайный сделал выбор кривой.

Распрямить продолжение никому не дано,
 но другая возможность вызревает давно:
 на обочину выйти, никого не хуля,
 и начать сокрушённо всё сначала – с нуля.

Март 2019

НАТЮРМОРТ

Здесь на прилавке фрукты – первый сорт!
 Я напишу, пожалуй, натюрморт,
 придя домой с покупкой от Сарины:
 в пакете киви, красный виноград,
 багрово-бурый царственный гранат,
 лимоны и большие мандарины.

И гроздь бананов увенчает вид,
 и каждый фрукт серьёзно сановит
 в составе свиты мелеха*-граната.
 И я в сомненьях: а достанет сил,
 чтоб так же холст был ярок и красив,
 как зрелище фруктового парада?

Я в живописи вовсе не талант,
 а если честно, просто дилетант,
 освоивший азы и чуть повыше.
 Но и задача вроде бы проста:
 представить на поверхности холста
 лишь то, что нынче чувствую и вижу.

Такая здесь обыденная жизнь,
 где разных фруктов – просто завались,
 их мало кто воспринимает чудом.

 *) мелех – царь (*иврит*)

А вот поставь перед собой, всмотришь –
и ощущаешь, что выходит ввысь
то, что годами ты держал под спудом.

В той памяти далёкие года,
где и еда бывала не всегда,
а уж про фрукты даже не мечталось –
не помню их на плоскости стола:
там груша-дичка лакомством была,
и то совсем не часто доставалась.

Я начинаю труд на полотне,
но кисти-краски непослушны мне –
моя рука нуждается в ремонте:
то память через семь десятков лет
вернулась, чтобы свой оставить след
на этом предстоящем натюрморте.

Март 2020

ДОМ У ДОРОГИ

Инне и Роману Чернявским

Я построил дом у самой дороги,
насадил у дома сад небольшой,
чтобы шли сюда усталые ноги,
чтобы каждый мог отдохнуть душой.

Хоть картинка двора вполне невзрачна,
все красоты там – сирень и жасмин, –
но вода в колодце всегда прозрачна,
а зимой в гостинной горит камин.

Я не стану хвастать, что очень много
ходовков прошло через мой порог,
но и то сказать, что эта дорога –
не из главных в моей стране дорог.

Человек посидит, в тиши отдыхая,
если голоден, может слегка поесть,
а потом уйдёт, и с ним неплохая
по стране пойдёт негромкая весть:

дескать, там-то и там-то – дом у дороги,
и хозяин дома совсем не строг, –
и тогда сюда потянутся ноги
ходовков с других, не ближних дорог.

Их опять же будет не очень много –
их везде немного, жизнь такова.
Но дорога и дом, дом и дорога –
для меня и для них не просто слова.

Март 2020

* * *

Я уродился слабым от природы
и потому зарок не давал
и всю судьбу не размечал на годы,
а лишь на обозримый интервал.

А если на пути случались вехи –
как люди, книги, перемены мест, –
суждения о собственном успехе
я сравнивал с реальностью окрест.

И понимал, что вряд ли станет лучше –
и так уже я на пределе сил,
и потому на самый крайний случай
я мысленно Всевышнего просил

не о подарке к предстоящей дате
и не о том, чтоб дальше преуспеть,
а лишь о постоянной благодати:
день пережить и ночь перетерпеть.

Апрель 2020

* * *

В.

Кино, футбол и молодые страсти;
события, пришедшие от власти;

служебные поездки по стране;
пиры с друзьями – *истина в вине!*
А надо всем серьёзная работа,
успехи в ней и мне сулили что-то...
Но на сегодня вывод мой таков:
всё это отвлекало от стихов.

Я был всё время чем-то очень занят,
писал по два, по три десятка за год;
стихотворенья эти никогда
не требовали долгого труда –
«навзрыд», как Пастернак их обозначил,
с пера в тетрадь и никогда иначе.
Немногие из тех далёких дней
сейчас остались в памяти моей.

И в сорок лет я начал всё сначала –
прислушиваться, чтобы зазвучала
какая-то незримая струна,
что только мне и только мне слышна!
И это камертонное звучанье
мне помогало выносить молчанье,
в котором отвергала голова
глухие и фальшивые слова.

Я сочинял, той музыкой объятый,
стихи-этюды и стихи-сонаты,
стихам-романсам не было числа,
и до симфоний очередь дошла.

В пространстве этом находилось место
концертам для солиста и оркестра,
и как-то посреди грядущих книг
заметил я, что реквием возник!

За сорок лет написано немало,
и музыки никак не меньше стало.
Я знаю, что звучащая струна
любовью и терпением дана.
Сознанием и душой уравновесясь,
пишу по полтора десятка в месяц.
Пускай творенья те невелики –
в них ни одной несправедливой строки.

Апрель 2020

* * *

Припомнишь музыку любимую,
хоть Шнитке, хоть и Берлиоза,
и в область неисповедимую
уходит всякая угроза,
тревога и забота всякая,
недомогания и боли,
которые душа наплакала,
когда она была в неволе.

Взамен во внутреннее зрение
приходят переливы света,

какие-то изображения,
но не пейзажи и портреты,
а как бы облаков скопления,
когда летишь на самолёте, –
души свободной порождения
в её обыденной работе.

И ты взлетаешь над обидами,
над неудачами, над бытом,
над всем привычным и обыденным,
над горестным, но подзабытым.
С тобой без громких слов подружится
уверенность канатоходца:
когда весь мир дрожит и рушится,
лишь в музыке приют найдётся.

Май 2020

* * *

Когда-то ты была бороздкой на пластинке,
а ныне облик твой – в компьютере картинки,
когда через него записывают звук.
Куда меня ведёшь, дорожка звуковая?
Я за тобой иду, негромко подпевая,
дорожный посох мне не утруждает рук.

Знакомо всё окрест – и города, и веси,
гармония в душе и в теле равновесье,
и музыка полна доверия ко мне.
Веди, веди меня, дорожка звуковая, –
я за тобой иду, ничуть не уставая,
и что услышу днём, припомнится во сне.

Но что пошло не так? И голоса, и ритмы
совсем отделены от хора и молитвы,
и то, что на пути, – не город и не весь.
Куда ты так спешишь, дорожка звуковая?
Я за тобой бегу, никак не поспевая,
и кончилась вода, и воздух выпит весь!..

Май 2020

* * *

Поезда, электрички, автобусы, реже такси
и трамваи порой, где ещё сохранились трамваи...
Вспоминается что-то, и это картинка живая,
потому что движение, – её постоять не проси!

Вот финал кинофильма – состав исчезает вдаль;
одоление пространства не выглядит всё же успехом:
ну, уехал, поехал, куда надлежало, доехал –
ты на месте сидел, а тебя на колёсах – везли.

А постой у дороги, обдуманно остановись,
а пройди-ка ты сам расстояние не очень большое
и почувствуй ногами, а значит, затем и душой,
что такое пространство, его котловина и высь.

И не знает никто, сколько лет проведёшь ты в пути,
и не знает никто, добредёшь до какого ты места,
но возможно, оно потому только станет известно,
что когда-то давно ты сумел до него добрести.

Май 2020

* * *

Каждый год получаю я странный пакет:
на пакете обратного адреса нет –
ежегодно всё та же загадка.
Он, секрет отправителя строго храня,
непрерывно и точно находит меня:
повторение – стержень порядка.

Неизвестный со мной, очевидно, знаком
и, похоже, за мной наблюдает тайком –
не настырно, а всё же подробно.
Там, в пакете, как правило, лист или два,
и на них подходящие к делу слова
обо мне – не похвально, не злобно.

Перечислено точно, над чем я корпел,
что я за год успел и чего не успел,
где старался, а где поленился,
где я вверх поднимался и мог бы взлететь,
но, увы, не взлетел – не рискнул захотеть! –
где спустился до самого низа.

И досада меня за живое берёт:
что его заставляет вести этот счёт
и особо подчёркивать сбои?
Перед ним я, конечно, не падаю ниц,
ну, а что, если это разметка границ,
чтобы мне оставаться собою?

Значит, надобно пройденный путь обозреть –
если я отступался хотя бы на треть,
это вывод отчётливо горький.
Но ещё не поставлена в деле печать,
и пакеты надеюсь ещё получать,
и по Сивке пока ещё горки.

Май 2020

О ЛЮБВИ

В.

Я был тогда влюблён. Мне было двадцать лет.
А в возрасте таком найдите не влюблённых,

найдите среди них солидных, не зелёных!
Нет смысла потому давать её портрет.

Пусть каждый, кто прочтёт, припомнит о своём,
единственно своём, пережитом когда-то.
Сперва была любовь, потом была утрата,
и так не раз, не два – и всё это фантом.

И вот произошло. Мне было сорок лет.
И сам собой умолк мотив, давно известный,
и стала жизнь прямой, осмысленной и честной,
и стала тьмою тьма, и ярким светом – свет.

Мне было сорок лет. Я ничего не ждал.
И всё произошло, как происходит чудо:
не знаю, почему, не ведаю, откуда,
а просто говорю, что мне Всевышний дал...

Май 2020

* * *

*Разбираю старьё с антресоли...
Из стихотворения 2006 года*

Опять накопилось нелепое это старьё:
держат бесполезно, а выбросить вроде бы жалко.
К примеру, зачем там хранится щербатая скалка?
Навряд ли мы снова использовать будем её.

Зачем там хранится колёсный большой чемодан?
Мы точно уже никогда никуда не поедem.
Вполне вероятно, он мог бы сгодиться соседям,
но молча противится этот семейный спецхран.

Скукожился список действительно нужных вещей,
ушли из него и пригодные к делу предметы –
на них различимы ушедшего века приметы;
что чахнуть над ними, как в сказке над златом Кощей?

Зачем-то хранится тяжёлый смешной телефон
с давно устаревшим набором при помощи диска.
Уж он-то, понятно, совсем ни к чему не сгодится,
но это ведь память таких многотрудных времён!

Хранить бесполезно, а выбросить всё-таки жаль –
есть опыт утрат, расставание связано с болью.
А судьбы вещей перепутаны с нашей судьбою:
в них наши сомнения, радость, восторг и печаль.

Июнь 2020

* * *

Чёрные строчки черновика чем-то похожи на грядки;
если продолжить сравнение, перо
напоминает плуг.
Высадил в эти грядки слова в определённом порядке,
как сажают картошку, морковь, свёклу, капусту, лук.

Но это всё же лишь черновик, и много ещё работы
там остаётся для глаз, для ушей, для правой моей руки,
если хочу, чтоб на грядках тех не просто выросло что-то,
а чтоб хорошие всходы взошли и не взошли сорняки.

Конечно, рассада моя была выращена заранее,
и удобрения в грунт внесены ещё в начале весны.
Но я не знаю, там, в земле, какие соки играли
и корни, углубляясь в неё, какие видели сны.

И вот побеги двинулись в рост, каждый из них особо;
их нужно окучивать, и полоть, и вовремя поливать.
А голова уже тяжела, и облегчить её чтобы,
я что-то на ночь наскоро ем и отправляюсь в кровать.

А ночью, в два или три часа, я просыпаюсь резко,
и пропускаю через себя пять черновых листов,
и выбираю из них один, звучащий точно и веско,
и засыпаю – и поутру мой урожай готов.

Июнь 2020

ВОСПОМИНАНИЕ О НАТЮРМОРТЕ

Знакомого художника картина –
загадочный неброский натюрморт...
Художник, согреваясь у камина,
был далеко от выставок и мод:

– Когда лишь зреет замысел работы
и на душе всё время непокой,
мне надобно писать хотя бы что-то, –
и на треножник показал рукой,
где был обычный небольшой подрамник
с натянутым на нём куском холста.
Жестянка с чаем проступала гранью,
вокруг желтела пятен густота.
И тут не нужно было торопиться,
а можно было лишь предполагать,
что нам откроют руки живописца
и краски, не умеющие лгать.
На скученном пространстве натюрморта
найдётся место стопке старых книг,
подсвечнику, сияющему гордо,
как будто свет из-за него возник,
молдавской крынке, украинской чаре
и рядом с ней макитре расписной,
и мы со всеми этими вещами
артелью жить научимся одной...
Предметы будут приняты поштучно
не потому, что так уж хороши,
а потому, что зрению созвучны,
уму и состоянию души.

Июнь 2020

ДУЭТ

Первый голос ведёт, а второй только вторит ему.
Вся мелодия в первом – подъёмы и спуски, извивы...
Первый и в одиночку просторно звучит и красиво,
а второй только вторит и назван вторым потому.

Первый сам по себе воплощает гармонию нот,
но оттенки, намёки, души потаённые громы,
охраняемый мир поручил композитор второму –
вот отсюда и должен вестись настоящий отсчёт.

Этот путь многотруден, и славы на нём не обрести,
и звучанье второго в сравнении с первым посуше,
и его мастерство никому не бросается в уши,
но ему и дано принести сокровенную весть.

Июнь 2020

* * *

*1986 – Андрей Тарковский, 1989 – Арсений Тарковский.
1996 – Иосиф Бродский, 1998 – Альфред Шнитке,
2018 – Андрей Битов. 2019 – Марлен Хуциев...*

Слава Богу, что нет войны –
смерть законна, и потому
в царство призрачной тишины
все уходят по одному.

Те, кто рядом все годы жил
и дарил нам высокий лёт,
кто искусству весь век служил, –
как их нынче недостаёт!

В новой поросли не видать,
чтобы плечи – под облака,
а ничтожествам благодать:
восходи, дорога легка!

Это даже хороший тон
в мире злобы и соцсетей:
заполняет его планктон,
а в окрестности всё пустей.

Невозможен возврат уже,
и в такую душную тьму
с этой тяжестью на душе
мы уходим по одному...

Июль 2020

* * *

Памяти Ефима Пищанского

Зажёг свечу в память о добром друге.
Такая свеча сутки должна гореть.
Бьётся пламя, трепещет в стеклянном круге;
зажёг с утра – к полудню осталась треть.

Так недолго и раньше срока смориться!
Ночью встал – проверить, как там свеча.
В зимние ночи, когда опущены трисы,
не проникает с улицы ни луча.

И тут гляжу – ночного жилья пространство
мягким светом ровно озарено.
Видимо, ночью есть у свечи постоянство,
какого днём нам наблюдать не дано.

Свеченье это рассказывает о многом,
когда не хватает нам небесных светил.
Ушёл человек, и вот предстал перед Богом,
и Бог повелел: – Свети, как прежде светил!..

07.07.2020

* * *

Жёлт песок, а роща зелена,
кровь красна, а мандарин оранжев –
все цвета имеют имена:
цвет назвал – и весь предмет окрашен.
Есть на это даже и канон,
как бы исключая оттенки,
и ведёт от чёрной нефти он
к синим небесам и белой стенке.

А у запахов названий нет –
мы иначе знаем ароматы,
называя пахнувший предмет:
запах апельсина, запах мяты,
запах розы, запах резеды,
не всегда и вещи неперенны –
говорим о запахе беды,
говорим о запахе измены.

Говорим о запахе войны,
говорим о запахе свободы,
и, в своих пристрастиях вольны,
пишем романтические оды:
в книге, что недавно издана,
запахи любви и вдохновенья!
А потом приносит нам она
запах пыли, плесени и тленья...

Июль 2020

* * *

Нет, не нужно придумывать некий трагичный сюжет,
чтобы нервы напрячь или душу возвысить привычно,
ибо с первого крика, когда мы приходим на свет,
и до самой кончины вся наша дорога трагична.

Даже если не ставить каких-то особых задач,
даже если не рваться в мыслители или пророки,

будет рядом с тобою заведомо стон или плач,
потому что хватает колдобин на этой дороге.

Неприятности рядом, а цели всегда далеки,
и в стремлении к ним непременно угрюмо и тесно.
Хорошо, если локти, а то ведь нередко клыки,
и откуда напасть приключится, тебе неизвестно.

Даже если конкретно к тебе не нагрянет беда,
просто пройденный путь предостаточно даст матерьяла.
Если честно писать, то трагедия будет всегда,
и различье одно – будет много её или мало.

Июль 2020

* * *

Музыка Шнитке, Канчели, Сильвестрова, Пярта
вовсе не всем без разбора должна быть понятна:
кто приезжает в чужую страну безъязыкий,
слышит не речь, а одни бормотанья и крики.

Тот же, кто понял, не может ни с кем поделиться –
это не текст, не чужие слова на странице;
там худо-бедно в нужде переводчик положен,
в этой стране никакой перевод невозможен.

Кто-то по звуку и слуху, а кто-то по нотам
всё же взбирается к тем безвоздушным высотам –

и убеждается: дышится очень вольготно,
если природе и Господу это угодно.

Август 2020

* * *

Поэта заключили в одиночку
и запретили что-либо писать.
Так что же, локти горестно кусать?
И он запоминал за строчкой строчку.

Сменялись за решёткой тьма и свет,
накапливались в памяти страницы.
А если он не выйдет из темницы,
какой и где его пребудет след?

Заботы духа и заботы тела
бывают несовместны иногда.
Но что гадать на долгие года?
Пока не умер, надо делать дело!

А думать о грядущем ни к чему,
да если честно, то и не по рангу:
Господь решит, какие даты в рамку,
какие лавры подойдут к челу.

Перетерпи прогулку и баланду,
глухие ночи и тупые дни

и вопреки рассудку сочини
доселе невозможную балладу.

И вопреки рассудку повторяй,
старательно её запоминая,
и станет хороша юдоль земная,
и станут безразличны ад и рай.

И, перейдя к изысканным сонетам,
сплети из них затейливый венок,
затем чтоб легче их запомнить мог,
не прибегая ни к каким советам.

А то большой поэме дай зачин,
чтоб долгий срок работой был повязан...
Ты выдержишь. Ты выдержать обязан.
А жаловаться вовсе нет причин.

Август 2020

ВОСЬМАЯ СИМФОНИЯ

Поэма

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Пора бы решиться от всей суеты отрешиться,
со стопкой бумаги и ручкой засесть за столом
и не подыматься, пока это не завершится
большим сочиненьем о будущем и о былом.

Но то, что о прошлом, должно быть не просто повтором печальных рассказов о тёмных прорехах в судьбе, а только свидетельством личного взгляда, с которым могу говорить о других, говоря о себе.

А то, что о будущем, – не упоительный лепет про светлый и ясный, почти фантастический рай, а действие ваятеля: он в отдалении лепит земные фрагменты и мне говорит: – Выбирай!

Тогда и получится текст, молодой и свободный, прозрачный и звучный, но без модернистских затей, как выдох души помудревшей – и, значит, пригодный для чтения теми, чьи души созвучны моей.

Я, может быть, стал бы для них ненадолго поэтом, которого любят и ценят, уча наизусть.

Да вот незадача – они не узнают об этом: ведь я не решился... ведь я не решился... и пусть...

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Всё запомнил по дням и неделям – жаркой была погода, на улице Короленко пышно каштаны цвели.
В мае первый осознанный день рождения: четыре года.
Во дворе какая-то стройка: всё в извёстке и всё в пыли.

В июне открыли подвал: там было зябко, прохладно, запах сырой штукатурки, гулкая тишина.

– Это бомбоубежище, – в три дня я понял нескладно.
А на четвёртый день в город пришла война.

Слово «эвакуация» я услышал в июле:
завод, где мама работала, собрали в короткий срок.
Я проспал эту ночь, а взрослые не уснули.
Самый последний поезд нас повёз на восток.

Сегодня я размышляю: а если бы не успели?
Если бы мы остались? – а в сердце стучит: кошмар!
Люди в эвакуации многое претерпели,
что вытерпеть невозможно, – но это не Бабий Яр!

...Сколько хватает глаз, движется тёмная масса;
я, всё ещё четырехлетний, с мамой иду на заре.
По улице Саксаганского мы проходим к Евбазу,
и жёлтые листья ложатся под ноги в сентябре.

Помню, что очень устал, но у мамы заняты руки –
она несёт чемоданчик, в нём вещи, нужные нам.
Помню за поворотом какие-то странные звуки,
и люди в военной форме застыли по сторонам.

Отчётливо представляю: по склону яра спущусь я
и там отдохну, голову просто в траву положив...
Но представлять дальнейшее – это будет кощунство,
ибо они расстреляны, а я и сегодня жив.

Я пережил войну и возвратился в город,
где на улице Короленко отчий мой дом сгорел.

Гибель отца на фронте, послевоенный голод –
я пережил всё это, десятилетний пострел.

И вот мне уже пятнадцать; болезни не доконали;
жизнь кое-как наладилась; густо славят вождя.
И тут началась вакханалия – худшая из вакханалий,
которую вождь задумал, в лучший мир уходя.

Врачи кругом виноваты – такая судьба хромая!
Евреи кругом виноваты – разжечь стихию легко!
Он Бабий Яр повторил бы, но всё тянул, понимая,
что это должно состояться где-нибудь далеко.

Слава Богу, меня обошли гоненья, тем более пули,
но помню: девятого марта, под речи новых вождей,
я стоял у его портрета в траурном карауле –
и ничего не чувствовал... ну ничего... ей-ей...

РЕПЕТИЦИЯ ОРКЕСТРА

За спинами музыкантов – орган знаменитого зала,
перед ними сидит на треноге седой как лунь дирижёр.
Последняя репетиция. Премьера должна быть завтра.
Последний раз притереться, последний вымести сор.

Смотрят со стен великие в своих торжественных рамах.
Сегодняшний автор великий, но скромно сидит внизу.
Он вроде б из перевоспитанных, но потаённо упрямых –
слушает и украдкой смахивает слезу.

Он писал партитуру бесконечных полгода,
работая ежедневно, работая по часам,
отчётливо понимая, что изменилась погода,
но после всех экзекуций изменился он сам.

И получилась симфония вся вопреки канонам:
первая часть без меры трагедийно длинна;
Но ведь какие годы сделали ритм похоронным –
страшная, беспощадная, неслыханная война!

А после был мрак без пауз, только тиски сжимались.
Внезапная смерть тирана. Надежды на ледоход.
Что-то, конечно, было, переменилось малость,
но снова та же трясина и снова за годом год.

И лишь короткие миги – каких-то событий ради,
скажем, полёты в космос или Двадцатый съезд.
А что осталось? Толпа, орущая на параде, –
ежели Бог не выдаст, значит, свинья не съест.

По жизненной дороге дошёл я до середины,
но, вспоминая прошлое, пора подводить итог:
если оно повторится, то не спасут и седины,
а я ощущаю, что снова асфальтовый прёт каток.

А всё же у дирижёра симфония под рукою!
Он умный старик и тонкий, работать с ним – это честь.
Двенадцать повторов темы ничуть его не беспокоят:
он, как и я, надеется – в тринадцатом выход есть.

ЛАВИНА

Вековому городу предстоит обновка –
после всех пожаров дождался и он:
дальняя окраина зовётся Куренёвка –
вот на Куренёвке и будет стадион!

Будут гордо реять спортивные флаги,
троллейбусы будут болельщиков везти.
Всего-то и делов, что засыпать овраги,
да выровнять поле, да трибуны возвести.

Отдалилось время ужасов военных,
стала легче в памяти тяжёлая кладь...
А что в оврагах кости тысяч убиенных –
так об этом лучше вообще не вспоминать.

Работали поблизости кирпичные заводы,
сливали в овраги глину и песок,
а чтобы вниз, к жилищам, не вытекали воды,
построили дамбу – хилый поясок.

А вода сочится, разве что не льётся,
и окрестным жителям всё больше не до сна.
Не зря говорится: где тонко, там и рвётся,
вот тут и подоспела ранняя весна.

Как-то в одночасье снег везде растаял,
обрушилась дамба на склоне крутом,

и пошла в низину, всё на пути сметая,
лавина высотой с трёхэтажный дом.

Полтора часа длилось действие это;
поток воды и глины мчаться перестал
и начал застывать, унося со света
трамвайный парк, больницу и жилой квартал.

Овраг по-украински называют яром;
Бабий Яр! – взошла молва из долгой тишины:
две тысячи жизней одним ударом,
через двадцать лет от начала войны!

Взошла молва и стихла – день не календарен,
власти предпочли сохранить секрет.
А ровно через месяц полетел Гагарин
и заполнил шапки и полосы газет...

ЭПИЗОД

Двадцать минут звучит большой симфонический
в сто музыкантов. Впрочем, дело не в их количестве,
а в том, какой огонь он в сердцах зажжёт...
Однако чу – тишина: поёт английский рожок.

Но как получилось, что смолкло многоголосие?
Боюсь надолго увязнуть в этом вопросе я
и потому предпочту самый простой ответ:
с единственным голосом каждый приходит на свет.

Пусть у кого-то неяркий он, невнушительный
и оттого негромкий и нерешительный,
но что-то своё он хочет поднять на щит –
и большой симфонический три минуты молчит!

Английский рожок не должен впадать в отчаянье:
ему дарованы три минуты молчания!
Может быть, людям потом припомнится эпизод –
неяркий, негромкий голос единственный тот,

который пел про своё как будто бессилие,
но также про белый день и про небо синее,
про закон внутри нас и звёзды над головой –
что это важней всего, пока ты ещё живой...

ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ

Виктор Платонович, фронтовик,
пьяница и матерщинник,
команду «фас!» выполнять не привык,
тем боле – носить ошейник.

Виктор Платонович, лауреат,
писатель честный и гордый,
плевать хотел на любой диктат,
тем боле – носить намордник.

Виктор Платонович, человек,
носитель совести высшей,

знал: невозможно думать о всех,
но нужно помнить погибших.

И когда грязевой Куренёвский вал
обрушился Божьей карой,
он один из первых призвал
поставить памятник Яру.

Там были люди разных кровей,
много военнопленных;
когда говоришь о тысячах смертей,
нет слова «обыкновенных».

Но должна разлететься по свету весть
погромче и поскорее,
что только евреев убили здесь
за то, что они – евреи.

А власти в рот набрали воды,
молчат, не ведая боли
из-за недавней жуткой беды,
из-за евреев – тем боле.

Виктор Платонович, фронтовик,
привычный к разным ударам,
весь помрачнел и вроде бы сник
на еврейском кладбище старом.

Разбиты надгробья, осквернены,
но не брошены как попало,
а кучно к ограде все свезены –
здесь были не просто вандалы.

Да и не всякий дурак-лоботряс
пойдёт на такое зверство –
для этого нужен высокий приказ
на уровне изуверства.

Виктор Платонович, лауреат,
член СП с повоенным билетом,
стал писать во все издания подряд,
чтоб люди знали об этом.

Таскали его на райком, на горком –
коммунист, а страну порочит.
А он-то был английским рожком,
поющим лишь то, что хочет.

РАЗДУМЬЯ

Ты чужим ощущаешься дома,
оттого и печаль велика:
против лома не сыщешь приёма,
а особенно – против катка.

Лом даёт хоть надежды немножко –
покалечив, оставит в живых.

А каток разутюжит в лепёшку,
превратив твою голову в жмых.

А потом, разутюженный, входишь,
возвратившись в родной коллектив,
и легко себе место находишь,
устремленья свои сократив, –

под рукою хозяйской дающей,
у хозяйских насупленных ног,
чтобы ты их, и прежнего пуще,
со стараньем вылизывать мог.

Против этого стыдного шанса
вся натура твоя восстаёт.
А тогда не колеблясь решайся
отправляться в свободный полёт.

Ты чужим ощущаешься дома,
ну а дом-то и вправду родной,
если пересечение кордона –
преступление перед страной?!

Пусть решение покажется странным,
но единственным будет оно:
есть на свете свободные страны,
а куда – да не всё ли равно?

Несомненно, ты выгод не ищешь,
там свобода – не здешний режим.

Ну, а если и в новом жилище
ты окажешься снова чужим?

Это может, к несчастью, случиться
и поставить судьбу кверху дном...
Нужно думать и нужно учиться
видеть мир, а не только свой дом.

ПРОРОЧЕСТВО

*Вольное переложение из Книги пророка Иезекииля,
37, 1-14*

Руку Свою положил мне Господь на затылок,
строго повёл и поставил в просторной долине.
Было полно там иссохших костей – не в могилах,
а на песке, и в разломах камней, и на глине.
– Сын человеческий, – молвил Господь, – погляди-ка –
смогут ли снова ожить эти кости сухие?
Я отвечал: – Ты Всевышний и Ты нам владыка:
Ты повелишь, и послушными будут стихии.
Молвил Господь: – Прорицай же об этом сегодня!
И говорил я над полем, усеянном ими:
– Кости иссохшие, слушайте слово Господне!
Бог обещает – вы будете снова живыми!
Бог говорит: – Положу на вас новые жилы,
плоть наращу и покрою вас новою кожей,
дам вам дыхание, и будете заново живы –
так расквитаюсь я с теми, кто вас уничтожил.

Только сказал – сильный шум учинился в долине:
кости иссохшие все от земли отрывались.
Прежде не видел того, что увидел я ныне, –
жилами, плотью и кожей они покрывались!

– Сын человеческий, – вновь получил я задание, –
ты прорицай, и слова твои каждый запомнит:
эти тела, что застыли сейчас в ожиданье,
ветер земли животворным дыханьем заполнит!
И говорил я над полем, где мёртвые всходы:
– Люди без душ, я завет объявляю Господень –
ветер придёт и заполнит все ваши пустоты;
будете живы, и путь перед вами свободен.
Только сказал я – и ветер прошёл по долине
силы такой, что и камни, казалось, из воска,
и задышали лежавшие молча доныне –
на ноги встало большое могучее войско!

– Сын человеческий, – снова Всевышний сказал, –
кости иссохшие – это Израилев дом.
Я оживил их и волю к движению дал,
но до страны предстоит добираться с трудом.
Вот говорят они: наши надежды мертвы,
нас оторвали от корня и ввергли в беду.
Ты прорицай им: со Мною подвигнетесь вы –
выведу вас из могил и в страну отведу!
Под небесами, где яркое солнце и зной,
в обетованном, исполненном блага краю,
из погребений сюда приведённые Мной,
будете жить – вам покой и надежду даю.

Ты прорицай им, и этот запомнится глас:
будете жить и сумеете всё обороть.
Я, ваш Господь, говорю вам об этом сейчас;
Я говорю – и Я сделаю так, ваш Господь.

Март – август 2020

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Поздний вечер. Звонок. Тяжело поднимаюсь со стула,
направляюсь к дверям, приникаю к дверному глазку.
Там стоит незнакомец, высокий, худой и сутулый,
и ровесник по виду. Так что же, открыть старику?

Как-то будет жестоко оставить его на ступенях –
есть, наверно, причина прийти в неположенный час.
Открываю. Молчу. И понятно, что жду объяснений.
– Разрешите войти. Разрешите приветствовать вас.

– Мы знакомы? – А как же!

Ведь, в сущности, родственны все мы –
мы единый народ, хоть различны порой языки.
Я Давид Перельман, персонаж вашей давней поэмы;
мы не просто знакомы – мы очень и очень близки.

Я был мальчиком в штетле, кудрявым и в меру пейсатым;
понимал, что война, но не думал о завтрашнем дне.
Я убит в сорок первом и ожил в две тыщи десятом,
когда вышла поэма, где главка была обо мне.

Я вернулся на землю, где множество лет пролетело.
Я тогда был мальчишкой – и сразу же стал стариком:
непослушные ноги, и очень тяжёлое тело,
и поток ощущений, с которыми не был знаком.

Я вернулся на землю, но годы мои не вернулись;
я не жду от бывшего подсказок – я всюду ничей:
Я теряюсь в жилищах, боюсь переполненных улиц,
я чужой в магазинах, чужой в кабинетах врачей.

Вы меня разглядели среди обитателей штетла,
где веселье и горе, и много забот, и покой:
мол, хороший он мальчик –
и умный, и добрый, и светлый;
вам спасибо за это, но я был совсем не такой.

Был не очень я умный и точно не очень послушный,
был я врун и драчун, не выказывал в хедере прыть.
За такие проделки, наверно, наказывать нужно,
можно дать подзатыльник – но чтобы за это убить?!

А за что же ещё? Я ведь немцам ни в чём не перечил,
был совсем незаметен, на губы повесил замок.
Так за что же? Вопрос и сегодня сминает мне плечи;
может, взрослым понятно, а я разобраться не смог.

Мне бы надо исчезнуть, мне эта судьба не по нраву:
мне б остаться ребёнком – я был бы доволен вполне.
Вы мой автор, у вас потому персональное право:
чтоб не мучился я, напишите опять обо мне.

– Да о чём напишу я? О вашей повторной кончине,
отрешающей вас от нелепой юдоли земной?
А ведь нужно тогда о совсем непонятной причине,
позволяющей вам преспокойно общаться со мной.

Но и это, и то, да и многое мне неподвластно,
и пока я живу, живы вы – и в мозгу, и в душе.
Оставайтесь со мной, а общение не ежечасно –
происходит оно, как всегда, на крутом вираже.

...Так оно происходит, особо – больными ночами:
собираю слова, разгоняя туман и дурман.
Ты сидишь и молчишь, а глаза твои тоже в печали,
ингел мой замечательный, Додик ты мой Перельман...

Сентябрь 2020

* * *

Он терпелив, колеблемый треножник,
он терпелив и, значит, молчалив,
и он спасти свои богатства может,
в подвале их от варваров укрыв.

Он бросит угли жаркие в подвале,
и это всё, что может он отдать,
чтоб мы вокруг о том не забывали,
не пали духом и умели ждать.

Мы принесём, а он, треножник, спрячет
всё то, что наполняло наши дни.
Мы жить потом попробуем иначе
и лишь попросим: это – сохрани.

Там будет звук объятий осторожных,
ночные слёзы и рассветный смех,
и может случиться, новый подорожник
окрасит нежной прозеленью снег.

Когда и почему, того не знаю –
я лишь надежду слабую несусь,
что благодатных листьев тень резная
над ним возникнет где-нибудь в лесу.

Потом пичуга засвистит над веткой,
созреет дичка и взойдут грибы
как след моей почти что неприметной
и всё же состоявшейся судьбы.

Сентябрь 2020

* * *

Избушка или, может быть, сторожка,
пристанище заезжих егерей,
не то чтобы была на курьих ножках,
не то чтобы без окон и дверей,

не то чтобы в забвенье прозябала
среди бурелома и замшелых пней,
но пушкинскую сказку призывала,
чтобы понятней рассказать о ней.

Я в ней провёл одно плохое лето;
хозяин жил поблизости, в селе.
Хватало керосинового света
моей амбарной книге на столе.
Я этим одиночеством лечился,
в молчании отраду находил.
Я вечером не поздно спать ложился,
а рано утром лес меня будил.

С орехами и ягодой мочёной
хозяин появлялся иногда.
С ним рядом был обычно пёс учёный,
а то русалка, красотой горда.
Он привозил, когда просил его я,
из местной лавки водки и вина.
И вновь была неделя ветровая,
а то и вовсе благо – тишина.

В амбарной книге шли стихи про счастье,
плохое лето и хороший лес,
а в сентябре пришла пора прощаться,
поскольку прохудился свод небес.
И позабылась в те края дорожка,
но до сих пор мне снится неспроста

избушка эта или же сторожка,
на курьих ножках шаткая мечта...

Сентябрь 2020

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Нет ни строек ещё, ни развалин,
весь в безмолвии мир затемнён –
все предметы пока без названий,
все живые пока без имён.

И не названы тени былого,
а без памяти мир – манекен,
и пока ни единое слово
на земле не сказалось никем.

Никакого не слышно движенья,
хоть в наличии порт и вокзал.
Ждёт земля моего пробужденья,
чтобы я это слово сказал.

Божий мир так велик и прекрасен,
я так мал и мой голос так тих...
В самой первой промолвленной фразе
не начнётся ль неведомый стих?

На такой высоте пробужденья
обрету ль совершенства печать?

Всё сомненья и всё побужденья...
Но ведь надо же как-то начать!..

Сентябрь 2020

* * *

Уж так ведётся – все стремятся к морю:
вниз по реке движение прямое,
вода несёт, и можно не грести.
А если повстречаются стремнины,
то поднапрячься вёслашком единым
и одолеть препятствия в пути.

Чем ближе к морю, тем течение глаже,
и есть резон подумать о поклаже
и плыть, о ней радея, не спеша.
А выйдя к морю, подвести итоги
и, в том числе, припомнить о дороге –
что вся была легка и хороша.

Но есть такие, что подвластны року,
что в юности решили плыть к истоку,
к верховьям, неизвестно почему.
А там без шуток – трудности воочью,
и вёсла отдыхают только ночью,
и вновь к воде в предутреннюю тьму.

Я из таких – моя душа в неволе,
а на ладонях жёсткие мозоли,
и обходиться малым я привык.
Полярная звезда над изголовьем;
я поднимаюсь медленно к верховьям,
где бьёт негромкий трепетный родник.

Сентябрь 2020

* * *

Бабушка Сара была для меня началом начал,
но я, дурачок, в детстве ей нервов попортил немало,
и если как-то особенно, сверх меры ей докучал,
«акшен мешимед» в сердцах она меня называла.
А что ребёнку ругань и что ему даже крик,
если они звучат не злобно, да и не строго?
И было вроде б не стыдно не знать родимый язык,
и было вроде б не стыдно вовсе не верить в Бога.

А время было тяжёлое и для взрослых, и для детей:
вчера лишь прошла война, были и холод, и голод.
Детям всё-таки легче – всегда у них ворох затей,
у взрослых же ежедневно был разрушенный город.
Великих пророков не было – был только вождь велик,
в эти мрачные дни лишь им освещалась дорога,
и от него полагалось не знать родимый язык,
и от него полагалось вовсе не верить в Бога.

Бабушка Сара, не специально, но всё же меня обучала,
вставляя в наши беседы идишские слова.
Кое-что я запомнил – к сожалению, очень мало:
разговаривать не умею, да и понимаю едва.
Вождь оказался смертным, что потрясением было, –
народ над собой тиранства обычно не замечает.
А что касается веры, то жизнь многократно была,
пока наконец я понял, что Кто-то ведь и защищает...

Сентябрь 2020

* * *

Дорога заросла – видна едва;
неважно, там бетон или камня –
сквозь них беззвучно проросла трава,
трава забвенья.

Тут были сёла или города?
Все оказались в зоне затопленья:
покрыла всё молчащая вода,
вода забвенья.

Ну что поделать? Память на замок,
езде приметы длительного тленья,
и только вьётся горестный дымок,
дымок забвенья.

Пришла, моих советов не спросив,
чужая жизнь чужого поколения,
а мне остался вековой мотив –
мотив забвенья...

Сентябрь 2020

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ СИЗИФА

Блажен, кто от природы одарён,
и это всем понятно с малолетства.
Своей вершины достигает он
одним прыжком, не размеря средства.
Другому лишь приснится покоренье
таких высот, а он уже достиг!
Ему совсем не нужно повторенье:
подъём недолог – в сущности, за миг.
И ни к чему показывать толпе,
что ты иной, что из другого теста:
она и так поверила тебе
и продолжает верить повсеместно.

А я в толпе всегда один из многих
неразличимых жителей земли,
и просто случай, что мои дороги
к подножию вершины привели.
А раз они уж привели сюда,
то, может, подниматься понемногу,

не ожидая здешнего суда,
а веря интуиции и Богу?

Не утруждая память, слух и зрение,
я с ними лишь сверяюсь иногда:
мой метод – в бесконечном повторенье
постыло-ежедневного труда.
Но поднимаюсь – иногда на пядь,
а если повезёт, то на две пяди,
а иногда могу и не поспать,
не думая, что остаётся сзади.
И как-то невзначай, почти не веря,
однажды до вершины доползу,
и этот мир – деревья, люди, звери –
как бы рывком окажется внизу!

Сентябрь 2020

РАДУЖНАЯ БАЛЛАДА

В.

Дело давнее совсем, а вот помню до сих пор:
двухэтажный дачный дом у платформы Кратово;
на веранде застеклённой мастер выложил узор
из цветистых ярких стёкол ромбами-квадратами.
И когда бывало солнце (это значит, не всегда),
вся веранда озарялась многократной радугой,
но и в дождь бывало так: по стеклу текла вода,
переливами цветными наше зрение радуга.

Это был второй этаж, окружённый соснами;
я прожил там две недели – так сошлось в то лето.
Был в мансарде мой топчан, и глазами сонными
я смотрел по вечерам на жилище это.
А с утра спускался вниз по скрипучей лестнице
и сидел я на веранде, думая о том,
что Господь тому даёт, кто вставать не ленится, –
потому что сладко спал населённый дом.

А давал Он мне тогда радужные виды,
соблазнял меня тогда радужными планами,
где смогу я позабыть прежние обиды,
где мои дороги станут ровными и плавными.
Оставалось лишь найти самолёт с пилотом –
был такой красивый план и такой возвышенный!..
А пошла моя судьба по глухим болотам,
а пошла моя судьба по пустыне выжженной.

Но и там я знал и верил, что ещё не кончен путь,
что не зря Господь манил тем виденьем радужным, –
нужно просто притерпеться, и придёт когда-нибудь
вид с балтийским небосводом и строеньем ратушным.
И со мной там будет вместе та единственная в мире,
у которой в день текущий нет ко мне внимания,
но Господь уже поставил в ряд с моленьями моими
и её библейский облик, и в глазах мерцание...

Сентябрь 2020

Закрываю эту книжку и тотчас же открываю,
словно в некое владенье приглашающую дверь,
и его скупая память, постепенно оживая,
мне припомнит сто событий, сто находок, сто потерь...

Октябрь 2020

* * *

Полуночный вокзал, где усталые путники спят,
кто на жёстких скамейках, а кто на своих чемоданах,
и в прерывистых снах замечает измученный взгляд
только рельсы и стрелки на долгих дорогах обманных.

Только рельсы и стрелки и с ними мелькание шпал –
все куда-то стремятся, в какие-то дальние дали...
А в реальности будет опять полуночный вокзал
и ночёвка в храпящем и потом пропитанном зале.

На рассвете с вокзала начнут уходить поезда,
люди будут спешить на нетвёрдых ногах на посадку
и стараться опять укатить неизвестно куда
и на новом вокзале поспать упоительно сладко...

Октябрь 2020

* * *

Узкий мост над медленной рекой,
рядом с ним у дома тень лесная,
и лежит, своей судьбы не зная.
белый лист под медленной рукой.

Узкий мост, широкая молва,
даже не молва, а пересуды,
но никто не ведаёт, откуда
на листе появятся слова.

Лес в окне, безветренный покой,
и в реке спокойное течение...
Отчего ж душевное мученье
в тех словах под медленной рукой?

Вот молва: живёт в лесу чужак,
непростой выказывая норы:
не снисходит он до разговоров,
с виду свой, а всё равно чужак.

Цельный день торчит себе в окне,
что-то пишет, но совсем немного;
на реку глядит, как на дорогу,
наяву, а словно бы во сне.

Грезит, что куда-то уплывёт,
ест ли, спит – никто не видел это,

жжёт огонь, бывает, до рассвета
и воображает, что живёт.

На молву единственный ответ:
человек в окне, который пишет,
просто тем, что движется и дышит,
всей округе застит белый свет.

Белый лист под медленной рукой
тихо заполняется словами...
Чем же он виновен перед вами?
Тем, что он какой-то не такой?

Октябрь 2020

* * *

*Мы разучились нищим подавать...
Николай Тихонов*

Проснулась укоризненная память,
на совесть мне навешивая груз,
что никогда не мог себя заставить
монетку бросить нищему в картуз.

Понятно, что не скупость так учила,
но в детстве слаще не было мечты,
чем всласть поест. Тому была причина –
что жили мы на грани нищеты.

Так что же? И довольствовались малым,
не обращаясь к милости людской,
но никогда и мысли не бывало,
чтобы стоять с протянутой рукой.

Мы жили и учитывали строго
копейку, а тем более пятак;
конечно, он и не поможет много,
а выбросить его нельзя никак.

Привыкли мы и в остальные годы
считать пусть не копейки, но рубли,
и ради личной призрачной свободы
пренебрегать рублями не могли.

Да, мы трудяги, мы всё время пашем,
а даром ничего нам не дано,
уж так сошлось.

А как же милость к падшим?
Молчит натура. То-то и оно...

Октябрь 2020

* * *

Печаль еврея – не английский сплин,
она в глазах с рожденья и до гроба.
Коньяк, рокфор и несколько маслин
помогут – но нетленна эта проба.

Порой загул, порой домашний чай
меняют освещение портрета,
но всё равно нетленная печаль
и в звуке скрипки, и в стихах поэта.

С какого поколенья ни начать
из помнивших о вавилонском плене,
а есть тысячелетняя печать
на каждом из дальнейших поколений.

Казалось бы, далёкая беда,
уйти воспоминание могло бы –
но не могло, поскольку никогда
на олово и медь не ставят пробы.

Октябрь 2020

* * *

Что накопил, должно перемолотся,
на это не один уходит день...
Остановись на высохшем колодце –
ты не увидишь собственную тень.

Не потому, что солнце ослепило,
но так она бездарно коротка,
как будто впрямь её укоротила
безжалостная чья-нибудь рука.

Но долго тут стоять совсем не благо,
хотя быстрее идёт перемолот:
уходят силы и уходит влага,
и только солнце медленно ползёт.

Продолжи продвижение по пустыне,
хоть в радости душевной, хоть в тоске,
а тень твоя останется отныне
на белом пересушенном песке.

Зато уже не вызовет смятенья,
напомнив про сегодняшний поход,
твой главный переход в страну без тени,
когда он наконец произойдёт...

Октябрь 2020

* * *

Мечтал приехать в незнакомый город,
с вокзала к центру тропку проторить,
пройдя пешком,
а подоспевший голод
в какой-нибудь харчевне утолить.

Не зная местных временных отметин,
их открывать на голубом глазу
и там, где суть касается столетий,
себя спокойно ощущать внизу.

И вслушиваясь в речь на остановках,
на рынке или над развалом книг,
не чувствовать себя совсем неловко
из-за того, что труден мне язык.

...Такой обычный город незнакомый
однажды мне привиделся во сне,
наполнил душу тянущей истомой
и стал моей мечтой о новизне.

Там нет чудес, но есть как будто тайна,
и если в нём прожить заметный срок,
то что-нибудь откроется случайно,
а уровень открытия высок.

Там несколько не связанных событий
соединятся в знаковый сюжет,
и старый городской путеводитель
лишь подтвердит, что это верный след.

Там я живу и там учусь основам,
и не могу сказать, что жизнь легка,
но каждый день приходит с чем-то новым
на улице, где не был я пока.

Октябрь 2020

КОНЦЕРТ ОКОНЧЕН

Возвращение к давним делам дорогим
и без нынешних выдумок хитрых:
музыканты уходят один за другим,
гасят свечи свои на пюпитрах.

Перед этим исчезли солисты и хор,
но с финалом себя не связали,
и последним уходит седой дирижёр;
воцарилось молчание в зале.

Дирижёр понимал, что не нужно спешить,
а никто без него не посмеет,
потому что достойно концерт завершить –
это тоже не каждый умеет.

Долгий путь и неровный лежит за спиной –
то широкий, а то ведь и узкий,
то колдобины, рытвины – то ни одной,
то подъёмы бывали, то спуски.

То свистела нужды заунывная плетъ,
то недолгая слава ласкала...
Что касается зала, то как посмотреть –
не Карнеги отнюдь, не Ла Скала.

Несомненно, что путь отразился на нём –
стал свободней, но стал и смиренней.

Осознаётся всё это завтрашним днём
без восторгов и без сожалений.

А сегодня молчащего зала порог,
со зрителем зала прощанье,
а молчание зала – хороший итог:
и у жизни в итоге молчанье...

Октябрь 2020

* * *

Когда я только приступил к прологу,
ещё и не назвав его «пролог»,
внезапный ливень хлынул на подмогу,
и я в минуту весь насквозь промок –
и понял, что вот так творится чудо;
вошёл – и нет обратного пути,
я больше никогда таким не буду,
каким случилось в действие войти.

Ну, что ж, вошёл – я был тогда смелее,
поскольку и моложе, и глупей,
но ни о чём сегодня не жалею
и никаких не чувствую цепей.
Всё то, что мной вершилось за прологом,
не завершилось горестным концом,
и сам себя я ощущал пророком
или по крайней мере мудрецом.

И вот уже прошли два первых акта,
и даже не без небольших наград,
и после непрямого антракта,
казалось, остальные предстоят.
По крайности на третий и четвёртый
уже вполне рассчитывать я мог –
и тут сигнал: кончай мечтать о чём-то,
пришла пора обдумать эпилог.

За время, что прожил я от пролога,
утратил бесшабашность и порыв
и замер у последнего порога,
по сути ничего и не открыв.
Так что произнесётся в эпилоге
под острым заключительным лучом?
Что я, ни разу не свернув с дороги,
как прежде не жалею ни о чём.

Октябрь 2020

* * *

Библиофил в течение многих лет
разыскивал особый раритет,
который в годы детства был прочитан:
название книги кануло во тьму
и автор не запомнился ему,
а это значит, не был знаменитым.

Но тут коса попала на гранит:
зачем он столько времени хранит
тот миф о детском чтении поспешном?
Что хочет разыскать он и к чему?
Неужто, чтоб успех вернуть тому,
что при рождение не было успешным?

Но если миф, и ничего в нём нет,
то что ж полвека помнится сюжет
и те места, где проходило действие?
Прочтя библиотеку на веку,
неужто он вернётся к языку
и вкусу доморощенного детства?

Нет, нет – конечно, всё это не так,
а может быть, он ищет некий знак:
что есть искусство? что не есть искусство?
Хоть сердцу адресуйся, хоть уму,
что важно человеку одному,
то для другого холодно и пусто.

И потому предполагает он
свой собственный проверить камертон,
сегодняшний – и тот, что был вначале:
отыщет книгу по своей мечте –
и вновь услышит перезвоны те,
которые когда-то прозвучали!

А всё-таки сомнения грызут,
что верить в идеал и в абсолют –
не по годам и как-то не по чину.
Таясь и от коллег, и от семьи,
он продолжает поиски свои,
но никому не говорит причину.

Ноябрь 2020

* * *

Никогда бы не смог я себя называть Гантенбайном –
нет ни бюргерской выправки, ни голубой родословной.
Но прилипла ко мне, как листок прилепляется банный,
мысль, что имя моё – только знак, совершенно условный.

И представить нетрудно, что зваться я мог по-иному –
Колосовский, Красовский, а пуще того, Рабинович, –
изменилось бы всё, что относится к отчому дому,
но в изломах судьбы сохранялась бы прежняя горечь.

И похоже, что прав знаменитый швейцарский писатель:
можно долго примеривать нравы, одежды и лица,
а при всех вариантах лишь то проживёшь в результате,
что записано в Книге, которая в небе хранится.

Чтобы был терпелив, если с болью даётся дорога,
чтоб не очень гордился, но всё-таки помнил об этом,

мне родители дали библейское имя пророка
и фамилию рода портных, скрипачей и поэтов.

Ноябрь 2020

ОЛИВА

То ли прямо, то ли криво,
вдоль развилки, поперёк –
одинокая олива
у скрещения дорог.

Вся кора её в морщинах,
как лицо у старика;
лет её, конечно, длинных,
не считал никто пока.

Раньше было как-то проще
и жара полегче жгла,
и оливковая роща
спокон веку тут росла.

Но трудились люди много,
возводя свою страну,
и построили дорогу,
а потом ещё одну.

Одинокая олива
у скрещения дорог

озирается пугливо
на немолкнущий поток.

Очень ярко солнце светит,
очень мало здесь воды,
не придёт никто на свете,
чтоб собрать её плоды.

Мы промчимся торопливо,
и останется вдали
одинокая олива,
одинокая оли...

Ноябрь 2020

* * *

Человек живёт себе в полном одиночестве,
человеку видется ну ни с кем не хочется.
Многokrатно преданный, оскорблённый, битый,
он живёт, перебирая прежние обиды.

Человеку выпала память превосходная –
помнит все события, самые исходные:
разложит по полочкам, потом снова сложит,
всё понять умеет, а простить не может.

Человек живёт себе в полном одиночестве,
память превосходную выгребая дочиста:

разве не единожды мы живём на свете?
почему же действенны лишь клыки да плети?

Ноябрь 2020

* * *

Что остаётся? Посмотришь на пройденный путь –
припоминаются камни, пески, буераки,
а достижения вовсе укрыты во мраке
или смеются глумливо: «О нас позабуди!»

Страсти, стремленья, которые застили свет,
кажутся мелкими в туре спокойного вальса.
Смотришь и думаешь: что же я так убивался?
В канувшем времени – неразличаемый след.

В канувшем времени просто утрачена суть,
в канувшем времени смолкли фанфары и крики,
в канувшем времени слиплись провалы и пики...
Что остаётся? Наверное, пройденный путь.

Ноябрь 2020

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Скептики поверят мне едва ли,
лишь повертят пальцем у виска,
но мои стихи существовали,
прежде чем писала их рука.

Сколько раз давал себе отсрочки,
словно спотыкался о порог:
было чувство неудачной строчки,
и никак продолжить я не мог.

Что ж, забросить? Но порой ночью,
словно в чаще новая тропа,
медленно всплывала предо мною
полностью готовая строфа.

Вот уж ни прибавить, ни убавить,
как заметил некогда поэт,
и одна надежда, что на память, –
чтоб её не погасил рассвет.

Я находку записал наутро,
памяти хватило и чернил.
Выглядит красиво, даже мудро –
а вот я ли это сочинил?..

Ноябрь 2020

* * *

Мы были рождены, чтоб сказку сделать былью, –
так с малых школьных лет воспитывали нас.
Потом прошли года, и сказка стала пылью,
в меня вселив печаль и астму про запас.

К печали завсегда в поэзии почтенье:
не сложишь без неё ни стансы, ни сонет,
а место астмы в том, чтоб было объясненье,
откуда тут печаль, когда причины нет.

С печалью на лице, с дыханьем затруднённым
я издали гляжу на предыдущий дом:
там выросли уже другие миллионы,
что ночью сладко спят и в сладкой дрёме днём.

Моя судьба в конце, а их судьба в начале,
им заново привит незамутнённый взгляд –
и будут жить они, не ведая печали
и не дыша с трудом, когда глядишь назад.

Декабрь 2020

* * *

Этот возраст – как награда,
этот возраст – благодать:

никуда спешить не надо,
ничего не надо ждать.
Всё, что мне Господь назначил,
совершилось точно в срок;
все удачи-неудачи
свой преподали урок.
Потихоньку гаснет память,
в организме меньше сил;
ничего нельзя исправить,
что когда-то упустил.
За окном закат алеет
или, может быть, рассвет,
и одна надежда тлеет,
что остался некий след –
что протоптаны дороги,
что распахана стерня, –
а конечные итоги
не зависят от меня.
Это делает эпоха,
мировая круговерть,
я в ней крохотная кроха,
чьи рождение и смерть
обозначат лишь мгновенье
в гулкой бездне бытия,
что пройдёт скользящей тенью,
много замыслов тая...

Декабрь 2020

* * *

Нужно быть в хорошей форме, нужно быть в изрядной силе,
чтоб нести такую ношу, что с рождения дана, –
непомерные пространства непромеренной России,
непроезжие дороги, толстостенные дома.

А потом, уехав к югу на полосу возле моря,
совершив по доброй воле то, что нужно совершить,
непрестанно поражаться, с головой и сердцем споря,
той реальности, в которой постоянно будем жить.

И принять реальность эту – знак судьбы и постоянства, –
погрузиться постепенно в местный говор и в ТАНАХ,
поместив на край сознания непомерные пространства,
ощутив себя спокойно в непомерных временах...

Декабрь 2020

ШАХМАТНАЯ БАЛЛАДА – 3

Два старика, седых и лысых,
опять за шахматной доскою.
Со времени их первой встречи
прошло на свете двадцать лет.
Ручей гордыни как-то высох,
им больше хочется покоя,

но, чувству этому переча,
они готовы дать ответ.

Жизнь задала вопрос обоим:
что есть для каждого победа,
особенно когда со славой,
и так ли вкус её высок?
Тут надобна разведка боем,
а не спокойная беседа,
но как на злость найти управу,
когда она стучит в висок?

Не так уж трудно постараться
ответить честно и открыто –
но самого себя я вижу
по обе стороны доски!
И наше общее пространство
войной на лагеря разбито,
и правдой я себя обижу
и не подам себе руки.

Мы очень разные натуры,
хотя была одна эпоха:
один – внимательный и точный,
другой – мечтатель-фантазёр.
А чёрно-белые фигуры
повадки наши помнят строго –
тот знаменит защитой прочной,
а тот атаку распростёр.

Но вот-те на – в единстве редком
мы просто-напросто устали;
болезни наши, наши беды
ни позабыть, ни излечить.
Скользя по чёрно-белым клеткам,
мечтать о славе перестали
и поражение от победы
уже не можем отличить...

Декабрь 2020

ПЕГАС

Занятие для лоботрясов,
когда им толпа салютует:
поржать над печальным Пегасом,
который давно не взлетает.

А он притулился к кормушке –
нет сил даже сил набираться,
лишь ушки торчат на макушке
на фоне дурных декораций.

Он помнит, как был он в колхозе
и пахарем, и грузовозом,
потом надрывался в извозе,
простившись по счастью с колхозом.

Потом и взлетать научился
над рощами и над полями,
а всадники пели про числа,
а всадники пели про пламя.

Они горизонты видали,
где небо прозрачно и ясно,
и лишь одного ожидали –
чтоб он не летал, где опасно.

И вот он стоит у кормушки,
уменьшенный в силе и в росте.
Ему вспоминается Пушкин,
ему вспоминается Бродский

и кто-то ещё, кто случайно
нашёл его в брошенной стае,
и он воздыхает печально:
как сел, так и слез, не взлетая...

Декабрь 2020

* * *

На раннем рассвете поёт одинокая птица.
Проснулся и медленно думаю: что ж ей не спится?
Уже и прохладно, и только что было темно,
а птице поётся – уж так это заведено.

Уже и прохладно, к тому же погода сырая.
Проснулся и медленно в строки слова собираю.
Ещё бы поспать, но никак не даётся оно:
слова собираю – уж так это заведено.

По краешку неба чуть розовым тронуло солнце,
а птице не спится, а птице зачем-то поётся.
Потом потихоньку соседний окрасится дом,
а птица поёт и не знает, что будет потом.

Лежу в полумраке и слушаю раннюю птицу:
зачем-то поётся, а мне почему-то не спится.
В тиши появляются строки на месте пустом.
Слова собираю. Не знаю, что будет потом.

Декабрь 2020

СЛОВА

Неощутимы, невесомы
и незаметны иногда,
но в них и речь родного дома,
и грунт, и воздух, и вода.

В них наши мысли, наши чувства,
и знания, и память в них,
и чудо всякого искусства,
и повседневности дневник.

И на бумаге, и на ткани,
на глине, камне, на экране
значки, поставленные в ряд,
об очень многом говорят:

о проживающем народе,
об окружающей природе,
о близких и далёких нам,
присущих разным временам.

Они хранят оттенки цвета,
нюансы запаха хранят,
и невозможен в жизни лад
без их вопроса и ответа.

Мы дышим в атмосфере слов;
я в ней тону и выплываю
и ежедневно добываю
душеспасительный улов.

Декабрь 2020

ГРУСТНЫЙ СОНЕТ

*Пора – не пора, иду со двора...
Считалка из детской игры в прятки*

Ворчим: не то кино, и музыка не та,
и говорят не так, и не читают вовсе,
и думается нам, что это неспроста –
сломались бытия изученные оси.

И не поймём никак, что просто вышел срок,
и это всё не их, а наши незадачи.
Сменились времена, а нам и невдомёк,
что шкивы бытия вращаются иначе.

И думается нам, что только лишь вчера
мы заполняли двор, своей игрой влекомы, –
а во дворе давно идёт не та игра,
и правила её нам вовсе незнакомы.

И отыгравшим нам уже пришла пора,
хотим ли, не хотим, убратся со двора.

Декабрь 2020

ТРИПТИХ-СОНАТА

Памяти Дмитрия Дмитриевича Шостаковича

1. СКЕРЦО

Не помню своих игрушек времени раннего детства.
Какие-то были, конечно, – куда же им было деться?
Не помню кукол – понятно, куклы зачем мальчишке?
Но, например, другие – зайцы, собаки, мишки,
сабля, юла, паровозик, ослик, лошадка, пони...
Какие-то были, конечно, а я ничего не помню!

Зато отчётливо вижу большой деревянный ящик,
весь мандаринов полный, оранжевых, настоящих!
Папа-портной дипломату сшил костюм для приёма,
и вот дипломат за границей, а мандарины дома.
Целый ящик! Мы жили более чем небогато,
но помню и ныне квартиру, полную аромата.

А вскорости после этого стало не до игрушек:
помнятся гром бомбёжек и теснота теплушек,
холод и голод Урала, жара под киргизским небом,
потом домой возвращенье, очереди за хлебом...
В то жестокое время непросто сейчас взглядеться;
мир наступил, но игрушки уже не вернулись в детство.

И всё же, когда случается услышать струнное скерцо,
мои напрягаются мышцы и ускоряется сердце;

прихватив незнамо откуда слоника или мишку,
слушаю эту музыку, бегу за нею вприпрыжку,
помахиваю сабелькой – или, присев к столу,
на нём запускаю гудящую радостную юлу!..

2. АЛЛЕГРО

Красива, кругла, весела,
гудит и кружится юла,
расписанным боком играя,
и вдруг прекращает свой бег
и падает, как человек,
внезапно дошедший до края.

Ничто не сулило беду,
и он не твердил: упаду! –
вертелся, в трамваях давился;
сумел, оставаясь в пути,
открыть, разобраться, найти,
и даже чего-то добился.

И вот он лежит на полу
и напоминает юлу
из давнего детского года:
гудит и кружится она,
покудова заведена,
и в том её суть и природа.

А ежели кончен завод,
немного привычных забот
начать это действие сначала,
и эти движенья руки
при навыке вовсе легки,
и вот она вновь зазвучала.

Внутри у неё пустота;
немного движений винта –
и всё повторяется точно.
На мне, если кончен завод,
покудова доктор придёт,
поставится жирная точка.

Вертелся я, ношу неся,
и знал, что вселенная вся
в мои помещалась обзоры,
и вечная мудрость людей
ко мне обращалась: владей,
осваивай эти просторы!

Я радостно всё ощущал,
я с жадностью всё поглощал,
и несколько десятилетий
себя наполнял, наполнял,
и жизни ничем не пенял,
что трудно живётся на свете.

И вот подступает финал,
и всё, что я в жизни узнал
и сделал, и мог бы гордиться,
что это реально моё, –
со мною уйдёт в забвенье
и более не пригодится.

Но ежели там, за чертой,
я вновь изначально пустой,
то, значит, не зря я отчаюсь.
И если всё сгинет во мгле,
зачем же я жил на земле
и чем от юлы отличаюсь?..

3. АНДАНТЕ

Жду решения высшего Судьи,
напряжённый и для всех угрюмый.
Сам себе: бесцельно не сиди,
прожитое заново обдумай.
В чередё необходимых дел
всё ли было сделано тобою?
Что сумел, чего ты не сумел,
где не совладал с бедой и болью?
Где ступал, а где и отступал,
даже раз-другой из боя вышел:
где держался, но, увы, упал –
только по случайности и выжил.

Приговор попробуй угадать –
всё же не совсем ты меднолобый, –
и себя попробуй оправдать,
ну хотя бы для себя попробуй!

Жду решения высшего Судьи
и приму решение любое,
ибо все свершения судьбы
оплатил я и бедой, и болью.
Было всяко: многого просил,
многие оплачивал кредиты,
выбивался из последних сил,
от жульства страдал, от волокиты;
и бывал во взглядах мягкотел,
и глаза реальностью не выжгло,
и под ложь подладиться хотел –
впрочем, с этим ничего не вышло.
Понимаю: тут бы нужен лад –
всё-таки душа ещё живая, –
но часы настойчиво стучат,
музыку финала обрывая.
И решение высшего Судьи
пусть не ошарашит скучным тленьем –
я хотел бы, чтобы дни мои
завершил Он тихим просветленьем.

Декабрь 2020

* * *

Большие мастера в трудах извечных
всегда старались избегать длиннот;
им, чтоб возникли сущностные вещи,
всегда хватало красок, слов и нот.

Но постепенно в мире стало тесно
от превзошедших тайны мастерства,
которым всё заранее известно –
чем он закончит, лишь начав едва.

И вот Капитолийская волчица
должна кормление заново начать:
всё меньше тех, кто хочет поучиться,
всё больше тех, кто хочет поучать.

Пришла эпоха всехного разврата,
где всё снаружи, ничего внутри:
уже дошли до «Чёрного квадрата»,
до опуса «Четыре тридцать три».

И понеслось: кто круче объегорит,
кто натуральный облик исказит,
и право на мелодию оспорит,
и текстовой бессмыслицей сразит!

А если вдруг покажется, что снова,
даруя мне томление и грусть,

доносится естественное слово –
над вымыслом слезами обольюсь...

Декабрь 2020

* * *

Поколение начала двадцатого века,
поколение войн, нищеты и ГУЛАГа –
поколение, в котором не сыщется ответа
на вопрос «а за что?» ни один бедолага.

Ох, не новый вопрос, безусловно не новый –
мы читали в ТАНАХе и помним, конечно, –
к Богу он обращён от страдальца Иова,
потерявшего всё, чем владел он безгрешно.

Дескать, злу не служил я ни делом, ни словом,
но утратил здоровье, семейство, имя...
А Господь отвечал страстотерпцу Иову:
«Это выше, увы, твоего разуменья».

Человек совершает какое-то действие –
скажем, строит жильё или лечит больного, –
но в последствия просто не может взглядеться,
и нет дела ему до всего остального.

И не ведает он, что любое движенье
посылает сигналы в далёкие дали
и неведомо где происходит сложенье –
что-то там возникает, чего и не ждали.

А людей повсеместно сейчас миллионы;
видят – что-то неладно, и чувствуют это,
и летят к небесам их печальные стоны,
но никто никогда не осилит ответа.

Жизнь сложна и совсем не всегда справедлива,
и не знает простых однозначных решений,
и нередко ложится бездарно и криво
и судьба одного, и судьба поколений,

в том числе и начала двадцатого века, –
что же им, бедолагам, дороги проложит?
Только долготерпенье и вечная вера,
что, когда нестерпимо, Всевышний поможет.

Декабрь 2020

* * *

...даже неслышанный, не сетуй...
Александр Ревич

Исайя жаловался Богу,
что пред людьми он вопиет,
но отклика нисколько нет.
А Бог ему сказал в ответ
отечески, но всё же строго:

«Представь, что ты идёшь в пустыне,
в безлюдной местности идёшь.
Какого отклика ты ждёшь?
Что выпадет в пустыне дождь,
и местность расцветёт отныне?

Ты ждёшь немедля результата?
Так не бывает никогда,
и много надобно труда
для появления плода
в тени ухоженного сада.

А тут не сад – людей собрание,
а людям, право, всё равно,
чьё слово к ним обращено;
они сейчас безмолвны, но
не прекращай своё старанье.

Пусть душа твоя не стынет
и не впадает в мёртвый сон.
Верь справедливости времён –
в них остаётся только он,
глас вопиющего в пустыне».

Декабрь 2020

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

* * *

В.

Сосновый бор восходит до небес,
берёзовая роща в белизне,
и подавляет мощностью дубрава...
А мне, признаться, ближе просто лес,
где ходишь наяву, а как во сне,
и в нём уютно, а не величаво.

Он в самый раз – не мал и не велик,
порой прорежен, а порой и густ,
и потому то тёмн он, то светел.
Как жизнь сама, он прост и многолик,
и ствол со свилью, и цветущий куст
довольны тем, что я их приметил.

Цветущий куст весь в ягодах потом;
в лесу есть грузди, иногда строчки,
а иногда и россыпью лисички.

И хорошо в орешнике густом,
и хорошо слагаются стихи
под перестук далёкой электрички.

Хожу неспешно в дождик и в жару
в особенной звучащей тишине,
вхожу порой в туманную завесу,
а повезёт – нагнусь и подберу
находки, что дарованы лишь мне
за век служенья смешанному лесу.

Декабрь 2020